

32-33

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

Права человека после 11 сентября: демонтаж?

**Российский независимый
исторический и правозащитный
журнал**

Адрес:

390000, Россия, г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.

Для писем: 380000, Россия,

Рязань-центр, а/я 20.

Телефон: (0912)71-17

E-mail: andy@hro.org

<http://www.karta.org>

Учредитель:

Редакция независимой
газеты «Рязанский вестник».

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01849.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа

Сергей Романов

Петр Митцнер

Виктор Лазинский

Ирина Холмогорская

Владимир Холмогорский

**Мнения авторов не обязательно
совпадают с точкой зрения
редакции.**

**Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.**

По вопросам подписки на «Карту»
 обращаться в редакцию.

Над номером работали:

А. Блинушов, С. Романов,

Ю. Середа, И. Холмогорская,

В. Холмогорский, И. Маркина.

Компьютерная верстка:

Ю. Середа

Отпечатано ТОО «СЕРВИС»

Рязань,

ул. Интернациональная, д. 1 "Г".

Заказ № 242.

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Подписано в печать 15.05.2002

Только для бесплатного
распространения

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «КАРТА», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «МЕМОРИАЛ», учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

Андрей СУСЛОВ Террористический удар по глобализму и права человека	3
<i>Станут ли права человека «жертвой катастрофы?»</i>	
Андрей ЗОРИН Мир справится с этим вызовом	4
<i>Фрагменты очерка «Осень в Нью-Йорке»</i>	
Нарушения прав человека под прикрытием борьбы с терроризмом	6
Опубликован новый всемирный доклад Хьюман Райтс Вотч	6
Андрей ГРОМОВ, Юлия ЛЮБИМОВА Значение слова «свобода»...	
О балансе свободы и безопасности	7
Эмма БОННО Глобализация, права человека и демократия после 11 сентября	8
<i>Размышления европейского политика</i>	
Настало время следующих шагов	
Из заявления Международного Общества «Мемориал»	10
Александр ЧЕЛЯДИНСКИЙ Где же выход?	
Тerrorизм, свобода и международные отношения	11
Ульрих БЕК Конец неолиберализма	
Безопасность и либерализм	17
Тенгиз ГУДАВА Меняя свободу от террора на свободу от свободы?	
Борьба с терроризмом: кто в союзниках?	19
Ариана Юньонг ЧА У создателя PGP свои причины для скорби	
Фил ЦИММЕРМАН Я не жалею о распространении PGP	
Заонит ли колокол по PGP?	20
О положении чеченцев в России	
Свидетельство Правозащитного Центра «Мемориал» и Комитета «Гражданское содействие» «Антитеррористические действия»	22
Анонс проекта	25
Виктор ТЕРЕШКИН «Старая Гбашная шутка...»	
Журналист Григорий Пасько – узник совести новой России	26
Поддержите Григория Пасько	28
Борис ПУСТИНЦЕВ Мы каждый день ведем диалог с властью	
Гражданское общество после «Гражданского Форума»	29
Юбилей Татьяны Великановой	
Из истории инквизиции	31
Памятьваршавского Дома сирот	34
Норман КОН Миф в нацистской пропаганде	
Из истории антисемитизма	35
Хронология Холокоста 1939 – 1945	43
Из приговора международного военного трибунала в Нюрнберге	47
Трагедия в Едавибо	
Нравственная ответственность и национальное самосознание	48
Голоса Холокоста	
Свидетельские показания	51
Евгений БЕРКОВИЧ Праведники Мира в ландшафте Холокоста	
Из истории спасения евреев в годы Второй мировой войны	55
Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ Лени Рифеншталь, или Волшебная флейта Крысолова	
Искусство, власть и общество	65
Яков ЭТИНГЕР Встречи на тернистом пути	
Юридические «университеты» ученого-африканца	68
Виктор СНИТОВСКИЙ «С чего начинается родина»	
Страницы биографии Я. Эйтингера	70
Иван ЧЕСНОКОВ Побег	
Из лагерных воспоминаний	81
Сергей ПЛЮЩЕНКОВ Затянувшийся поиск	
Судьбы столетия	83
Владимир БИРГЕР «Ты помнишь, как все начиналось...» Как создавался «Мемориал» в Красногорске	84
Вениамина ИОФЕ XX век: мораль и право Реабилитация как историческая проблема	88
Письма советских граждан в Кремль. 30-е годы	
Архив	92
Частушки 20-30-х годов	
Архив	97
«Мы хотим жить в правовом государстве...» Подведены итоги школьного конкурса	
	98

На 1 стр. обложки: фотография Питера Каплана из серии, посвященной
Всемирному Торговому Центру в Нью-Йорке. 1981 г.

На 4 стр. обложки: антифашистский пикет в Рязани. Май 2002 г. Фото: Николай Середа

Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни...

Анна Ахматова, 1940 г.

...если б чуть-чуть «доказал» кто-нибудь из людей «компетентных», что содрать иногда с одной спины кожу выйдет даже и для общего дела полезно, и что если оно и отвратительно, то все же «цель оправдывает средства», — если б заговорил кто-нибудь в этом смысле, компетентным слогом и при компетентных обстоятельствах, то, поверьте, тотчас явились бы исполнители, да еще из самых веселых.

Федор Достоевский, 1870-е годы.

Андрей СУСЛОВ

Тerrorистический удар по глобализму и права человека

С первых телерепортажей о терактах в Нью-Йорке 11 сентября многие почувствовали, что эта трагедия отличается от всех других трагических происшествий, связанных с деятельностью террористов, что последствия этой трагедии коснутся всех, всего человечества. Целый ряд аналитиков сразу же оценил события 11 сентября в США как удар по глобализму. С распространением биотerrorизма такая оценка стала банальностью.

Однако немногие почувствовали, что удары террористов могут поколебать гуманистические ценности, путь к которым был долгим и трудным. Во всяком случае, публикуют такие материалы мало и крайне неохотно.

Между тем, в средствах массовой информации то тут, то там проскаивают сообщения о том, что

«Глобализм»: согласованный рационалистический подход мирового сообщества к разрешению наиболее острых глобальных проблем человечества. Этот подход начал вырабатываться, собственно, с момента создания Организации Объединенных Наций (ООН) после Второй мировой войны. В его разработке принимают участие юристы, дипломаты, экономисты, философы, культурологи многих стран мира. Политика и практика глобализма направлена на разрешение таких основных проблем как: предотвращение угрозы мировой войны и региональных вооруженных конфликтов; недопущение геноцида; соблюдение международных стандартов прав человека; ликвидация угрозы голода для миллионов человек; демократизация; неразвитость гражданского общества; борьба с терроризмом; преодоление бедности и технической отсталости развивающихся стран; предотвращение экологической катастрофы; ликвидация опасных болезней; решение проблемы размещения и использования сырьевых и энергетических ресурсов; демографическая политика, освоение космоса и др. — прим. ред. «Карты».

амericанцы (по крайней мере, часть из них) готовы урезать свободы ради безопасности. Опасный путь.

Вот здесь США есть чему поучиться у России. Правда, не тому, что надо делать, а тому, чего делать не надо. Еще Петр Чаадаев называл Россию уроком и предостережением всему человечеству. Тоталитарная история прошлого века сделала это предостережение значительно реальнее. К сожалению, история показывает, что люди не очень-то стремятся учить уроки истории в своей деятельности. Сиюминутные страхи и политические выгоды отбивают историческую память.

Если говорить о деформациях гуманистических ценностей вследствие террористической атаки 11 сентября, то первой жертвой следует признать презумпцию невиновности. Всякому цивилизованному человеку известно, что вину может доказать только суд. Между тем, виновник был назван почти сразу после налета на Всемирный Торговый Центр и Пентагон. Более того, СМИ уверяют нас, что вина Усами бен Ладена «практически доказана». Возможно, у спецслужб есть серьезные основания для предъявления обвинения «террористу № 1», но стоит ли доверять спецслужбам то, что должен делать суд? Советские чекисты продемонстрировали, к чему приводит такое доверие. При этом советский народ свято верил в то, что «у нас зря не арестовывают». Наверное, народу надо пережить кошмары массовых расправ без суда и следствия, чтобы понять, что принцип презумпции невиновности — одно из величайших достижений цивилизации. Воплощение этого принципа в судебной процедуре дает существенные гарантии прав человека.

Дошло до того, что ФБР всерьез рассматривает «возможность применить нетрадиционную для Соединенных Штатов Америки тактику допросов — психологический прессинг, наркотики и пытки» к подозреваемым в принадлежности к террористической группи-

ровке «Аль-Каида»¹. Этот урок мы тоже проходили. Можно даже предсказать, что под пытками многие признаются в совершении всех терактов на планете. Однако при этом не надо забывать, что двойной стандарт в области прав человека (на кого-то распространяется свобода от пыток, на кого-то – нет) неизбежно приведет к подрыву самой концепции прав человека, для которой универсальность является системообразующим признаком.

Опасные симптомы заметны и во внешней политике США. Удары по Афганистану многими идентифицируются как акция возмездия. Мало того, что само понятие возмездия чуждо как концепции прав человека, так и международному праву. Проблем возникает множество. Во-первых, ставится под вопрос сам принцип суверенитета государства с режимом, неугодным сообществу развитых стран. Во-вторых, отнюдь не риторическим должен быть вопрос о гибели сотен не причастных к терроризму мирных граждан. В-третьих, вновь встает вопрос о подмене принципиальности политической конъюнктуры в отношении некоторых государств. Например, можно забыть о нарушении Пакистаном принципа нераспространения ядерного оружия, если он дает добро на использование своей территории при проведении «антитеррористической операции». Вопросы можно продолжить, их больше, чем ответов.

Кроме всего прочего, настороживает то, что американский истеблишмент начинает подбрасывать общественному мнению идею пожертвовать частью свобод ради безопасности. Даже через океан чувствуется, как етущается атмосфера подозрительности, начинаются поиски «замаскированного врага». В образе врага часто предстают арабы и прочие «чужие». Вот кого-то непускают через границу – показался подозрительным. Вот водитель высаживает подозрительных людей: плохо говорят по-английски. И т.д. ит.п. Оказыва-

¹ Эксперт, № 40, 2001, 29 октября, с. 64.

ется, что многие готовы отказаться от приватности своей переписки: лишь бы не получить споры сибирской язвы. Советский опыт показывает, что подобные общественные настроения снижают иммунитет народа к произволу государства, служат хорошей почвой для усиления этого произвола.

В то же время представители власти пытаются убедить общество, что, усилив контроль (и, может быть, сделав его тотальным) и придав особые полномочия спецслужбам, можно победить терроризм. Опасная иллюзия. Во-первых, потому, что терроризм таким образом не победить. Сталину даже полвека назад не удалось покончить с бандитизмом при наличии системы тотальной слежки и мощной карательной машины. В современном мире борьба с «теневыми» структурами усложнилась. Целый ряд аналитиков вполне обоснованно утверждает, что иерархическая система, какой является государство, не в силах справиться с «сетевой» структурой, каковой является международный терроризм. Во-вторых, опасность в том, что усиление контроля будет означать вторжение государства в приватное пространство людей, снижение уровня толерантности общества; усиление спецслужб также неизбежно оборачивается ограничениями свобод. Таким образом, в обществе девальвируются общечеловеческие ценности: уподобляясь в чем-то террористам, оно теряет достижения цивилизации.

Сможет ли часть мирового сообщества, стремящаяся к глобализации, найти такой ответ на вызов террористов, который не привел бы к отказу от гуманистических ценностей, выстраданных человечеством? Вот проблема, от решения которой будет зависеть характер грядущей глобализации.

Пермь

Впервые опубликовано: «Глобализация и возможности российско-американского сотрудничества в бизнесе, образовании и культуре». Екатеринбург, 2001

Андрей ЗОРИН

Мир справится с этим вызовом

Фрагменты очерка «Осень в Нью-Йорке»

...Более чем уместно задуматься о планах и расчетах, в данном случае о том, какие цели преследовали и исполнители этого коллективного самоубийства 11 сентября, и их вдохновители...

Цель теракта – взорвать рутину, спровоцировав власть на массовое насилие по отношению к мирному населению, которое в свою очередь подталкивает в ряды бойцов все новые группы прежде относительно

законопослушных граждан. В последние десятилетия эскалация террора бывает рассчитана на вмешательство мирового общественного мнения. Мировое сообщество, как правило, резче реагирует на преступления законных правительств, чем на выходки обезумевших фанатиков или откровенных баадитов.

Понятно, что удар такой мощи и зрелищности был призван побудить США к еще более разрушительным

ответным действиям, которые бы сразу или после обмена еще несколькими аналогичными ходами резко радикализовали десятки миллионов мусульман и в конечном счете привели бы к фундаменталистской революции в исламском мире. В сущности, речь идет о комбинации совсем несложной, но, тем не менее, ставящей противника в исключительно тяжелое положение.

В сачом деле, как защищаться? Пацифисты, чья довольно многочисленная демонстрация только что началась в пяти минутах ходьбы от моего дома, убеждены, что необходимо не поддаваться на провокации, не втягиваться в круг насилия и «дать миру шанс». Едва ли это поможет. Те, кто затеял подобную адскую игру, будут повторять теракты вновь и вновь, пока своего не добьются, и с каждой новой жертвой предотвратить глобальную катастрофу будет все труднее. По-видимому, какая-то силовая реакция была не только неизбежна, но и необходима. Другое дело, что для того, чтобы в результате ответных ударов ресурсы террористов не увеличивались, а уменьшались, они должны быть рассчитаны с феноменальной точностью.

Окажется ли Америка на это способна, и, в частности, насколько были обдуманы начавшиеся бомбардировки, мы узнаем еще не скоро. В первые дни после 11 сентября ни риторика высших государственных деятелей, ни опыт внешней политики США последнего десятилетия не располагали к оптимизму. Однако затем атмосфера вроде бы (страшно ошибиться и принять желаемое за действительное) стала отчасти меняться. Признаюсь, что главные мои надежды связаны не tanto с профессионализмом или тем более мудростью руководства страны, сколько с силой американской демократии и нравственным состоянием американского общества...

Эти недели я пытался внимательно, насколько позволяет Интернет, отследить российскую реакцию на случившееся. Честно говоря, ощущение от этого маcсированного чтения осталось довольно странное. На российских сайтах я то и дело читал о панике, охватившей Нью-Йорк, об арабских погромах, о мародерстве в опустевших кварталах, о воцарившейся атмосфере страха и подозрительности.

Репортерам вторили аналитики, за редчайшим исключением начинавшие свои статьи различными производными от слова «конец». Конец американскому лидерству, Нью-Йорку как мировой столице, глобализации, торжеству западных ценностей, процветанию, свободе, неприкосновенности личности, этнической терпимости, политкорректности, мультикультурности и т.д. и т.п. При этом в большинстве подобных суждений, наряду с традиционными для нашей прессы вззвинченностью и гиперболизмом, звучала nota устала-сниходительного превосходства: «Нечего, мол, было выпендриваться и делать вид, что вы не такие,

как все. Поняли наконец, когда жареный петух клюнул!».

Данные опросов общественного мнения свидетельствуют, что до половины населения России полагает, что американцы получили по заслугам. Конечно, авторы СМИ, которых мне довелось читать, довольно единодушно осуждали такие настроения как проявление варварства. При этом, однако, сами они легко позволяли себе не менее людоедские заявления. Привыкнуть к тому, что перед лицом мусульманской угрозы раздавались на каждом шагу. Одна молодая лада еврейского происхождения, с которой я никогда был шагом знаком, написала, что теперь уже всем ясно, что абсолютное зло – это ислам как таковой. Вероятно, набирая эти слова на своем компьютере, она казалась себе образцом беспощадной трезвости мысли. То нехитрое соображение, что на основании совершенно аналогичных посылок ее родителей могли бы скечь в газовой печи, надо думать, не пришло ей в голову...

Важнейшей стороной американской жизни после 11 сентября стала непрерывная общественная дискуссия, особенно примечательная в обстановке всеобщего патриотического единодушия. Спор, в частности, шел о том, как нащупать новое правильное соотношение свободы и безопасности. Америка действительно была в буквальном смысле слова открытым обществом, и террористы вполне сумели этим воспользоваться. Своего рода воплощением открытости, переходящей границу разумного, оказались распахнутые настежь во время рейсов двери кабин пилотов.

Теперь американцам предстоит заново решить, какие из свобод, привычных для ее граждан, были проявлением непозволительной беспечности, с которой надлежит расстаться навсегда, какие можно ограничить на время, а без каких немыслимо жить. Вопреки настойчивому требованию любезных моему сердцу либертиариям не делать ни шагу назад, отступать все же придется. К тому же новые теракты могут существенно сдвинуть любой найденный баланс в сторону дальнейшего усиления дисциплинарных мер и полицейских институтов. И все же существующий консенсус относительно того, что отказаться от свободы означало бы для Америки признать победу террористов, вряд ли может быть поколеблен...

Не думаю, что есть особые основания сомневаться в будущем Америки. Напомню, что в семидесятые годы многие из нас были убеждены, что при всей своей привлекательности расхлябанная западная демократия не сможет противостоять агрессивному коммунизму. Как-то обошло. И теперь я убежден, что в конце концов, хотя, вероятно, нескоро, США и западный мир в целом спрявятся с этим вызовом...

3-7 октября 2001, Нью-Йорк

Впервые опубликовано в ноябрьском выпуске сетевого журнала «Полит.ру»

Нарушения прав человека под прикрытием борьбы с терроризмом

Опубликован новый всемирный доклад Хьюман Райтс Вотч

Антитеррористическая кампания, начавшаяся после сентябрьских терактов в США, становится удобным предлогом для подавления гражданских свобод по всему миру, предупреждает Хьюман Райтс Вотч (Human Rights Watch) в публикуемом ежегодном всемирном докладе.

В то же время последние события дают возможность привлечь внимание к проблемам правами человека и демократией на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, где экстремизм – это единственная форма политики, которую авторитарные режимы оставляют миллионам людей. При этом во многих странах региона Запад не мешает таким правительствам упорно держаться за власть.

670-страничный доклад включает краткие обзоры ситуации с правами человека в 66 странах по состоянию на 2001 г., а также аналитические разделы, посвященные американской и европейской внешней политике, проблемам беженцев, международного правосудия, солидарной социальной ответственности и торговли оружием.

Такие государства, как Россия, Узбекистан и Египет пользуются объявленной терроризму войной, чтобы оправдать военные кампании или массовые репрессии против политических противников в собственной стране. С другой стороны, антитеррористические меры в США и Западной Европе ставят под угрозу устоявшиеся принципы прав человека.

«Террористы верят в то, что цель оправдывает средства, – заявил Кеннет Росс, исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч. – В борьбе с ними нельзя поддаваться той же логике. Права человека не должны приноситься в жертву, какие бы цели при этом ни ставились».

Антитеррористическая кампания не достигнет успеха, если ограничится лишь борьбой с группой преступников, отметил К. Росс. Победить такое изначально аморальное явление, как терроризм, можно лишь опирясь на международно признанную систему прав человека.

«Война с терроризмом должна служить утверждению принципа недопустимости преднамеренного посягательства на жизнь или права гражданского населения, – заявил К. Росс. – Но для многих стран антитеррористические лозунги оказались удобным предлогом, чтобы забыть о правах человека».

Касаясь проблемы Афганистана, К. Росс отметил, что свержение режима талибов создало предпосылки для перемена к лучшему. При этом руководитель правозащитной организации настоятельно призвал международное сообщество приложить реальные усилия к тому, чтобы преступники не ушли от ответственности. Разорвать порочный круг насилия в Афганистане можно лишь путем утверждения законности.

По словам К. Росса, Хьюман Райтс Вотч еще не проводила на месте событий исследования вопроса гражданских потерь в ходе американских бомбардировок Афганистана, однако имеющиеся сообщения вызывают серьезные вопросы.

По общему правилу, Хьюман Райтс Вотч не касается вопросов оправдности той или иной войны, настаивая лишь на строгом соблюдении во всех случаях норм международного гуманитарного права. Правозащитная организация неоднократно призывала американских военных не уклоняться от диалога по проблеме гражданских потерь в Афганистане.

К. Росс также заявил, что последние ограничения гражданских свобод в США, в том числе планы создания военных трибуналов, делают уязвимой позицию американского правительства, критикующего нарушения прав человека в других странах.

«Представьте себе Соединенные Штаты, осуждающие военные трибуналы какого-либо диктатора, который пытается с их помощью избавиться от политических противников, – отметил К. Росс. – Такая критика вполне может оказаться действенной. Но теперь она будет отдавать лицемерием – если Пентагон соответствующим образом не скорректирует директиву Дж. Буша о военных трибуналах». Аналогичные последствия может иметь антитеррористическое законодательство и для многих западноевропейских стран с точки зрения их способности играть роль мировых лидеров в области прав человека.

«Борьба с терроризмом не сводится к проблеме безопасности, – подчеркнул К. Росс. – Речь идет о базовых ценностях».

Готовность большинства западных правительств закрывать глаза на нарушения, допускаемые дружественными режимами на Ближнем Востоке и в Северной Африке, не способствует формированию там правозащитной культуры, отметил К. Росс. К числу проблем относится, в частности, неспособность Запада остановить злоупотребления, допускаемые Израилем в отношении палестинцев, и очевидное безразличие к тяжелым последствиям санкций, направленных против Ирака, для гражданского населения.

«В обществах с укоренившейся системой основных прав и свобод граждане могут требовать от правительства реакции на их претензии, – заявил К. Росс. – Но в Саудовской Аравии и других странах, где Усама бен Ладен находит поддержку возмущенного населения, политические дебаты правительством запрещены. Поскольку насильственный путь политической эволюции недоступен, на смену мирной оппозиции часто приходят сторонники силовых решений».

Хьюман Райтс Вотч является международной организацией, осуществляющей мониторинг соблюдения

прав человека. Штаб-квартира организации находится в Нью-Йорке. Хьюман Райтс Вотч не пользуется финансовой поддержкой ни одного из правительств.

За дополнительной информацией обращаться:

В Нью-Йорке: Кеннет Росс + 1-212-216-1801

В Вашингтоне: Том Малиновски + 1-202-612-4358

В Брюсселе: Жан-Поль Мартоз +322-732-2009

Вашингтон-Москва

Андрей ГРОМОВ, Юлия ЛЮБИМОВА

Значение слова «свобода»...

11 сентября неизбежно привело к ограничению свободы. Всесные трибуналы нетерпимы в мирное время, с этим смешно спорить. Но сейчас война.

Опасанные злоумышленния американской власти, проводящиеся в жизнь единодушного согласия большинства американцев, удивительным образом напоминают злоумышленния власти российской в 1999-м, а так же власти английской в 1939-м, власти французской в 1914-м и 1939-м, а также всяких прочих властей, вынужденных управлять страной во времена, бесконечно далекие от идеальных. И это неслучайно. То, что благо в мирное время, в военное время благо не во всем. Угроза безопасности требует адекватных мер со стороны государства.

Безусловно, победа над терроризмом, достигнутая ценой установления тоталитарного режима, – есть поражение в этой войне, и распространение практики применения трибуналов может нанести немногим меньший вред американским гражданам, чем действия «Аль-Каиды». Но не замечать того, что новая ситуация диктует новые условия бытования свободы, – есть другая, не менее опасная крайность. Если руководствоваться соображениями «пусть рухнет мир, но

права человека восторжествуют», то мир очень вероятно рухнет, но от прав человека точно не останется ничего.

Когда весь 2000 год свободолюбивая пресса всего мира обличала российские власти за попрание свобод и прав обороныющихся чеченцев, а российский народ за поддержку кровожадных действий властей, то противопоставлялось это обычно властям американским и американскому народу: «Американцы бы такого не допустили, свобода у них в крови, американские власти истинно привержены свободе и правам, для них немыслимо встать на путь любых ограничений».

Теперь обличать приходится уже самих приверженных свободе американцев, этих нестойких неофитов, противопоставляя им «старые добрые европейские традиции». Не дай Бог, конечно, но если те же соколы Усама бен Ладена учнят что-нибудь в Старом свете. Европа тут же заговорит о трибуналах, цензуре и интернировании. А если не заговорят, то навсегда умолкнут. Искаль настоящие демократические народы тогда будет просто негде, и винки вряд ли поймут значение слова «свобода».

Опубликовано на <http://www.hartika.ru>

Эмма БОНИНО

Глобализация, права человека и демократия после 11 сентября

«Ничто в мире больше не будет таким, как прежде», – так говорят, и не без причины, многие из нас после 11 сентября. Форумы, проводившиеся одновременно в Нью-Йорке и в Порто-Алегре, на которых обсуждались проблемы глобализации, вновь привлекли внимание общественности к вопросу, который до террористического акта в Америке являлся основным для мирового сообщества начала третьего тысячелетия.

На протяжении истории человечества всегда ощущались дуновения ветра глобализации, движимые желанием человека преодолевать географические, экономические и культурные барьеры. И во все времена это несло в себе определенную угрозу. Но если мы хорошо изучим этот вопрос, нам будет легче управлять процессом, обратив его на общую пользу.

Глобализация влияет не только на механизмы наших экономик, но иногда меняет и саму структуру некоторых современных обществ. Также несомненно, что нарастающие процессы глобализации leadут к тому, что количество населения в мире, которое не может воспользоваться ее благами, постоянно увеличивается. Это объясняет неуверенность и тревогу людей, и не может оправдать позицию «упорных борцов против». Эта политика кажется мне ошибочной, это – пустая трата сил.

Я с теми, кто верит, что в данный момент миру нужно «глобализоваться дальше», но более управляемо и сбалансированно, для того, чтобы у всех было больше благоприятных возможностей, чем сейчас, и все не превратилось бы просто в «выживание сильнейших». Другими словами, нужно установить подлинно свободные отношения во всем мире (которые уже невозможно будет назвать «протекционизмом империалистов»), нужно отойти от преследования только своих узких интересов, предоставить людям элементарные гражданские и политические права.

Соцредоточимся на нескольких раепространенных заблуждениях – это будет первым шагом к решению вопроса.

Я начну с движения антиглобалистов, не представляющего собой чего-то целостного, а существующего благодаря самым разнообразным организациям, интес-

ресы которых в данный момент не совпадают с тенденциями глобализма. Иногда их действия можно назвать смешными, а заявления – демагогичными, но часто они беспричинно применяют насилие, чтобы привлечь внимание авторитетных политиков, правительств и средства массовой информации. Несмотря ни на то, что я пришла к убеждению, что в политике должно уделяться больше внимания глобализации, несмотря на годы, в течение которых я организовывала или поддерживала бесчисленные ненасильственные акции и инициативы, участвуя в которых, нередко оказывалась за решеткой, несмотря на то, что у меня есть что высказать по этому поводу, я никогда не приму участия в демонстрациях антиглобалистов. Это – не осторожность и не снобизм – я просто не могла бы принадлежать ни к одной из составляющих этой блуждающей компании, на которую мы натыкаемся во всех четырех сторонах света:

– ничто не заставит меня идти рука об руку с Хосе Бове (Jose Bove), который принимает вывеску «МакДоналдс» за Бастидию и как будто бы защищает интересы обездоленных крестьян, хотя на самом деле является проводником идей французского аграрного протекционизма;

– я бы не чувствовала себя в своей тарелке, находясь в рядах католических организаций, с одной стороны, борющихся против ужасающей нищеты третьего мира, анафематствующих транснациональные корпорации, и в то же время заодно с официальным Ватиканом заявляющих, что для Африки контрацептивы представляют собой большую опасность, чем поголовная эпидемия СПИДа;

– тем более мне не хочется пополнить ряды слишком последовательных защитников окружающей среды, заявляющих о своем желании «спасти мир от само-разрушения», при этом запретив науке разрабатывать способы накормить голодающих, используя генетически измененные растительные и животные продукты питания, а также призывающих прекратить разработки в области клонирования клеток в медицинских целях.

До тех пор, пока противники глобализации не почувствуют эти противоречия в своих устремлениях, будет очень трудно (по крайней мере, для меня) вести с ними по-настоящему полезный диалог.

А уж о тех «крайних» антиглобалистах, которые не чураются насильственных мер, стирая грани между борьбой за разрешение проблем мирового сообщества и явным терроризмом, и говорить нечего.

Эмма Бонино – член Европейского парламента.

Теперь обратим взор к северу, к членам «большой восьмерки» или же к более широкому кругу промышленно развитых стран, политические лидеры которых не упускают любой возможности преподать урок рыночной экономики странам юга, чтобы они могли «помочь северу помочь им». Но крайне трудно найти политического лидера в Америке, Европе или Австралии, способного рискнуть своей популярностью (или даже карьерой), призывая свое правительство к снятию всех барьеров протекционизма, мешающих экономикам развивающихся стран действовать самостоятельно.

В настоящее время Европейский Союз в протекционистских целях продолжает субсидировать каждую голову скота, выращиваемого в его границах из расчета «один доллар в день», (миллионам людей в мире приходится рассчитывать на эту сумму, чтобы просто выжить), а Палата Представителей Конгресса США предложила в аналогичных целях выделить сельскому хозяйству максимально возможную субсидию – 175 млрд. долларов.

Казалось бы, лучше дела идут в области иммиграции. Какие правительства стран развитого севера не признают принцип «свободной циркуляции населения» (и идей)? На самом деле, даже в странах Европейского Союза, экономика которых нуждается в постоянном пополнении рабочей силой из-за рубежа, немногие из политиков придерживаются взгляда, что эти перемены (не только в экономике, но также демографические и социальные) неизбежны, потому что в наших обществах бытуют настроения ограничить, если даже не прекратить иммиграцию. Очень многие лидеры, являясь противниками глобализации, стремятся быть поддержаны общественностью, делая все, чтобы замедлить те изменения, которые приведут в будущем к созданию полиглоссического, многокультурного уклада жизни в Европе, усиливая этнические тенденции и страхи – неизбежные спутники иммиграционных процессов.

В заключение расскажу об одном широко распространяющем лядрами стран севера и юга заблуждении: экономическое развитие само собой приведет всех к свободе и демократии. Зачем же тогда осложнять международные отношения требованиями соответствия принципам Всеобщей Декларации прав человека?

Я верю, как и нобелевский лауреат Амартия Сен (Amartha Sen), что соблюдение основных прав и свобод граждан, будучи нормой жизни общества, является основной и неотъемлемой составляющей его развития. Еще одно эффективное средство от нищеты – личная экономическая свобода, которая создает множество новых смелых теорий. Международному сообществу, вероятно, стоило бы их обсудить. Верно то, что «экономическое чудо» может длиться долго, если общество имеет институт демократии, обеспечивающий исполнение законов, свободу и достоинство личности.

Трудно, однако, найти как на юге, так и на севере правительства, желающие сделать что-то в этом ини-

правлении. Всем гораздо удобнее остановиться на достигнутом и не «заходить слишком далеко». Это позволяет правительствам богатых стран отказаться от пересмотра своей экономической политики (протекционизм выше всего!), что в свою очередь позволяет большинству режимов на юге не приводить свою законность в соответствие с демократическими принципами.

Помните конференцию в Генуе? Одной стороны, разымающиеся страны заявили о желании полноценно участвовать в процессе принятия решений «большой восьмерки», но в то же самое время они отвергли все пункты повестки дня, в которых речь шла о демократии и правах человека, «во имя неприкосновенности своих национальных суверенитетов».

По моему мнению. Соединенные Штаты и их ближайшие союзники придали мировой войне против терроризма такой оборот, предпочтя решение проблемы с помощью военных действий и операций спецслужб, ставя эти методы выше любых политических, строя отношения с другими членами альянса на опасном принципе «враг моего врага – мой враг» что мы рискуем откатиться обратно в темные времена неприкрытой агрессии.

Нас неприятно удивило, что теперь, когда администрация Буша заложила в бюджет пятнадцатипроцентное повышение военных расходов, Пентагону асигновали на 2003 год 378 миллиардов долларов (вся помощь стран-доноров, выделенная на восстановление Афганистана (279 млн. долл.), соответствует расходам министерства обороны США за 7 часов), в то время как бюджет Государственного Департамента, с уже заложенной в него помощью, остался на уровне 25,4 млрд. долларов. Для борьбы с терроризмом это годится. Но где тогда взять ресурсы на борьбу с нищетой и ограничениями, являющимися все чаще основной причиной, а то и оправданием экстремизму и терроризму?

Короче, если до 11 сентября можно было еще надеяться на расширение этических рамок международных отношений, боюсь, теперь нам придется побороться, чтобы не потерять уверенность в том, что Запад не врастит «монстров будущего» из своих нынешних союзников, которым сходит с рук беззаконие и нищета в собственных странах.

Вчерашним диктаторам можно было просто заявить о своей ненависти к коммунизму – и они приобрели ореол справедливости. Боюсь, что и сейчас самым жестоким режимам удастся списать все свои грехи, записавшиеся в «антитеррористы». Неужели для победы над терроризмом необходимы новые саддамы, ниочеты и мобуту?

Моя личная точка зрения, к которой я пришла задолго до событий 11 сентября: терроризм не в такой степени порожден безнадежностью, нищетой и угнетением народных масс, как фанатизмом группки людей.

вставших на путь насилия, являющегося традиционным инструментом тоталитаризма. Кто виноват в самых громких политических преступлениях последних лет? Может быть, это угнетенные боролись против угнетателей? Нет, законыевые в фанатизме убивали просвещенных людей, обвинив их в «предательстве». Фанатик-индус убил Махатму Ганди (Mahatma Gandhi), мусульманина Салата (Anvar Sadat) застрелил боевик из организации «Братья Мусульмане» («Muslim Brothers»), а еврея Ицхака Рабина (Yitzhak Rabin) – молодой израильский экстремист. И так очевидно, какую цену человечество заплатило и продолжает платить за ущерб, нанесенный этими фанати-
ками.

ми, которые (насильственно изменяя ход истории) выступают «во имя Господа», либо действуют «во имя Его». И это при том, что использование религиозных мотивов для разжигания вражды противоречит принципам всех религий.

Две мировых войны – Вторая мировая и холодная – выиграны демократическим миром, и в дальнейшем два варианта тоталитаризма – нацизм и коммунизм – не смогут рассчитывать на мирное сосуществование с остальным обществом. Терроризм, бросая вызов демократическому миру и раня его в самое сердце, тоже не останется безнаказанным.

Страсбург

Публикуется в изложении.

Настало время следующих шагов Из заявления Международного Общества «Мемориал»

... Сегодня уже ясно, что беспрецедентное преступление против человечества, совершенное 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне, не останется безнаказанным...

Мы поддерживаем объявленные цели контртеррористической операции в Афганистане.

... Мы надеемся, что при подготовке операции был серьезно учтен негативный опыт «антитеррористической» кампании российского правительства в Чечне, где от действий федеральной армии страдает в первую очередь мирное население. Мы надеемся также, что при подготовке операции учтены и уроки вторжения Советской армии в тот же Афганистан. Результатом этого вторжения была гибель сотен тысяч афганцев и многих тысяч советских солдат; Афганистан же на многие годы погрузился в гражданскую войну, исконочнившуюся и по сей день. Правление талибов в Кабуле – не что иное, как отдаленное следствие советской агрессии 1979 года.

Мы хотели бы думать, что, привлекая к контртеррористической операции государства, правительства которых практикуют массовые и грубые нарушения

прав человека, политические руководители развитых демократических стран и международное общественное мнение не намерены выдавать им «индульгенцию».

Необходимо продолжать оказывать давление на эти государства с тем, чтобы они изменили свою внутреннюю политику по отношению к иначе мыслящим. Этого требует не только моральное чувство, но и простой расчет: напомним, что именно жестокое подавление в Узбекистане мирной политической оппозиции способствовало возникновению и укоренению в центрально-азиатском регионе террористических fundamentalistских организаций.

Лидеры антитеррористической коалиции заявляют, что, помимо военной компоненты, операция предусматривает также политическую – установление в Афганистане мира и спокойствия, и гуманитарную – помощь афганскому народу продуктами и медикаментами. Это правильные и разумные намерения. Однако этого мало.

Уроки косовской операции НАТО 1999 г., объявленная цель которой – предотвращение геноцида, – тоже была вполне достойной и благородной, до сих пор не усвоены мировым сообществом. Акция, выходящая за пределы действующего международного пра-

В следующем номере «Карты»:
молодежь против расизма и ксенофобии

международное право и систему международных отношений в соответствие с вызовами современности. Результатом стали новые вспышки насилия на Балканах, теперь – в Македонии.

Вероятно, афганская операция приведет к разгрому террористов и их пособников в Афганистане. Возможно даже, что эта операция действительно принесет Афганистану мир и спокойствие. Но она не может радикально покончить с международным терроризмом. Терроризм невозможно победить, ограничивая борьбу с ним определенными географическими районами земного шара. Для победы необходимы усилия всего мирового сообщества в глобальном масштабе. И прежде всего – коренная перестройка всего международного права.

Сегодня не существует даже международно признанного определения терроризма. А ведь такое определение, в совокупности с разработанным механизмом применения санкций против укрывателей террористов позволило бы более эффективно организовать борьбу с террористической опасностью. И, что не менее важно, – юридически пресечь попытки ряда государств под видом «борьбы с терроризмом» решать собственные внутренние или внешние проблемы.

Мировое сообщество, – и в первую очередь страны, активно участвующие в антитеррористической операции, – обязано поставить перед собой цель: разрабо-

тать международное законодательство, четко определяющее преступления, которые требуют безотлагательного международного силового вмешательства, создать наднациональные судебные органы, определяющие необходимость такого вмешательства и механизмы, определяющие порядок применения силы. Пора, наконец, приступить к строительству новой системы международных отношений, основанной исключительно на праве.

Вторая мировая война стала войной человечества против фашизма только тогда, когда союзники определили и публично провозгласили не только военно-политические, но и международно-правовые цели этой войны. Результатом стало создание Организации Объединенных Наций, которая, при всем своем несовершенстве была огромным шагом вперед в деле объединения человечества. Именно ООН выработала Великую Хартию двадцатого столетия – Всеобщую Декларацию прав человека; именно в ООН были приняты Пакты 1966 г. о правах человека – первый шаг к приданию принципам Всеобщей декларации силы закона.

Настало время следующих шагов.

Сегодня, как никогда, актуальна мысль А. Д. Сахарова о том, что права человека являются основой для построения справедливого и устойчивого мира.

Москва

Александр ЧЕЛЯДИНСКИЙ

Где же выход?

Трагические события в США 11 сентября 2001 г. еще раз напомнили и простым людям, и специалистам в области международных отношений о наличии ряда сложнейших проблем, которые должны быть подвергнуты тщательному научному анализу. Эмоциональное восприятие случившегося не должно заслонить от исследователей поиска объективных и субъективных причин возникновения и развития такого явления, как терроризм.

Как известно, по латинской терминологии слово «террор» означает «устрашать, наполнять страхом», однако беспоконт то обстоятельство, что частое, к месту или нет, употребление этого термина затушевывает истинное лицо картины. То, что происходит сегодня в международных отношениях, ни в коем случае нельзя сводить только к исламскому террору и его борьбе с западной цивилизацией, хотя нас усиленно подталкивают именно к таким выводам и упрощенным оценкам. Не претсяду на истину в последней

инстанции и даже рискуя вызвать критику в свой адрес, автор данной статьи позволит высказать ряд собственных суждений по этому вопросу. Глубокая его архитектура, прежде всего связанныя с историей, показывает, что склонность к терроризму заложена в самой природе *homo sapiens*, с того момента, когда Кain убил своего брата Авеля. Человек способен и на добро, и на зло; он ведет войны и, как это ни покажется чудовищным, стремится на свое право убивать распространять действие Кодекса Чести.

Даже в XXI веке люди не умеют и не научены слушать доводы оппонентов, позиция которых не совпадает с их собственной, причем это касается и женской, и мужской аудитории. Принцип непримиримости, приводящий не к дискуссии, а к спору, в котором якобы выясняется истина, перерастает в оскорблении и угрозы, является главной питательной средой террористических настроений. Даже географическое проживание человека влияет на его менталитет. Всем известно чувство достоинства, гордости, смелости и одновременно обидчивости, присущее народам, живущим в горной местности. Афганская пословица гласит: «Рана, причиненная саблей, залечивается, напесенная словом – не заживает». Поэтому необходимо очень объектив-

Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Факультета международных отношений Белорусского государственного университета

но оценивать поступки личности, прежде чем бросаться словами-ярлыками «бандит», «убийца», «уголовник», «насильник», «террорист» и т. д.

Об этом приходится говорить сегодня еще и потому, что в международных отношениях возникло расширительное толкование понятий «терроризм», «террорист», «террористическая деятельность». За два года до случившегося 11 сентября в американском издании «Федерал реджистер» было дано, со ссылкой на законодательство США, именно такое толкование, включающее шесть положений:

1) захват или саботаж в отношении любого транспортного средства;

2) захват или удержание, угроза убийства, насилие телесных повреждений человеку с целью принудить третье лицо (государство) освободить из тюрьмы своих соратников;

3) жестокое нападение на лицо или покушение на свободу этого лица;

4) убийство;

5) использование любого биологического, химического вещества или ядерного оружия либо устройства, или взрывчатого вещества или, огнестрельного оружия с намерением угрожать одному или нескольким лицам либо нанести значительный ущерб имуществу;

6) угроза, попытка или заговор с целью совершения любого из вышеперечисленного¹.

Оставим юристам-международникам возможность дать научное определение терроризма. Но если хоть на минуту согласиться с такой американской трактовкой, которая приведена выше, то получится апокалиптическая картина. Фактически вся история международных отношений и их нынешнее состояние являются не чем иным, как террористическими отношениями, где присутствует насилие, агрессия, в которой участвуют мужчины, женщины и даже дети. Как в этом контексте оценить борьбу американских колоний за независимость от Великобритании с точки зрения последней? Или сожжение англичанами Белого дома в Вашингтоне в ходе англо-американской войны 1814 г.? Убийство Шарлоттой Корде Ж.-П. Марата, восстание декабристов в России? Две мировые войны? С точки зрения идеологов фашистской Германии три женщины Беларуси – Н. Троян, М. Осипова и Е. Мазаник, отправившие на тот свет гауляйтеря В. Кубэ, были явными террористками. Не загоняем ли мы себя в правовой, политический и просто нравственный тупик, когда борьбу за национальную свободу и независимость, отстаивание целостности государства или, наоборот, попытку выйти из состава страны, найти свою национальную, языковую или региональную идентичность в зависимости от ситуации и точки зрения объявляем или терроризмом, или антитерроризмом? Трагедия, верно, состоит в том, что мало кто из числа политических элит залумывается о том, какая цена человеческой жизни будет заплачена за достижение той или иной цели, которая, в конечном счете, может оказаться ми-

фической. Прав был Ш. Монтескье, писавший: «Не следует лишать народ действительно необходимого ради удовлетворения мнимых потребностей государства. Мнимые потребности государства – это все то, чего требуют страсти и слабости тех, кто управляет: очарование необычайного проекта, болезненная жажда суетливой славы и некоторое бессмыслие рассудка перед фантазией»². К сожалению, эти слова великого философа не принимались в расчет. Действовал сталинский принцип: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы». XX век вошел в историю международных отношений как самый агрессивный в отношении людей. По некоторым подсчетам, погибло более 170 млн. человек. Только за последние 13 лет в результате человеческой ненависти погибло более 2 млн. женщин и детей, что составляет почти 90 % убитых и раненых в ходе вооруженных конфликтов³. Видимо, драматическое развитие ситуации в международных отношениях заложено в самой земной цивилизации, даже и тех ее достижениях, которые принято почему-то считать прогрессом. Этот прогресс неотделим от скрытой в цивилизации возможности террора. Если западный мир будет по-прежнему стремиться к тому, чтобы получить максимум удовольствий за минимум времени, его и всех нас ожидает глубочайшее поражение. Террор покажется невинной детской шалостью по сравнению с хоррором, что в латинской терминологии означает «наполняться страхом, ощущиваться, вставать дыбом (о волосах)».

Хоррор – это состояние цивилизации, которая боится сама себя, потому что любые ее достижения – почта, медицина, компьютеры, авиация, высотные здания, водохранилища, все средства транспорта, АЭС – могут быть использованы для ее разрушения. На смену экологии как первоочередной заботе приходит хоррология – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек, но человечество как заложнике сотворенной им цивилизации. Сейчас по всей Америке стремительно проходит процесс хоррорификации самых обычных предметов и орудий цивилизаций, их превращение в истинный ужас. И чем выше цивилизация здесь и сейчас, тем она опаснее. Нью-Йорк, Вашингтон, Москва, Тель-Авив, Лондон опаснее, чем маленькие городки. Бурлящие стадионы, пляжи, аэропорты, вокзалы опаснее, чем тихие деревушки. Цивилизация становится особенно грозной в местах своего скопления. Цивилизация уязвима проникновенностью своих коммуникационных сетей. Кто, из каких мест и с какой целью расселяет бактерии сибирской язвы? Почему это все еще не известно после усилий целой армии лучших специалистов сыщиков? Да потому, что такая неуслыхимость, свобода входов и выходов встроена в саму структуру цивилизации, которая озабочена тем, чтобы быть эффективной и проницаемой, пересыпать каждый день 700 млн. почтовых отправлений только в США.

Цивилизация не только обнаруживает свою уязвимость, она становится причиной и мерой уязвимос-

ти, мера ее совершенства и есть мера ее хрупкости. Молодое поколение стремится на Запад. И вдруг оказывается, что это западня. Известный публицист М. Эпштейн отмечает: «В сущности, цивилизация – это великая ирония, которая под видом защиты и удобства, свободы и екости, богатства и разумности собирает нас всех в одно здание «добра и света», пронизанное тысячами проводов, лестниц, лифтов, огней, – чтобы подставить всех вместе одному точному и все-сметающему удару. Цивилизация – лестница прогресса, ведущая на эшафот»⁴.

Производное от цивилизации состояние международных отношений также объективно создает напряженность, чреватую проблемностью выживания. Расступая взаимозависимость всех субъектов отношений в области экономики, информации, политики и культуры (глобализация) является противоречивым процессом.

Современные средства коммуникации, доступность в развитых странах информации, свободное перемещение людей, товаров и услуг ликвидируют большинство препятствий для физического перемещения террористов либо делают его ненужным для нанесения ударов по объектам атаки. Растет возможность террористической деятельности с использованием высоких технологий, особенно опасных в биологической и электронно-информационной среде.

Глобализация системы мирового хозяйства позволяет экстремистским группам без особого труда инфильтровать свою кадровую, финансово-экономическую и технологическую базу в страны и регионы, являющиеся объектом их полрвной деятельности. Гражданское население, в том числе женщины и дети, легко рекрутируется современными экстремистами и является высокоэффективной боевой силой в борьбе за идею и веру, тем паче, что в практике терроризма нормой является выплата семьи погибшего значительной финансовой компенсации. В условиях всеобщей нищеты гибель одного из членов семьи позволяет остальным получать средства к существованию.

Сделав прозрачными границы национальных государств, глобализация ввела в международные отношения новых акторов, весьма разношерстных, со своими интересами и целями. Одни из таких целей благородны (экологическое, правовое движение). Другие преследуют только корыстные цели финансовых накоплений (ТНК и ТНБ). Третьи борются против существующего порядка вещей, который они в принципе не признают.

Глобализация оказалась не столь «глобальной» (охватывающей, с одной стороны, все страны и регионы, с другой – все области: экономику, социальные отношения, культуру), не столь «универсальной» (имеющей единые нормы, стандарты, ценности) и не столь «прямолинейной» (развивающейся только в правильном направлении и не допускающей попутных движений). Сегодня такие субъекты международных отношений, как государства и ТНК, должны научиться

приспосабливать свою стратегию к тем вызовам и угрозам, которые порождает глобализация, включая появление быстрых и потенциально взрывоопасных финансовых потоков, падение цен на энергоресурсы, усиление дифференциации развития внутри отдельных стран и т. д. Большая часть мира, которая, по логике В. В. Путина, является нецивилизованной, осталась на обочине глобальных процессов, в том числе и Россия с Беларусью. Более того, в результате быстрых темпов глобализации, которые обусловливаются современной технологией, разрыв между странами, вовлечеными в мировую глобализацию (30 стран), и остальными 200 странами становится все ощутимее.

Возьмем, к примеру, Великобританию, занимающую сегодня 5-ю позицию в мире по уровню экономического развития. Ее ВВП в расчете на душу населения в 2000 г. составил 24,3 тыс. дол., в то время как на всем постсоветском пространстве он составил 7 тыс., а во всех странах мира, которые называются развивающимися, равнялся 3,8 тыс.⁵ Что бы мы ни говорили сегодня о причинах такого разрыва, какие бы ни приводили веские доказательства, почему англичанам хорошо, а остальным плохо, это не возымеет действия. Дисгармония развития порождает новые вызовы и угрозы, к которым относится прежде всего массовая миграция населения в благополучные, но тем не менее стремительно стареющие районы мира. Сегодня уже ни у кого не вызывает удивления, что членом палаты лордов Великобритании – святая святых английского истеблишмента – является правоверный араб-мусульманин. Через 10 лет их там будет уже 15, а через 30 лет ис покажется провокацией вопрос: «Когда же глава государства (если им окажется женщина) наденет чадру?» В целом эксперты предсказывают к 80-м гг. XXI века наличие только 10–15 % белого населения в Европе и США⁶.

В этих условиях эгоистический расчет сторонников космополитической системы международных отношений просматривается довольно отчетливо. Они хотят, чтобы основные дивиденды от глобализации (помирать, так с музыкой. – А. Ч.) получили развитые в экономическом отношении общества. Ведь именно эти общества выступают носителями основных ее факторов. На государства «семерки» сегодня приходится более 90 % мирового производства, 20 % населения планеты распоряжаются 83 % мирового дохода, а на другом полюсе к 2005 г. будет проживать 85 % человеческой цивилизации, имея только 17%. Эти цифры из года в год приводятся во всех мировых справочниках, к ним уже все привыкли. По глубокому убеждению автора, наступило время, когда эту арифметику уже нельзя игнорировать, тем более отмахиваться, как от назойливой мухи. В ней – зловещее политическое или даже, если хотите, генетическое содержание, которое уже опрокидывает спокойное течение международной жизни. Появляются новые недовольные, изгои, «новые варвары», психологически готовые к любой войне. Им ведь нечего терять. Можно лишь с уверенностью ска-

зять, что оставаться в стороне, спрятаться от войны, как это было в прошлые десятилетия, не удастся ни одному государству, в том числе Беларуси. С другой стороны, в прессе проекальзывают цифры, что по разным оценкам в Беларуси сегодня скопилось от 200 до 500 тыс. нелегалов из других, в основном конфликтующих, регионов. Так сколько же точно? Почему так разнятся цифры? Это ведь чудовищный источник социальной и трудовой напряженности, роста расовых настроений, торговли наркотиками и оружием, давление на наши границы, особенно белорусско-польскую. Сколько приходится тратить сил и средств нашему молодому государству, чтобы остановить нашествие «новых татаро-монголов» в Европу?

Протестная масса растет и в развитых обществах, и не только за счет иммигрантов с арабского Востока (более 4 млн. мусульман в США, более 3 млн. – в ФРГ). Есть ведь и внутренние протестанты. Они не сводятся к красной японской армии, фашистской партии США, рееспубликанской партии ФРГ и др. А вот антиглобалистское движение, охватившее молодых людей Западной Европы и Северной Америки, не стоит игнорировать. Оно объективно отрицает растущую тревогу по поводу невостребованности в настоящем и будущем и связывает данный процесс с такими субъектами международных отношений, как ТНК. В этой связи Дж. Сорос справедливо отмечает, что вместо простого пассивного отражения действительности финансовые рыночные активы формируют реальность, которую они, в свою очередь, и отражают⁸.

Важнейшей причиной активизации терроризма в международных отношениях является поведение США, вернее, внешнеполитическая деятельность всех американских администраций, начиная с Г. Трумэна. Этот факт, возможно, оскорбительный для простых жителей Америки, нуждается в пояснении.

Английского кинорежиссера П. Гринуэя, смотревшего новости по CNN, поразил американский мальчик, показывающий на рушающуюся башню и спрашивающий у мамы: «Что же мы сделали такого, что все эти люди так разозлились на нас?» Англичанин попытался дать ответ на этот сложный вопрос: «Да, в нашем обществе есть линиемерие, есть игра по двойным счетам. Я знаю, что каждая нация в начале своего развития так или иначе использовала терроризм в интересах государства – это было и в Америке, и в Англии. Поэтому сейчас – и американцы в том числе – должны задавать этот вопрос самим себе. И сами должны пытааться найти ответ»⁹. Представляется, что и мы не должны отказываться от поиска ответов. И дело заключается вовсе не в том, чтобы только упрекать американскую администрацию в том, что она способствовала рождению движения «Талибан», действуя по классическому принципу «Враг моего врага – мой друг». Проблема гораздо сложнее. После распада СССР во внешнеполитических установках США стала просматриваться тенденция к общемировой и региональной гегемонии, к попытке сделать XXI век «новым американским веком».

Подается все это под флагом «взаимообогащения культур» в международных отношениях, когда фактически господствует модель одной страны. В американском политическом сознании появился и усиливается мотив тождества себя и мира, остальные не имеют исторической перспективы: народы Незапада стоят перед дилеммой – либо отказ от собственной культурной традиции, либо роковая отсталость и прозябанье в качестве мировой периферии. Характерными чертами американского государственного мышления и поведения являются мессианство и провиденциализм: «Мы создали эту нацию, чтобы сделать людей свободными, мы, с точки зрения концепций и целей, не ограничиваемся Америкой и теперь сделаем людей свободными. А если мы этого не сделаем, то слава Америки улетучится, а вся ее мощь испарится»¹⁰. Эти слова известного политика и исследователя Г. Киссинджера лучше иных трактатов объясняют суть американства. Фанатичный дух превосходства, внешне усвоивший секулярную фразеологию и диктаторский плорализм, рождает подобие несобольшевизма с его пренебрежением и жестокостью к мешающим странам и народам. Логика однополярного проекта неумолимо ведет к конфронтации США со всем остальным миром, ибо однополярная модель в принципе несовместима с существованием других крупных государств. Американский политолог П. Бьюкенен отмечает, что США своей гегемонистской политикой уже успели нажить себе немало врагов, поспешив взять на себя бесчисленные обязательства буквально в каждом регионе мира¹¹. Если такая политика сохранится и после 11 сентября, то можно с уверенностью утверждать, что США ожидает судьба гитлеровской Германии, мечтавшей о мировом господстве немецкой расы, или Советского Союза, стремившегося выполнять везде и всюду интернациональный долг в целях победы «мирового социализма».

Международное сообщество в целом, даже союзники США, интуитивно противостоит гегемонизму в международных отношениях. Униженность в иерархии не может приветствоваться странами, чей генетический код исторического сознания не позволяет опуститься до уровня управляемой геополитической величины. Важны объективные обстоятельства. Для создания международных отношений, контролируемых из одного центра, необходимы как минимум 3 предпосылки: финансовое экономическое господство, языковое сближение и религиозная совместимость. Главенство США требует утверждения доллара в качестве единой мировой валюты. Но появление евро показывает, что имеется серьезная попытка Европы найти альтернативу. Что касается английского языка, то реальность такова, что в мире наблюдается уменьшение числа говорящих по-английски людей с 10 % до 7,5 % в 2000 г. Доля населения мира, говорящего на китайском, приближается к 20 %. Что же касается религиозной совместимости, то здесь наблюдается следующая картина. В 2000 г. христиане составляли 30 % населения планеты, мусульмане – 12 %, но через четверть века первых будет 25 %, и вторых 30 %¹². Сегодня придется

отказаться от бытующего стереотипа о единых и универсальных нормах и рамках жизни. Носить джинсы, есть пиццу и гамбургеры, пить кока-колу, смотреть новости по CNN – все это вовсе не означает иметь единые универсальные этические стандарты. На этот факт обращают внимание многие политики и исследователи, занимающиеся анализом влияния культурных факторов на внешнюю политику. К. Мацуура, Генеральный директор ЮНЕСКО, отмечает, что глобализация «не должна вести к унификации культур или господству одной или нескольких культур над всеми остальными. Не должна она и поощрять фрагментацию или менталитет гетто. Напротив, глобализация должна стимулироватьpluralism, имеющий своей целью диалог и взаимное обогащение»¹².

В современных международных отношениях мы наблюдаем лишь общую «внешнюю оболочку», за которой скрываются совершенно разные вещи. Например, стремление повторить чей-то опыт строительства внутренней и внешней политики оборачивается, как правило, крахом, так же, как в попытка найти свои особенные молели развития. Тем не менее, на наш взгляд, опасной тенденцией в международных отношениях, стимулирующей терроризм, является именно смешение приоритетов из области учета особенностей национального или гражданского государственного строительства в область практического воплощения странами Запада, прежде всего США, теоретических «западных ценностей» (демократия, права человека, равноправие полов и т. д.). Все это вызывало и будет еще больше вызывать сопротивление, включая террор. Например, исламская часть человечества, живущая почти в 60 странах мира и объединяющая 1 млрд человек, не может присоединиться к американским или европейским стандартам. Прежде всего потому, что она вместе с восточноазиатской, индийской, славяно-православной, латиноамериканской и африканской частями цивилизации находится на других стадиях общественно-политического развития, не лучших и не худших, просто других.

К примеру, не надо забывать, что в Афганистане сейчас не конец 2001, а начало 1381 г. Ни знаменитый вопрос Понтия Пилата, заданный Христу: «Что есть истина?», – разные ветви цивилизаций дают разные ответы. Разнятся подходы к таким понятиям, как справедливость, правда, пределы насилия, цены человеческой жизни. Россия, например, так и не научилась за 150 лет вести диалог с народами Северного Кавказа, следствие чего – 10-летняя война в Чечне. Для европейцев и американцев представители той же арабской цивилизации – это представители другой культуры, традиций, качественно другой цивилизации, которая породила и совершила иную ментальность. В мусульманском мире иная система запретов и ограничений, иное отношение к женщинам, к власти, к демократии. Для европейца забить человека камнями – дикость, для арабов – часть правовой культуры. Для врача умыкание невесты, ношение кинжалов – традиция, для европейца – преступление: похищение человека и ношение холодного ору-

жия. Для европейца многоженство – экзотика, для мусульманина – норма. И здесь следует, на наш взгляд, согласиться с П. Гринуэем. Не запутались ли американцы и европейцы в системах двойных стандартов для себя и для других, руководствуясь римским правом: «Что положено Юпитеру, не положено быку». Присущейющей демографической ситуации не окажется ли однажды, что 90 % населения планеты живет в странах-изгоях?

И еще на один аспект хотелось бы обратить внимание. Террористические акты в Нью-Йорке совершили не люди типа Басаева или Хаттаба. В США был продемонстрирован идеальный терроризм, а заказчиками и исполнителями были образованные люди, входящие в элиту исламского мира. Их самопожертвование, умноженное на восточное коварство, вполне осознанно. Это одновременно и месть, и целенаправленное уничтожение всего, что противостоит исламским ценностям. В то же время это и показ слабости силы США. Они считали себя правыми, когда нацелились на символ финансового богатства США – небоскребы и символ военного могущества США – Пентагон. Только случайность помешала им уничтожить символ политического могущества – Белый дом. С европейской или с американской точки зрения – это средневековые, варварство. Но так в свое время считал и Древний Рим, который купался в лучах славы, богатства, иеги, блаженства и сильной армии и все это считал непобедимым. Не повторяется ли история снова? Где развернутся новые фронты этой новой войны – неизвестно. Война эта не поддается прогнозам и сценариям. Нет ни глобального противостояния мировых идеологических систем или военно-политических блоков и союзов, ни ракетных ударов из космоса. Есть война «новых варваров» против «старой цивилизации», идущая не во имя тех целей, из-за которых обычно ведутся войны, и не по тем правилам. Рядовой исламский террорист, скорее всего, даже не понимает о каких ценных для евро-американца достижениях, как демократия, свобода, права человека. Там, где, по-нашему мнению, существует современная экономика, свобода, равенство, терпимость, он видит безбожие, разорат, плутократию, пьянство, порнографию.

Большую роль в развитии и усилении экстремистских настроений играет наличие могущественных покровителей в лице нефтедобывающих монархий исламского мира с их колоссальными финансовыми ресурсами. Пакистан, ОАЭ, Катар, Кувейт «присоединяются» к борьбе против Усамы бен Ладена лишь из страха, что США обрушат цены на нефть, накажут долларовым кнутом или запишут в страны-изгои, как они это сделали в отношении Ливии, Сирии, Ирака, Алжира, но, в сущности, они тайно ненавидят Америку, так же, как и Северный альянс в Афганистане. Например, когда в 1991 г. международная коалиция во главе с США выбивала из Кувейта войска Ирака, у Америки не было более верного союзника, чем Саудовская Аравия. Но сегодня ситуация изменилась. Саудовцы фактически разделили мир на неверных и пра-

воверных. Племянник короля принц Валид бен Талал, находясь с визитом в Нью-Йорке, заявил: «Причиной терактов 11 сентября стала политика Соединенных Штатов, их недостаточное внимание к проблемам палестинцев»¹⁴.

Даже такая ориентированная на Запад светская страна, как Турция, где антисламизм, опирающийся на всю мощь вооруженных сил, входит в число фундаментальных основ государственного устройства, поддерживает распространение «мягкого ислама» в его «экспертном исполнении» на территории бывшего СССР в качестве составляющей внешней политики. Одной из самых опасных особенностей современного терроризма является легкость его тиражирования. Российский исследователь Е. Становский справедливо отмечает, что любой террористический акт провоцирует копирование, тем более легкое, что информация о нем до мельчайших подробностей распространяется мировыми СМИ¹⁵. Вонстину не ведают, что творят, выступая в роли невольных инструкторов по организации взрывов, технических подробностей того или иного акта.

Сентябрьские события показали, что отношения между государствами, основанные на балансе сил, архаичны. Занятые постоянным соперничеством в военно-политических и экономических областях, ведущие страны мира откровенно прозвали рождение всеобщей опасности. Сегодня существующие в международных отношениях военно-силовые структуры, рассчитанные на противоборство с внешним противником, не в состоянии справиться с явлением, которое уже давно стало внутренним фактором. Движению «Талибан» можно нанести военное поражение, можно, наконец, поймать и наказать Усаму бен Ладена. Но изменят ли радикально ситуацию эти акции?

Международно-правовая система, основанная на принципах 50-летней давности и рассчитанная на активность такой универсальной организации, как ООН, в современных условиях нуждается в существенной коррекции. Очень быстро изменяются границы, исчезают и появляются новые государства, резко увеличивается влияние и лоббирование внешней политики общественными и религиозными объединениями и отдельными личностями. Российский исследователь Н. Загладин справедливо отмечает, что «деятельность групп террористов, экстремистов, преступных международных синдикатов, замешанных в наркоторговле, торговле оружием, расцепляющимися веществами, информацией и технологией производства оружия массового поражения, происходит на территориях современных государств, с ведома или без ведома их властей. Возник новый мировой беспорядок»¹⁶.

Видимо, не случайными являются сегодня шаги Запада по налаживанию партнерских отношений с Россией, страной, которая граничит с 4 мировыми цивилизациями, имеет богатый опыт сотрудничества и борьбы. У нашего союзника впервые появился исторический шанс тесного сотрудничества в сфере безопасности с Западом, без утраты при этом своего культуро-

логического своеобразия. Но западные партнеры России должны учитывать и ее национальные интересы, которые просто раньше игнорировались. Ведь не надо забывать, что Россия – это не только Запад, но и Восток. Россия не будет таскать каштаны из огня, в то время как США и их союзники по НАТО будут осваивать пространство Средней Азии, прежде всего в своих экономических и geopolитических целях. Россия не должна повторить печальный опыт своей предательницы – Древней Руси, которая закрыла собой монголо-татарское нашествие и тем самым позволила Европе успешно развиваться и крепнуть. Хорошо, если на Западе все это четко понимают. «Мы стали свидетелями поворота в истории», – заявил бывший глава Управления разведки и исследований госдепартамента США М. Абрамович. – США теперь будут совсем иначе смотреть на весь остальной мир еще в течение долгого времени»¹⁷. В противовес всемирному братству террористов создается, по сути дела, антитеррористический интернационал. Но будет ли этого достаточно?

В этой связи необходимо попытаться ответить на вопрос: где же выход? Неужели нельзя в международных отношениях найти какие-то методы и средства, чтобы обезопасить народ, и конкретного человека от прогрессирующей угрозы? Одни предлагают частично ограничить права и свободы граждан в соответствии с законами военного времени: контроль над информацией, финансовыми потоками, частной жизнью, включая сферу контактов и перемещения. Другие оспаривают эти предложения, заявляя, что вышеизложенные мероприятия подорвут права человека и либеральные ценности. Третьи предлагают начать физическое уничтожение террористов, объявить им беспощадную войну. На примере Израиля можно увидеть тупиковость данного метода. Как представляется, единственным гарантом всеобщей безопасности могла бы стать лишь добрая воля людей, изучение причины появления терроризма, его социальных корней, но это будет только в том случае, если люди из разумных существ превратятся в цивилизованных.

1 The Federal register. Washington. 1999. October 8.

2 Монтескье Ш. О духе законов. М., 1963. С. 16.

3 Шакуро Е. Женщины и дети-беженцы в вооруженных конфликтах // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 3. С. 71.

4 Эпштейн М. Ужас как высшая ступень цивилизации // Советская Белоруссия. 2001. 3 ноября.

5 Мировая экономика за сто лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9. С. 98.

6 Исламские истоки терроризма // Аргументы и факты. 2001. № 42.

7 Клепачук Л. Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. 2000. № 7. С. 89.

8 См.: СеросДж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. XX.

9 Аргументы и факты. 2001. № 47.

10 Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 39.

11 Независимая газета. 1999. 24 ноября.

12 Геоструктура XXI века // Информационный бюллетень. 2000. Сентябрь. С. 7-8.

13 Мацуура К. Глобализация – это также культурный процесс // Международная жизнь. 2000. № 9. С. 31.

14 Известия. 2001. 19 октября.

15 Сапановский Е. Глобализация терроризма и его последствия // Международная жизнь. 2001. № 9-10. С. 24.

16 Загладин Н. Новый мировой беспорядок и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 21.

17 Американская трагедия – поворот в истории? // Компас. 2001. № 38. С. 31.

Минск

Журнал «Международное право и международные отношения»

Ульрих БЕК

Конец неолиберализма

Невозможно больше избежать опасности терактов и сибирской язвы. Вспыхивает вопрос: кончилось ли короткое царствование экономики? Присутствует ли мы вновь при утверждении первенства политики? Неужели триумфальное наступление неолиберализма, который казался непобедимым, оборвалось?

Глобальное нищество террора похоже на Чернобыль мировой экономики: как там были захоронены отходы атомного производства, так и здесь – мы на похоронах обещаний спасения, которые дал нам неолиберализм. Авторы убийственных терактов не только показали уязвимость западной цивилизации, они также стали предвестниками конфликтов, к которым может привести глобализация экономики. В состоянии глобального риска, вся парадигма неолиберализма, призванного заменить политику и государство экономикой, мгновенно стала не столь убедительной.

Тому свидетельство приватизация воздушной безопасности в США. До сегодняшнего дня этому было удалено мало внимания, но трагедия 11 сентября, с этой точки зрения, во многом является внутренней проблемой США. Лучше сказать так: уязвимость Соединенных Штатов во многом связана с их политической философией. Американская нация – глубоко неолиберальная и мало расположена платить за общественную безопасность.

Прежде всего, давно было известно, что США являются возможной мишенью террористов. Но, в отличие от Европы, в Америке воздушное сообщение было приватизировано, что повлекло так называемое «чудо рабочих меет», на которых работа велась по гибкому графику. Зарплата работников составляла 6 долларов в час. В результате функции наблюдения – самые важные в системе внутренней гражданской безопасности – оказались возложены на персонал, набираемый всего за несколько часов и не задерживающийся на этой работе, в среднем, более 6 месяцев.

Таким образом, неолиберальная концепция, которую США приняли сами (с одной стороны – скучность государства, с другой – триада: deregulation – либерализация – приватизация) отчасти объясняет уязвимость

Америки перед терроризмом. По мере того как мы приходим к подобному заключению, становится ясным, что гегемония превосходства, которой достиг неолиберализм за последние годы, его влияние на рас- судок и поведение людей – исчезают. В этом смысле образы нью-йоркского ужаса таят в себе еще до сих пор непроявленный смысл: государство, страна могут «неолиберализировать» себя до смерти.

Экономисты-комментаторы, работающие в крупнейших газетах мира, чувствуют это очень хорошо и доказывают: что было правдой 11 сентября не может стать ложным. Другими словами, что неолиберальная модель действует и после террактов, поскольку нет другой альтернативы. Вот именно это и есть ложь. Скорее здесь выражено отсутствие альтернатив в самом мышлении. Всегда подозревали, что неолиберализм – философия для лучших дней, которая может быть действенной только в условиях отсутствия кризисов и конфликтов. И в самом деле, неолиберальный императив утверждает, что участие государства, вмешательство политики, даже бюрократия – по своему происхождению являются теми же мировыми проблемами, что и безработица, бедность и экономические кризисы.

Триумфальный марш неолиберализма основывается на обещании, что нерегулируемая экономика и глобализация рынков разрешат основные проблемы человечества, что освобождение эгоистических устремлений победит неравенство в мировом масштабе и позаботится о создании мирового правосудия. Не раз я с тоской спрашивал себя, кто защитит нас от этих поборников справедливости. Но вера капиталистов-революционеров обернулась опасной иллюзией.

Во время кризиса неолиберализм снимает с себя политическую ответственность. Когда угроза краха становится реальностью, удовольствоваться увеличением дозы горькой экономической микстуры для исправления побочных эффектов глобализации – значит полагаться на иллюзорную теорию, за которую нам приходится сегодня дорого платить.

Напротив, угроза терроризма напомнила нам некоторые прописные истинны, которые были отвергнуты в триумфе неолиберализма: мировая экономика, отделенная от политики, – иллюзия. Без государства и общественных служб – нет безопасности. Без налогов –

нет государства. Без налогов – нет образования, нет нормальной санитарной политики, нет общественной безопасности. Без налогов – нет демократии. Без общественного мнения, без демократии и без гражданского общества – нет законности. А без законности, опять же, нет безопасности. В результате – отсутствие обсуждения, отсутствие гарантий, в масштабе нации, а отныне и в мировом масштабе. Невозможность юридического разрешения конфликтов (то есть признанного всеми и ненасильственного). В таком случае, не будет, наконец, никакой мировой экономики, даже в той форме, что есть сегодня!

Где же искать альтернативу неолиберализму? Конечно, не в национальном протекционизме. В чем мы нуждаемся – так это в концепции расширения политической сферы, потенциально способной регулировать кризисы и конфликты, неотделимые от мировой экономики. Тариф Tobin на безудержный приток капитала, установления которого требует все большее число стран Европы и мира, – всего лишь первый программный шаг в этом направлении.

Неолиберализм давно настаивал на том, что экономика не укладывается в парадигму национального государства и сама устанавливает транснациональные правила, которым следует государство. В то же время придерживались принципа, что государство может играть свою обычную роль и сохраняет свои границы. Но после терактов страны обнаружили возможность создавать транснациональные сообщества, хотя бы это касалось только внутренней безопасности.

Вдруг почти повсеместное распространение получил принцип, противоположный идеи неолиберализма, – принцип необходимости государства, причем в своей наиболее старой форме, восходящей еще к Гоббсу: для гарантии безопасности. То, что казалось некоторое время назад невообразимым: европейский ордер на арест, который преодолел священное право стран на независимость в вопросах правосудия и полиции, – оказалось на расстоянии вытянутой руки. А, быть может, мы вправе рассчитывать на подобного рода сближение в случае возможных кризисов в мировой экономике. Экономике, которая должна приспособиться к новым правилам и новым принципам работы. Закончилась эпоха, когда каждый был «в своем домене наедине со своими преимуществами и своими предпочтениями».

Сопротивление глобализации, которое оказывал терроризм, привело к совершенно противоположному результату и открыло новую эру глобализации политики и государства: начало транснациональной политики, создание структур и сотрудничество стран. Таково действие этого странного закона, почему-то обойденного общественным мнением, закона, который требует, чтобы сопротивление глобализации только ускорило ее ритм, хотелось этого террористам или нет. Этот парадокс подразумевает следующее: термином «глобализация» обозначается странный процесс, реализация которого идет, согласны вы или нет.

Противники глобализации не только пользуются средствами связи наравне с ее адептами. Они пользуются также мировой системой прав, мировыми рынками, средствами передвижения, мировыми сетями. Они мыслят и действуют в рамках глобальных категорий. Их поступки вызывают мировой резонанс и получают рекламу во всем мире. Что можно сказать, например, о точности расчета террористов на то, что после проведения их операции в Нью-Йорке катастрофа и массовое убийство будут транслироваться в прямом эфире. Они могли рассчитывать, что разрушение второй башни Всемирного торгового центра будет вживую передаваться на весь мир ведущими камераами.

Стонут ли останавливать глобализацию по причине террористических актов? Можно ли понять террористов, которые хотели помешать неолиберализму, который, по мнению его критиков, подобно катку желал проскользнуть по всей планете? Нет, – это глупость. Ни глобализация, ни абстрактная идея, ни Бог не могут оправдать этот акт насилия. Глобализация – амбиентный процесс, ее нельзя повернуть вспять. Маленькие и более слабые страны отказываются от политики национальной автаркии и требуют доступа к мировому рынку. Что мы читаем на передовице крупнейшей украинской газеты перед визитом канцлера Германии? «Мы готовы простить завоевателей и ждем от них инвестиций». Потому что, если и есть нечто худшее, чем быть завоеванным иностранными инвестициями, так это – их отсутствие.

В то же время необходимо связать глобализацию экономики с политическим космополитизмом. В будущем достоинство человека, его культурно-самосознание, отличное от других, должно быть принято во внимание. 11 сентября расстояние между миром, который приветствует глобализацию, и миром, который видит себя под угрозой, исчезло. Помогать тем, кто исключен из сообщества, – теперь не только гуманистическая задача, но соответствует глубокому внутреннему интересу Запада, является ключом к внутренней безопасности.

Чтобы истощить источники, от которых питается искалест миллиардов человек, откуда беспрестанно возникают новые беспадежы, риск глобализации должен быть прогнозируемым, а ее блага и свободы должны распределяться более справедливо. Велика опасность того, что все произойдет в точности дооборота, что гибельный круговорот, который мы сегодня лишь воображаем, помноженный на обещания безопасности государства, закрутится в спираль обманутых належд.

Угрозу представляет то, что с новым открытием роли власти и сотрудничества государств, будет создано транснациональное государство – крепость, в котором демократия и свобода рынка будут принесенены в жертву частной безопасности. Необходимо, чтобы главные действующие лица мировой экономики публично заняли четкую позицию против такого, слишком предсказуемого развития событий. Чтобы они вернулись к логмату о бесполезности государства и превратили бы

государства — нации в открытые государства-космополиты, уважающие ценности культуры и религий всего мира.

Крупные промышленные группы, межнациональные институты экономической регуляции, неправительственные организации и ООН должны вести со-

вместную работу по формированию государственных структур и институтов, которые будут открыты для всего мира, будут подразумевать религиозные и национальные различия, права человека и экономическую глобализацию.

«Le Monde»

Перевод с немецкого: Даниэль Аржеле

Тенгиз ГУДАВА

Меняем свободу от террора на свободу от свободы?

Тенгиз Гудава — врач-биофицик, бывший диссидент и политзаключенный. В 1987 г. был освобожден из Пермского политлагеря с условием эмиграции. Живет в США. Работает журналистом на Радио Свобода.

... Бурное начало нового тысячелетия вынесло на поверхность политического обзора интересную коллизию: борьбы с террором и борьбы за права человека. Возможно, эта дилемма определит политическое лицо мира на долгие годы...

Свидетельством этого нарождающегося противоречия двух мировых тенденций явилось дело Мухаммада Солиха — узбекского оппозиционера, задержанного в Праге в конце ноября по запросу официального Ташкента. Мухаммад Солих — известный узбекский поэт, писатель, лидер Демократической партии «Эрк», единственный реальный конкурент посткоммунисту Исламу Каримову на первых президентских выборах 1991 года. Этот рафинированный интellektual был зачислен узбекским режимом в террористы и приговорен (заочно) к 15,5 года тюрьмы. Что это за «суд» — тема отдельная, однако факт, что сегодня вместо песни «Москва—Пекин» мы слышим не менее бравурный шлаггер «Вашингтон—Ташкент».

Мухаммад Солих два года назад получил статус политического беженца в Норвегии и объездил полмира. Но в Праге, стране президента-диссидента Вацлава Гавела, его арестовали и две недели держали в кутузке. 11 декабря Мухаммад Солих был освобожден из зак-

лючения (под поручительство того же Гавела), но суд над ним должен состояться, и вопрос о его экстрадиции в Узбекистан остается открытым.

Случилось так, что одиозные авторитарные режимы Центральной Азии, попирающие основные свободы, достоинство и права человека, а также элементарные демократические принципы, в одночасье стали «друзьями Запада» только потому, что у них с Западом общий враг — «исламский терроризм».

Говорят, все в истории повторяется дважды: первый раз как драма, второй раз как фарс. Эта ситуация мне видится явной фарсовской перегреткой союзничества Запада со сталинским режимом времен Второй мировой войны. В новой войне — войне с терроризмом — в союзники к мировой демократии карикатурно пристраиваются центрально-азиатские режимы, с демократией находящиеся приблизительно в таких же отношениях, как Ленин был с буржуазией...

Я думаю, я надеюсь, это aberration политической спонтанности: Запад едва ли захочет «поменять шило на мыло», то есть экстремистский ислам на Ислама Каримова, свободу от террора на свободу от свободы. Это было бы реализацией английской поговорки о том, как с грязной водой выплеснули и ребенка.

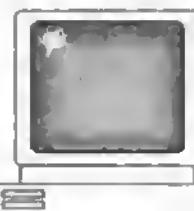
Я думаю, вырастет доктрина консолидированной борьбы: и с террором, и с диктатурами, что, кстати, одно и то же. Это — сложный путь, сложнее, чем найти Усаму бен Ладена в пещерах Тора-Бора, а кто сказал, что новая эра — эра простых решений?

Публикуется в сокращении

The Young Street Review

...не исключено, что люди могут увидеть в любой момент, на телезэкране, какой-нибудь взрыв (прямой репортаж!) и не догадаться, что это они сами именно и взрываются сию минуту, могут увидеть свою собственную смерть и умрут, не подозревая об этом (так и умрут, твх и погибнут «по телевизору», «по прямому репортажу», на глазах у самих свбя)... Да что там «могут» — все время слышат, видят, читают репортажи о конце света, о том, несколько тщательно, деловито, буднично идет подготовка к нему, и невтерпеливо поджидают, что после него будет репортаж со стадиона...

Юрий Каракин «Прозрения и ослепления (О «Бесах»)», 1981г.

ОКНО в свободный мир 2002

Звонит ли колокол по PGP?

Ариана Юньюнг ЧА

У создателя PGP свои причины для скорби

Циммерман – разработчик программы, известной под названием Pretty Good Privacy (Вполне надежная защита), или PGP. Десять лет назад он разместил программу в Интернете для свободного доступа пользователей. Благодаря этому обычатель впервые получил возможность кодировать сообщения таким образом, чтобы их могли читать только обладатели «ключа». Никакие правительственные органы, никакие службы безопасности не способны взломать этот код.

Уже тогда Циммермана предупреждали, что разработанная им мощнейшая технология может попасть в недобрые руки. Он знал, что теоретически это возможно, но вместе с тем понимал, сколько пользы принесет его программа, – ведь для граждан тех стран, в которых уп提ается свобода личности, PGP – уникальная возможность обмениваться сообщениями по электронной почте, не опасаясь, что представители власти прочитают их.

Теперь правительство пытается выяснить, была ли PGP или какая-либо другая технология использована для подготовки террористических актов 11 сентября. Тем временем законодатели США уже требуют введение новых ограничений на распространение и использование системы.

Циммерман и другие профессиональные криптографы говорят, что вводить подобные меры слишком поздно – технология уже разошлась по всему миру.

В телефонном интервью из своего дома в Берлингейме (Калифорния) Циммерман сказал, что не сожалеет о том, что разместил программу в Сети. В то же время, ему трудно было смириться с тем, что его технология могла быть использована для преступных целей.

«Умом я понимаю, что принял верное решение, но боль за погибших не дает мне покоя», – сказал он. – Это были ужасные дни».

В добавление к этому, в воскресенье вечером Циммерман получил по электронной почте сообщение, полное ненависти.

«Я надеюсь, Фил, – говорит автор послания, – что кровь 5 000 людей на твоих руках не мешает тебе спать спокойно». Система PGP, как утверждает неизвестный, превратилась в орудие войны, практически уравнявшее возможности террористов и таких мощных государств, как США.

Фил ЦИММЕРМАН

Я не сожалею о распространении PGP

В пятницу, 21 сентября 2001 года газета Washington Post опубликовала статью Арианы Чэ (Ariana Cha) о том, какую роль сыграла система PGP в событиях 11 сентября.

В материале, как мне кажется, не совсем точно перелано мое отношение к этому вопросу. Интервью с журналисткой состоялось 17 сентября, мы говорили о том, что система, возможно, была использована экстремистами при подготовке теракта. В статье написано, что меня «переполняет чувство вины». Но я не говорил ничего подобного и даже специально отметил, что не считаю себя виноватым. Я нарочно попросил журналистку повторить мои слова, чтобы их смысл впоследствии не был искажен. Я не случайно акцентирую этот момент. – ведь согласно статье получается, что из-за террористических актов я отказался от своих убеждений относительно необходимости криптографии для защиты неприкосновенности частной жизни и гражданских свобод в эпоху информационных технологий.

В связи с тем, что тема материала затрагивала тонкие идеологические вопросы, мисс Чэ почти полностью прочитала мне статью по телефону, прежде чем отдать ее редактору. Тогда в ней ни слова не говорилось о «чувстве стыда». Это утверждение появилось только в опубликованном варианте, который, к тому же, стал гораздо короче рабочей версии. Я могу только предположить, что редакторы совершенно бесцеремонно сократили статью, исказив мои слова о тех чувствах, которые я испытывал.

Во время интервью мы действительно, говорили о том, каким горем для меня, как и для всех, была эта трагедия. Но слезы на моих глазах вызваны не чувством вины, – я не виню себя за изобретение PGP, – а скорбью о погибших. Я также рассказал журналистке, что получил полное ненависти послание по электронной почте, в котором меня обвиняли в разработке технологии, сыгравшей на руку террористам. Я говорил ей о том, как трудно было мне смириться с мыслью, что преступники действительно могли успешно применять PGP. Но я также сказал, что для меня гораздо важнее огромная роль, которую эта технология играет в защите прав человека во всем мире. – ведь именно для этого я создал ее десять лет назад.

В настоящее время мы, криптографы, пытаемся защитить систему PGP от попыток политиков ввести сильные ограничения на ее использование. Мы понимаем, что, хотя эти люди желают только

добра, — они глубоко не правы. И я не собираюсь давать им возможность считать, что я отступил от своих принципов. А в статье достаточно прямо говорится, что я готов отказаться от своих идей, если речь идет о трагедии такого масштаба.

Да, я на самом деле задумался над своими принципами после событий 11 сентября. Но в итоге снова пришел к тому, в чем был абсолютно уверен на протяжении последних лет, — належная шифровка принесет больше пользы, чем вреда, даже если учесть, что ей могут воспользоваться террористы.

Еще раз повторяю: я не жалею, что разработал систему PGP.

Вопрос о том, должно ли правительство ограничивать использование систем кодирования, обсуждался на протяжении всех 90-х. В обсуждении принимали участие Белый дом, Национальное агентство безопасности (NSA), Федеральное бюро расследований (FBI), суды, Конгресс, представители компьютерной индустрии, прессы. Во время этой дискуссии в деталях обсуждалась проблема возможного использования террористами мощных технологий защиты информации. Фактически это был один из наиболее важных вопросов. В результате было принято решение (несмотря на возражения ФБР), что нам все-таки нужна належная система, в которой для правительства не будет оставлено лазейки. Ограничения на экспорт технологии были отменены, а на ее использование внутри страны — не установлены. Я считаю, что это правильное решение, потому что мы, достаточно долго обсуждая проблему, учли мнения многих экспертов. Если сейчас, поддавшись эмоциям, мы примем поспешное решение, оно не только принесет огромный вред демократии в стране, но и подорвет государственную информационную инфраструктуру.

Пользователи программы PGP могут быть уверены, что я никому не буду давать «ключи от черного хода».

Стон также заметить, что полученным мною письмо с обвинениями было единственным. В связи с многочисленными интервью, которые мне пришлось давать прессе, у меня не было времени продумать ответ автору послания, и я не ответил. После публикации статьи я получал сотни писем со словами поддержки — по двадцати письма в минуту в день выхода того номера газеты.

Мои отношения с прессой, а в особенности с газетой *Washington Post*, в последние десять лет складывались вполне благополучно, и я налеюсь, что возникшая непрятная ситуация будет разрешена в скором времени.

Washington Post

Циммерман снова и снова перечитывал сообщение, размыщая над ответом... И человек, известный во всем мире своими блестящими выступлениями и всегда безукоизнанной аргументацией, не нашел что сказать.

«Автор письма поднимает вопросы, которые сейчас приходят в голову многим, а именно — проблему использования технологии PGP террористами, — спокойно сказал Циммерман, — но он не учитывает необходимости надежных шифровальных технологий».

Либерализм правительства США по отношению к шифровальным технологиям сформировался после долгих дебатов в девяностых. Циммерман был среди самых убежденных противников каких-либо ограничений на распространение технологий через Интернет, он организовал кампанию за отмену запрета на экспорт программы, — и добился своего.

Циммерман и другие технологии теперь пытаются найти выход из сложившейся ситуации. Парадокс в том, что если правительству будет дана какая-либо лазейка или универсальный ключ к системам, что и предлагают некоторые законодатели, такие как сенатор Джуд Грегг (Judd Gregg), технология PGP просто потеряет смысл.

Разумеется, это сильно осложнит бы деятельность косовых мятежников, один из которых сообщил Циммерману в письме, что технология PGP была успешно использована для передачи информации из одного коммандного центра в другой, благодаря чему отпала необходимость посыпать сообщения с курьерами.

Один из пионеров компьютерной криптографии Мэт Блэйз (Matt Blaze) сказал, что есть и экономические причины, по которым нельзя ограничивать использование технологии. «Я очень сомневаюсь, что эти ограничения можно ввести, не ослабив информационной защиты, а это повлечет копосальные финансовые потери», — сказал Блэйз, сотрудник лабораторий AT&T.

Кроме того, вопрос запрета на технологии шифровки касается гражданских свобод.

«Мы должны быть осторожными и не принимать поспешных решений, — сказал Циммерман, — ведь впоследствии они могут негативно оказаться на неприкосновенности частной жизни, правах человека, в так же свободах, гарантированных Первой Поправкой».

Washington Post

Перевод с английского: Мария СЕРЕДА

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуя подборку материалов, посвященных анализу ситуации с правами человека, сложившейся после трагических событий 11 сентября, мы попытались представить читателям широкий спектр мнений о том, каким образом эти события отразятся на дальнейшем развитии демократии.

Тerrorистические акты в США многие авторы считают «ответом» на всемирный процесс глобализации. В России этот термин пока еще является достаточно новым; широко он стал употребляться после сообщений СМИ об антиглобалистских выступлениях в Европе.

После событий 11 сентября оказалось, что эта проблема, казавшаяся для России делом отдаленного будущего, внезапно приблизилась вплотную, став предметом дискуссий в политических, экономических и религиозных сферах.

Авторы статей по-разному оценивают влияние глобализма на мировую политику и экономику, но все они сходятся в одном — террористические акты 11 сентября, как и мировой терроризм в целом, хотя и не способны остановить закономерный исторический процесс, тем не менее, способны спровоцировать действия государств, направленные на существенное ограничение прав человека.

Противостоять этому — задача как непосредственно правозащитных организаций, так и всего мирового сообщества, которому предстоит пройти трудный путь между Сциллой терроризма и Харибдой тоталитаризма.

О ПОЛОЖЕНИИ ЧЕЧЕНЦЕВ В РОССИИ

**Свидетельство Правозащитного Центра «Мемориал»
и Комитета «Гражданское содействие»**

Правозащитный центр «Мемориал» – одна из крупнейших правозащитных организаций в России, имеющая распространенную сеть родственных организаций по всей стране. С 1995 года члены организации многие месяцы провели в Чеченской Республике. По собранным материалам в рамках программы «Горячие точки» были изданы книги: «Россия – Чечня: цель ошибок и преступлений» («Звенья», М., 1998), «Точечные удары» («Звенья», М., 1999), «Проблемы жертв военных действий в Чеченской Республике» («Р-Валенти», М., 2000), «Дискриминация по признаку места жительства и этническому признаку в Москве и Московской области. Август 1999–декабрь 2000» («Звенья», М., 2001).

Участники программы «Горячие точки» постоянно организуют экспедиции в регионы, проводят мониторинг ситуации и выступают с заявлениями о нарушениях прав человека. Члены ПЦ «Мемориал» непрерывно ведут наблюдение за положением жертв военных действий как в Чечне, так и в других регионах России, где в настоящее время функционируют уже 49 юридических консультаций Сети «Миграция и право».

В Москве работа консультационного пункта проводится на базе благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», первой в России организации, взявшей на себя обязанность помогать вынужденным мигрантам.

Юристами сети «Миграция и право» только за 2000 год оказано свыше 17 тысяч консультаций, написано 4500 заявлений и иных документов в правоохранительные органы, сделано около 6000 обращений в административные органы, проведено более тысячи судебных дел.

Начиная с 1995 года, т.е. с начала военных действий, в юридические консультации сети обращается много бывших жителей Чеченской Республики. Это люди, лишенные жилья, своей земли, привычного уклада жизни, часто – потерявшие родных и друзей, перенесшие ранения. Мы можем свидетельствовать, что Российское государство не делает практически ничего, чтобы вернуть им то, чего они были лишены по его вине. Та мизерная компенсация, на которую в 1997 году было признано право небольшой части пострадавших в период с 1994 по 1996 год, выплачивается крайне медленно. Кроме того, в связи с падением рубля в августе 1998 г., этой компенсации стало недостаточно для приобретения даже весьма скромного жилья. Остальные не получают ничего.

В отличие от периода 1991-1996 годов, т.е. до и во время первой войны в Чечне, статус вынужденного переселенца жертвам военных действий в Чечне 1999-2000 годов практически не предоставляется. Основанием отказа служит статья 1 – «отсутствие признаков и обстоятельств, предусмотренных ст.1 Закона РФ «О вынужденных переселенцах». Таким образом, сегодня определение вынужденного переселенца читается властями иначе, чем в 1996 году, когда «массовые беспорядки» служили основанием предоставления статуса вынужденного переселенца, как этого требует определение, данное в ст.1 указанного Закона.

Причина этого представляется простой: первая волна жителей Чечни состояла преимущественно из русских, чеченцы же отсиживались в деревнях, которые почти не подвергались бомбардировке. Жертвы второй волны военных действий в Чечне главным образом чеченцы. Им статус вынужденного переселенца представлять не разрешено согласно устному указанию из Москвы миграционным службам, руководители которых неоднократно открыто говорили нам об этом в личных беседах.

Государство снимает с себя ответственность за судьбы жителей Чечни как на ее территории, так и вне ее.

Правозащитные организации могут ответственноностью утверждать, что в России и, в первую очередь, в Москве, проводится кампания по фальсификации уголовных дел против чеченцев. Фактически это было признано представителем прокуратуры г. Москвы на встрече с представителями трех правозащитных организаций. Пик этой кампании приходился на сентябрь-октябрь 1999 года и связывался с взрывами зданий в Москве, Буйнакске, Волгодонске, несмотря на то, что не только действий организованных чеченских группировок, но и причастности хотя бы одного чеченца к этим взрывам не удалось доказать ни разу.

С августа 2000 года кампания стала снова набирать силу. Повторились задержания на несколько суток по обвинению в хулиганстве, противоправные обыски в домах, подбрасывание краденного, наркотиков, оружия и взрывчатых веществ.

В апреле 2001 года на очередном семинаре для юристов Сети «Миграция и Право» были собраны свидетельства о нарушении прав жителей Чеченской Республики, выехавших в другие регионы. Не нашлось ни одного члена Сети, который не мог бы привести «свежего» примера таких нарушений. Свидетельства юристов были изложены письменно и

подписаны ими. Эти документы хранятся у руководителя Сети Светланы Ганнушкиной, их копии могут при необходимости быть представлены. Часть из них переведена на немецкий язык.

Хуже всего приходится этническим чеченцам. Им не дают возможности получить регистрацию в органах внутренних дел, поскольку они якобы представляют собой опасность для общества.

В распоряжении «Гражданского содействия» находится копия свидетельства о регистрации в органах внутренних дел на жилой площади знакомых Розы Азиевой. Сверху на этом документе крупными буквами написано «чеченка». Каждый сотрудник милиции, проверяя документы, обратит внимание на эту надпись и примет меры в соответствии со своими взглядами. Это может быть привод в отделение милиции, задержание на несколько часов, вымогательство и т.п.

Другой жительнице Грозного, Марет Торшховой, было предложено зарегистрироваться за определенную сумму как иностранной гражданке. ГУВД Москвы не постыдилось сообщить это депутату Государственной Думы на его запрос.

В Комитете «Гражданское содействие» частоприходится слышать жалобы на то, что паспортные службы Москвы и Московской области отказываются регистрировать чеченцев именно по причине национальной принадлежности. Нередко такие отказы носят грубый характер, сопровождаются оскорбительными высказываниями. Однако всегда эти отказы делаются в устной форме. Если же даются письменные отказы, то национальность заявителя никогда не указывается в качестве их причины. Милиционное начальство отрицает, что давало указания своим подчиненным об ограничении регистрации чеченцев. По-видимому, письменных распоряжений такого рода действительно нет. Однако есть все основания утверждать, что поведение работников паспортных служб по отношению к чеченцам является проявлением не их личных чувств, а политики властей.

Один случай убедительно свидетельствует об этом. В Комитет «Гражданское содействие» обратилась жительница Чечни Залва Айсханова. По профессии она медсестра, работала в миссии Международного Красного Креста в Грозном, пережила трагическую гибель несколых сотрудников миссии, после закрытия которой осталась без работы. В 1995 году под бомбежкой погиб ее муж, старший сын получил контузию и стал инвалидом. У нее на руках четверо детей. Осенью 1998 г. Залва приехала в подмосковный город Королев в надежде найти работу. Она остановилась у знакомого, Халваша Гачаева, который приехал из Чечни раньше и снял в Королеве квартиру. Когда Залва и Халваш обратились в центральное отделение милиции Королева, им отказали на том основании, что они – чеченцы. Залва рассказала об этом 15 марта 1999 г. На следующий день

сотрудник Комитета Елена Буртина позвонила начальнику паспортной службы этого отделения милиции Надежде Новиковой, которая сообщила, что около двух месяцев назад она получила выговор за то, что зарегистрировала чеченца на шесть месяцев. Новикова подала начальству рапорт о том, что она не согласна с взысканием, так как никаких законных оснований для отказа этому человеку в регистрации не было. Ответа на свой рапорт она так и не получила. Выговор лишил ее возможности получить следующее воинское звание и премию, выдаваемую в конце года (так называемая «тринадцатая зарплата»). Надежда Новикова не исключила, что ее сотрудники, напуганные этим случаем, могли отказать З. Айсхановой и Х. Гачаеву в регистрации со ссылкой на их национальную принадлежность.

Самым большим несчастьем для мигрантов стала все возрастающая в России ксенофобия, которая, разумеется, в первую очередь касается этнических чеченцев. Если в 1995 году по меньшей мере 70% населения не поддерживало войну в Чечне, то активная агитация представителей власти и СМИ сейчас сделали свое дело. Отрицательное отношение общества лишает чеченцев возможности найти свое место в новых условиях.

Мэр Москвы позволяет себе постоянно заявлять, что находит «чеченский след» во всех происходящих террористических актах. Президент РФ угрожает боевикам бессудной расправой, употребляя при этом выражения, свойственные уголовному миру.

Попытка ПЦ «Мемориал» возбудить против мэра уголовное дело по факту разжигания межнациональной розни не привела к успеху – прокуратура не нашла в действиях и высказываниях Юрия Лужкова состава преступления.

В результате разрушается мелкий и средний бизнес, в котором участвуют чеченские бизнесмены. Так в конце 1999 года Умар Темирбулатов, получил отказ в аренде помещения в нарушение имевшегося договора. Хозяин помещения объяснил это угрозами со стороны милиции. Найти иное помещение Темирбулатову не удалось, его бизнес был полностью разрушен. В настоящее время семья Темирбулатовых предоставлено убежище во Франции.

В начале 2001 г. в ПЦ «Мемориал» обратился рабочий аэропорта «Внуково» Асланбек Султанеевич Бейтерс. Он был уволен с работы, когда охраняющие аэропорт сотрудники милиции случайно обнаружили, что он чеченец с ненормальной для этого народа фамилией.

Чеченцев обычно не принимают на работу. Иногда в «Гражданское содействие» обращаются за разъяснением работодатели, убежденные, что, предоставив работу чеченцу, они нарушают закон. Некоторых удается убедить в обратном, однако абсолютное большинство предпочитает просто не иметь дела с чеченцами.

29 мая в Луковицком сельском округе Старицкого района Тверской области следственная группа прокуратуры совместно с управлением по борьбе с организованной преступностью (всего около 150 человек) провела обыски в девяти домах чеченцев, которые приехали к родственникам, спасаясь от войны. Один из бойцов, швырнув на пол мальчика 12 лет, приставил ему пистолет к виску и изобразил выстрел. Бросившуюся к сыну мать откинули в сторону ударом приклада по голове. Вся акция имела исключительно устрашающее значение, хотя и была проведена якобы в связи с заявлением одного из сельчан о пропаже у него швейной машинки. Эпизод достаточно типичен и повторяет общезвестные методы «зачисток», регулярно проводимых в Чечне.

Еще один очень близко знакомый нам пример. В ранее заброшенной деревне Спирово Вышневолоцкого района расселилась небольшая колония чеченцев, занимающихся сельским трудом и работами по использованию леса. «Гражданское содействие» оказывает регулярную поддержку лекарствами, школьно-письменными принадлежностями, небольшими суммами денег. Лидер этой группы Ахмет Арсамаков и избранный мула пристально следят за тем, чтобы у чеченцев не было конфликтов с местным населением. Тем не менее, районная милиция категорически отказывается регистрировать группу в органах внутренних дел. Против ее членов постоянно заводятся уголовные дела, которые пока оканчиваются ничем, однако держат всех в нервном напряжении. Регулярно милиция задерживает кого-нибудь из чеченцев, бьет, угрожает, вымогает деньги. Сам Ахмет Арсамаков неоднократно подвергался давлению и провокациям с целью вызвать его на противоправные действия. В настоящее время против его сына открыто сфальсифицированное уголовное дело.

Правозащитный центр «Мемориал» и благотворительная общественная организация «Гражданское содействие» со всей ответственностью утверждают, что этнические чеченцы, покинувшие Россию, по своему положению соответствуют определению беженца, данному в ст. 1 Конвенции ООН 1951 года. К сожалению, Россия не является для них страной, в которой или на некоторых территориях которой они могли бы чувствовать себя в безопасности.

Светлана Алексеевна ГАННУШКИНА,
сопредседатель Комитета помощи беженцам и
вынужденным переселенцам «Гражданское содей-
ствие», руководитель программы «Миграция и
право», член совета Правозащитного
Центра «Мемориал»

Олег Петрович ОРЛОВ,
председатель совета Правозащитного Центра
«Мемориал»

Грозный. Микрорайон Катаяма.

Грозный. Театр драмы.

Грозный. Городская больница.

Грозный. Старопромысловское шоссе.

Грозный. Здание МВД.
Фото Зульбикан БАГАЛОВОЙ.

Проект «Антивоенные действия»

Правозащитный центр «Выбор Совести» при поддержке Фонда «Зо грожданское общество» начинает проект, основной задачей которого является сбор и распространение информации о гражданских инициативах, направленных на прекращение войны в Чечне. Одной из проблем антивоенного движения, уровень которого явно не соответствует масштабу трагедии, развернувшейся на Северном Кавказе, является его нескоординированность.

Проект «Антивоенные действия» направлен на создание системы информационного обмена между антивоенными активистами из разных регионов России.

В рамках проекта на самом крупном и посещаемом российским правозащитным портале «Право человека в России» (<http://www.hro.org>) начал работу сайт, где размещается информация об антивоенном движении, выпускается еженедельная электронная информационная сводка «Антивоенные новости», в базе данных которой находится около 900 адресов общественных и политических организаций, отдельных активистов, российских федеральных и региональных СМИ, зарубежных подписчиков.

Мы предлагаем всем, кто занимается антивойной работой или имеет соответствующие материалы, высыпать информацию для размещения ее на сайте и в сводке.

Данные материалы могут содержать информацию о:

- публичных акциях,
- заявлениях и обращениях,
- круглых столах и встречах,
- разработке предложений о способах установления мира в Чечне,
- заявлении отношении представителей власти, политических сил, общественных организаций к антивоенным инициативам,
- случаях преследования антивоенных активистов за их общественную деятельность,
- других событиях, которые относятся к антивойной деятельности.

Мы также будем благодарны Вам за материалы об антивоенных кампаниях прошлых лет в различных странах, иные миротворческие материалы.

Приветствуется сопровождение материалов фотографиями.

Виктор ТЕРЕШКИН

«Старая ГБЭшная шутка...»

**Военный суд Тихоокеанского флота 25 декабря 2001 года
приговорил журналиста Григория Пасько к 4 годам лишения свободы**

Григорий Пасько

Владивосток — город маленький. За несколько дней до вынесения приговора местные чекисты праздновали свой светлый праздничек. И, как нам стало известно, новый их начальник поднял бокал за победы своего ведомства в уходящем году. При этом упомянул и викторию в деле Пасько. Да там все не так однозначно, робко напомнили ему подчиненные. На что босс заявил, — вот увидите во вторник, все будет в шляпе. И все гебисты стали чокаться.

Когда я вошел в здание суда, в глаза бросилось обилие рослых морских пехотинцев, их, наверное, отбирали из нескольких полков, чтобы все были по метр девяносто: они проверяли журналистов, отсевая тех, кто не получил аккредитацию, о которой предупреждал пресс-центр ТОФ. Пехотинцы стояли в коридорах суда, на лестничных площадках. В судебном зале красовались два пристава с дубинками и наручниками, висящими на ремнях. И у меня тоскливо сжалось сердце. Империя играла мышцами. Такого военного шоу не было и во время первого судебного процесса, когда Григория привозили из тюрьмы.

Журналистов было меньше, чем морских пехотинцев. В 10.45 в зале появился майор ФСБ Александр Егоркин, сияющий как новый гривенник. Он уже знал приговор. С ним был человек с потертой внешностью, вооруженный видеокамерой. Человечек пристроился

у меня за спиной во втором ряду и стал снимать только один план, направив камеру на Григория и его защитников.

К 11.00 в зале работало восемь телевизионных групп. Судья Дмитрий Кувшинников и народные заседатели величественно, с каменистыми лицами, проследовали на свои места. Судья стал зачитывать приговор, и уже через пять минут стало понятно, — приговор будет обвинительным. Через тридцать минут в зале погас свет, но судья чтения приговора не прервал. Кагэбешный оператор не прервал съемки даже в этой полутьме, фиксируя все изменения в лицах адвокатов. Пасько, Ткаченко.

Судья Кувшинников читал приговор, и я на слухловил потрясающие своим правовым цинизмом фразы: суд призывал, что при обыске органы следствия нарушили процессуальное законодательство, но считает, что собранные таким образом доказательства имеют юридическую силу. Да, признавал военный судья, — магнитофоны записи разговоров Пасько с японским журналистом Тадаши Окано уничтожены. Но ведь остались их стенограммы. (Выполненные подручным следователя Егоркина!). Так вот, на основании этих стенограмм, содержание которых не было подтверждено участниками телефонных разговоров, суд усмотрел вину Григория. Не забыл судья упомянуть в приговоре и приказ министра обороны СССР № 010 от 7 августа 1990 года, который якобы нарушил Пасько. Десять с лишним лет прошло после распада империи СССР, а по секретным, нигде не опубликованным приказам сгинувшего государства, судят журналиста.

Мертвые хватают живых!

Напомню, что следствие утверждало — Григорий собрал и передал японским журналистам десять документов, содержащих гостайну. В приговоре прозвучало, — да нет, не десять, а всего один. И не передал, а только хотел передать. Этот документ — те самые записи, которые Григорий вел на разборе зачетно-тактических учений ТОФ. В нем, как утверждает судья Кувшинников, содержатся ровно два секрета.

Ровно час в зале не было света, но вот он вспыхнул, и конец приговора военный судья Дмитрий Кувшинников зачитал в светлом зале:

«...флотский военный суд приговорил: Пасько Григория Михайловича признать виновным в государственной измене в форме шпионажа... лишить его свободы сроком на четыре года в исправительной колонии строгого режима, без конфискации имущества. На основании ст.48 УК РФ лишить Пасько воинского звания капитан второго ранга запаса...»

Судья еще зачитывал последние слова приговора, как два судебных пристава подошли к Григорию, и повели его в «клетку». Он успел на одно короткое мгновение обнять жену Галину. Из них слезом захлопнулась зарешеченная дверь. Иван Павлов и Александр Ткаченко успели сказать ему всего несколько слов, как приставы зашли в «клетку» и надели на Григория наручники. Еще через несколько минут его вывели из зала.

Шок, боль, оплакивание. Журналисты бросаются к адвокатам, берут интервью. Я выглядываю из зала, — в глазах становится темно от черной флотской формы; весь коридор заполнен морскими пехотинцами.

А в зале гневно кричит журналистам Саша Ткаченко:

— Тут только что произошло преступление. Судья пошел на поводу у командования ВМФ. После того, как в суд явился первый заместитель главкома ВМФ адмирал Захаренко. Основной упор в приговоре сделан на документе, который четыре года вообще никто не замечал. А заметили его после того, как все остальные подброшенные документы были защищены растерты в порошок. И они вцепились в эту бумажонку мертвой хваткой. Захаренко в тот день сказал: «Я знаю, что в этих записях всё секретно, всё!» Мы спросили: «А где доказательства?» И адмирал ответил: «На то я и командающий, чтобы знать всё, а вы — ничего!» Адмирал задавил суд идеологически. Сегодня сюда явился сияющий от счастья майор ФСБ Егоркин. Во время оглашения приговора на первом судебном процессе он и нос побоялся сюда сунуть. Это означает, что в этот раз он знал, каким будет приговор. Произошел говор между судом и ФСБ!

Адвокаты по одному заходили в караульное помещение, где держали Григория. Совещались. Галина уехала домой, чтобы привезти Григорию тюремную одежду. Иван Павлов вышел из караульного помещения, вынес галстук Григория. Положил его на стол. У меня скжилось сердце — только что Гриша был с нами, смеялся, шутил. И вот уже втянут в жернова тюремной машины: сдать ремень, галстук, шнурки.

Иван говорит:

— Гриша просит только об одном — берегите Галю!

Из караульного помещения вышел адвокат Анатолий Пышкин. Журналисты окружают его: не собирается ли Пасько подавать президенту прошение о помиловании?

Анатолий говорит:

— Для Григория подавать прошение о помиловании президенту значит согласиться с приговором, с тем, что он — действительно японский шпион. Григорий уже написал предварительную кассационную жа-

лобу, и мы отнесли ее в канцелярию суда для регистрации. Завтра мы принесем в судовою предварительную кассационную жалобу. Мы еще должны ознакомиться с протоколом судебного заседания для того, чтобы проверить, все ли правильно там записано. Потому что при провозглашении приговора заметили — показания некоторых свидетелей, а также Григория, искажены.

Я спросил Анатолия:

— В приговоре произвучало — да, обыск и осмотр документов были проведены с нарушением закона, но эти нарушения не очень существенны. Как Вам такая аргументация?

— В первом судебном заседании судья за эти нарушения закона вынес в адрес ФСБ частное определение. А судья Дмитрий Кувшинников решил, что закон нарушать можно! Этим приговором военный суд дал понять кагбешникам — можете тащить к нам любое гнилье, мы все слопаем и вынесем нужный приговор! — ответил Пышкин.

Судебные приставы перекрывают решеткой проход к караульному помещению, прибывает конвой, вооруженный автоматами. Григория выводят, я успеваю крикнуть ему по-украински:

— Тримайся, вуйку! (Держись, дядька!)

Он улыбнулся на ходу:

— Та, тримаюсь!

Его вывели, посадили в конвойный газик, мы еще успели увидеть сквозь пыльное, забранное решеткой стекло его улыбку. Газик резко рванул с места.

Когда жена подошла к Гришиной машине, чтобы отогнать ее в гараж, одно колесо у автомобиля было проколото. Адвокат Пышкин сказал:

— О, старая ГБЭШНАЯ шутка! Даже в этот день не удержались...

Bellona, Oslo

Поддержите Григория Пасько — пошлите ему телеграмму в СИЗО!

Этот способ не требует больших денежных затрат и вы, применяя его, не должны посвятить себя всего борьбе за права политзаключенного. Необходимо только, чтобы как можно больше людей послали телеграммы одному заключенному. Просто передали ему свой привет... Мы призываем Вас поддержать Григория Пасько. Пошлите ему телеграмму в следственный изолятор!

Адрес: 690106, Россия, Владивосток, Партизанский проспект, 28-б, Следственный изолятор 25/1, Пасько Григорию Михайловичу (имя и отчество писать полностью!).

Телеграммы лучше посыпать с уведомлением о вручении. Если телеграмма направляется от организации, то на бланке телеграммы должна быть ее печать.

Акции в поддержку Григория Пасько

Екатеринбург

Калининград

Москва

Томск

Москва

Страницы общественной кампании в защиту Григория Пасько в Интернете:

- <http://www.hro.org/actions/pasko>
- <http://www.seu.ru/cci/campaign/pasko>
- <http://index.org.ru/mayday/pasko>
- <http://grani.ru/pasko/>
- <http://www.gdf.ru/books/books/pasko>
- <http://www.enwl.net.ru/2001/pasko/index.php>

Борис ПУСТЫНЦЕВ

Мы каждый день ведем диалог с властью

Каких-то 15 лет отделяют нас от того времени, когда любое добровольно-съединение граждан, любой «клуб по интересам» становились объектом самого пристального внимания со стороны государства. Подразумевалось, что государство в полной мере обеспечивает соблюдение интересов всех групп населения.

и попытки поставить этот постулат под сомнение приводились к «клевете на советскую действительность», что грозило уголовным преследованием.

Положение стало резко меняться во второй половине восьмидесятых годов, когда власть оказалась вынужденной, по целому ряду всем известных причин, положить конец полной изоляции СССР от внешнего мира. Но даже дозированная либерализация режима сразу же вызвала к жизни эффект, на который правительства никак не рассчитывали – волну гражданской активности.

Свободное общество – самоорганизующаяся система. Если появились первые ростки свободы, появляются и первые элементы самоорганизации – независимые общественные объединения. Бесполезно пытаться этим процессом руководить, задавать ему вектор движения – он будет развиваться в направлении еще большей свободы. Правда, его можно попытаться уничтожить, растоптать вместе с ростками свободы. А на это власть в том своем состоянии уже не решалась. Или еще не решалась. Логика борьбы вела к расколу самой власти, и самая дремучая ее часть решится на подобные действия только в августе 1991 года. Но к тому времени завязь самоорганизации уже дает неплохой урожай, появятся немало граждан, способных объединиться и осуществить свое право на протест, и путчисты растеряются перед необходимостью массового пролития крови не в Литве, не в Грузии, а в сердце империи – в Москве.

С тех пор, наряду с резким спадом внешней, «уличной» гражданской активности, происходит малозаметный, но неуклонный рост числа активно работающих неправительственных организаций, отражавший процесс постепенного осознания гражданами своих социальных и политических интересов. Надо сказать, что новая власть не чинила нам особых препятствий, она просто не замечала нас, что, особенно после появления относительно либерального Закона об обще-

ственных объединениях, имела свои положительные стороны. Не замечала – значит, не мешала. Хотя нам было нелегко, а порой и очень трудно привлекать внимание соответствующих ведомств к своим конкретным проблемам, мы сохраняли свою независимость, и если удавалось наладить рабочий контакт с государственными служащими, то это были действительно партнерские отношения. К таким контактам мы стремились всегда, существенная часть наших тактических усилий заключается в попытках «цивилизовать» чиновника, объяснить ему, что сегодня его карьерные амбиции могут совпадать с интересами гражданского общества. И когда это удастся, то мы работаем вместе для решения общих проблем.

Власть иногда создавала свои ручные GONGO (Government Organized Non-Governmental Organization – организованные государством негосударственные организации – Ред.), что в ряде случаев осложняло нашу работу, но, в общем, тоже не очень мешало. Хотя «наезды» на гражданское общество, естественно, имели место, они не носили системного характера. Наиболее опасным был 1998 год, когда с легкой руки правового управления московской мэрии началось наступление ряда региональных властных элит на конституционные права граждан, выразившееся в отказах регистрировать и перерегистрировать независимые объединения. В основном это относилось к общественным организациям правозащитного и экологического направления – главным критикам неправомочных действий власти.

Критики наша власть по старой традиции не терпит. Личности, обслуживающие ее идеологически, постоянно именуют нас «антигосударственниками», «разрушителями», а то и «агентами влияния». Эти обвинения представляют собой арьергардные (в исторической перспективе) бои профессиональной бюрократии советского толка. Правозащитные НПО не воюют с государством, они помогают ему, помогают пройти трудный путь до состояния правового государства, достойного со временем стать равноправным членом европейской семьи народов. И когда власть позитивно откликается на гражданские инициативы, она становится нашим союзником.

Много неприятностей гражданским объединениям доставляют периодические законодательные новации в налоговой сфере, когда нас (иногда сознательно) путают с коммерческими организациями, но в перспективе это разрешимый вопрос. Главная опасность, как оказалось, впереди.

Вероятно, перенасыщение структур власти за последнее время бывшими сотрудниками советских спец-

Борис Пустынцев, Председатель правозащитной организации «Гражданский контроль», Санкт-Петербург.

служб способствовало бурному возрождению профессионального инстинкта: контролировать все, что шевелится. Этому сопутствовал другой процесс: как заметил недавно Андрей Битов, ведущий за укреплением вертикали власти логично появилась потребность усилить ее по горизонтали. Или, если проанализировать первого зама главы президентской администрации Владислава Суркова, «необходимо думать не только о великом государстве, но и о великом обществе» (в одностороннем обращении участников юньинской встречи с президентом слово «великий» встречается восемь раз: язык мой – враг мой). В общем, зачем «великий Форум НПО» нужен власти, понятно. Не очень понятно, зачем он нужен самим неправительственным организациям.

Основной довод сторонников участия в Форуме: общество должно вести диалог с властью. Да мы его и так каждый день ведем! И не с абстрактной властью вообще, а с конкретными ведомствами и с законодателями разного уровня, вплоть до федерального, для решения вполне конкретных вопросов. Не надо уговаривать нас «признавать» власть, избранную и назначенную в соответствии с демократическими процедурами, предусмотренными Конституцией 1993 года. Мы можем не одобрять выбор избирателей или определенные действия власти, но она легитимна, и мы обречены на сотрудничество с ней. Другой «ис завезли». Вопрос в готовности самой власти сотрудничать с гражданским обществом не на уровне деклараций.

Власть сегодня достаточно неоднородна, и там хватает людей, не обуреваемых комплексами «величия». Практически во всех ведомствах (за исключением исключений) есть должностные лица, проявляющие готовность к такому сотрудничеству. Добросовестные чиновники понимают, что неправительственные организации вносят весомый вклад в решение таких вопросов общегосударственного значения, как статус и обустройство беженцев, беспризорность и другие «детские» проблемы, ситуация в следственных изоляторах и неправительственных учреждениях, реформа системы образования, армии, полиции, судопроизводства и т. д. Они понимают, что мы не только мобилизуем гражданскую активность, но и привлекаем для решения этих наболевших проблем значительные внебюджетные средства – деньги зарубежных благотворительных фондов. Но существует одна «мертвая зона», где сотрудничества нет и в обозримом будущем не предвидится: это доступ ко многим видам открытой информации, непосредственно затрагивающей жизненные интересы общества.

Не предвидится, потому что нынешняя власть не откажется от бесмысленных с точки зрения открытого общества доктрины «информационной безопасности» и «единого информационного пространства». Для нее эти доктрины имеют глубочайший смысл, ибо (помимо создания рабочих мест для представителей снова популярной у нас профессии) служат «китайской стеной», которая обеспечивает полную непрозрачность действий власти.

Если нет действенного общественного контроля за деятельностью правительства, то нет и полноценного гражданского общества. К сотрудничеству в этой области власть явно не готова: два месяца назад правительство опять зарубило достаточно умеренный проект Закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания». То есть власть не желает признавать одну из основных функций независимых объединений граждан в условиях конституционной демократии – гласный контроль за работой государственных учреждений, и никакой Форум тут нам не поможет. Работать с властью в этом отношении необходимо, но это задача на долгие годы, может быть, десятилетия.

Коллеги-правозащитники уверяют, что инициаторы Форума приняли наши «условия игры». В дискуссии по этому поводу уже отмечалось, что игры без проигравших не бывает. Но для честной игры необходимо, чтобы обе стороны одинаково понимали правила, по которым играют. А вот тут выясняется, что, оперируя одними и теми же терминами, мы с властью вкладываем в них разный смысл.

На одном из «круглых столов», которые сейчас регулярно проводит неутомимый Сергей Марков (*политолог, журналист, один из активных организаторов Гражданского форума – Ред.*), прозвучала такая формулировка: «Гражданское общество в России отличается от западной модели, и это естественно в переходный период». Это действительно естественно, но по одной причине: по причине гражданской незрелости самой власти, которая не чувствует себя обязанный внятно объяснять каждый свой шаг обществу, налогоплательщикам, на деньги которых существует. А разных моделей гражданского общества не бывает и быть не может. Страны различаются разной степенью развитости гражданского общества, а не его разновидностями.

Так что же власть понимает под словосочетанием «гражданское общество»? А вот что. Снова слушаем Сергея Маркова – уж очень активный человек: «Важной особенностью этой встречи (12 июня – Б. П.) явилось то, что на ней был представлен новый спектр общественных объединений, позволяющий по-новому взглянуть на само гражданское общество. До этого момента в таковом качестве рассматривались прежде всего правозащитные организации».

По-новому, понимаете? Вообще-то эта голубая мечта власти – иметь «гражданское общество», не позволяющее себе критики в адрес правительства – звучала и раньше, до этого исторического момента. Но другая цитата из того же классика – действительно, как говорили совсем недавно, «зримые ростки нового»: «Должна быть создана специальная программа развития гражданского общества». Думаю, что плановые задания по производству GONGO будут теперь неуклонно перевыполняться...

Санкт-Петербург

Юбилей Татьяны Великановой

Контекст

Арест Юлия Даниэля и Андрея Синявского в 1966 году не только поставил крест на отелем и либеральных надеждах, но и вызвал цепную реакцию. Судят Гинзбурга, Галанского, Добровольского и Лашкову, составивших и предавших на Запад Белую книгу о расправе над писателями. Затем судят Кузнецова и Бурмистровича за распространение произведений Даниэля и Синявского. Затем — Хаустова, Буковского, Кушева, Габая. Затем — демонстрация против процесса над Гинзбургом. Потом — Григоренко за протест против судов над Хаустовым и Буковским. Конечно, генерала Григоренко судят не только за это. Потом — Борисова за протест против заключения в спецпсихбольницу, и так далее...

Одновременно потянулся и длинный ряд внесудебных репрессий — исключений из партии, комсомола, увольнения с работы людей, подпиравших коллективные письма в ЦК КПСС в защиту арестованных по политическим мотивам и с протестами против возрождения сталинизма. В августе 1968 года семь человек, лишь семь из 300 миллионов, вышли на Красную площадь протестовать против оккупации Чехословакии. И Татьяна Великанова, мать троих детей, отвечающая на суд на вопрос, — она была свидетелем, — почему она, зная, куда идет ее муж, Константин Бабицкий, не удерживала его, ответила: «Я считала это непорядочным». И, естественно, потом тоже была репрессирована вслед за мужем.

Хроника

Что такое самиздатовский блоплетень «Хроника текущих событий» в 70-е годы, рассказывать не надо для тех, кто знает. А для тех, кто не знает, — ну, даже за чтение этих машинописных страничек можно было поплатиться работой, учебой, общественным положением, а то и срок получить. А уж за издание-то...

Поэт Ирина Ратушинская была вместе с Татьяной Великановой в лагере в Мордовии:

«Татьяна Михайловна Великанова, член инициативной группы по защите прав человека, в правозащитном движении с 1968 года, человек всемирно известный, а стало быть, «общественно вредный». А потому как КГБ не может и в мыслях допустить, чтобы кто-то сам до чего-то додумался, бытие ведь, по их разумению, определяет сознание, то ищут дурных влияний. Ну, на свободе — понятно, западные радиостанции, больше советскому человеку неоткуда перечерпнуть идеи о собственном достоинстве и правах. А в зоне-то приемник передает только московское радио, значит, откуда? А это она, зловредная Великанова. Нас портит. Тем более, что и старше всех, и, безусловно, для нас, второго диссидентского поколения, авторитет в спорных вопросах».

Правозащитник Александр Лавут, один из издателей «Хроники текущих событий», познакомился с Татьяной Великановой на том самом суде над вышедшими на площадь:

«Мы оба с мехмата, она, правда, немножко позже кончила, и очень много, понятно, общих знакомых, особенно среди математиков. В 1968 году познакомились. Мы с Сережей Ковалевым пришли к ней после суда поговорить и узнать, надо ли чем-нибудь помочь. Оказалось, надо, и мы в это во все включились. Все, кто в этом болев или мечев заинтересован, знает о Татьяне Михайловне Великановой как о диссиденте — одном из первых. Но вот меньше знают ее, так сказать, профессиональную деятельность. Она — математик замечательный, программист. А последние десять, нет, может быть, даже двенадцать лет — учительница в школе.

Когда ей пришлось уйти из вычислительного центра, где она работала, но совсем не работать, вот в обычном смысле, она не могла, она трудилась несколько месяцев, практически до ареста, нянечкой в больнице.

Она — очень цельный человек, во всем она делает как бы одно и тоже — она делает то, что нужно. Без всякого насилия над собой. Она делала «Хронику», потому что нужно, чтобы знали люди обо всех безобразиях, которые происходят. Нужно учить детей математике. Сказать, что она — человек добрый, это правильно будет. Добрый, но отнюдь не добренький. Ее ученики, мало сказать — любят, для них просто нет большего авторитета.

Когда мы делали «Хронику», Таня стала таким, пожалуй, главным человеком по выпуску. Она и до этого занималась ей много, но после ареста Ковалева, то есть с 1975 года, Таня взяла на себя очень много. Никаких должностей у нас, конечно, не было, но Таня стала таким «директором». Она обеспечивала, чтобы все это работало. «Хронику», каждый номер, делало не так много народу, человека три-четыре, но участвовали в этом, помогали в самых разных вещах еще очень многие. И, в основном, это были Танины друзья.

Она могла найти, так сказать, «чистую» квартиру. Если она кого-нибудь просила, ей не отказывали, потому что знали: если Таня просит, значит, очень надо. И, вместе с тем, она делала все, чтобы эти люди как-то не пострадали. Почему «чистую»? Дело в том, что ни в одной из наших квартир, конечно, нельзя было разговаривать, все насквозь прослушивалось.

Вот я-то знал Таню именно как «директора» по «Хронике». И мне, как и нынешним ее школьникам, мнев-то много попадало от нее, главным образом, из-за сроков...

Мы только что отпраздновали ее юбилей. И там Танин брат Кирилл рассказал, что у них была пррабушка в застойные 70-е годы, как пошутил Кирилл, 19 века.

Прабабушка стала сельской учительницей, была народницей, только совсем не бомбометательницей. И вот от прабабушки, считает Кирилл, очень много Таня передалась. Гены тоже имеют значение. А если учесть, что у Тани сейчас 14 внуков, можно надеяться, что хороших людей будет становиться больше».

Бард, поэт и драматург Юлий Ким:

«На днях известной правозащитнице Татьяне Михайловне Великановой исполнилось 70 лет, и я, так сказать, пользуясь этим случаем, чтобы еще и еще раз признаться ей в своей любви и в колossalном уважении.

Когда я вспоминаю будни правозащитной жизни в 60-70 годы, ну, и начало 80-х, конечно, тоже, я сразу вспоминаю три имени, перед которыми немедленно мысленно снимаю все шляпы, какие могу вообразить на своей голове. Это Татьяна Великанова, Лариса Богораз и Нина Петровна Лисовская. Вот эти труженицы великого правозащитного дела вызывают особенное мое преклонение. Они были всегда очень принципиальны в своем поведении и в высшей степени скромны.

Татьяна Великанова проделала путь правозащитника «от и до» со всеми вытекавшими из этого государственными оргтыводами. Она прошла и слежку, и увольнение с работы, и арест, и суд, и латеру, и ссылку, на попинку, что называется, катушку. Она вела себя в высшей степени достойно и, главное, наступала ни в каких баседы с преследующими ее властями, за что и получила. Мало того, что ей устроили лагерь, ей еще устроили невыносимую ссылку в туркменских песках, а когда к ней стали ездить в эту ссылку гости, ее выше дальше перевели, чтобы и гости уж ее не достигали. Так власти взъярились на ее полное и гордое нежелание вступать с ними в какие-либо разговоры.

Она не просила ни о каком помилования, и уже в горбачевские времена закончила свою ссылку практически явочным порядком. Правда, надо отдать должное властям, они за это ее не преследовали, тогда уже это было неприлично.

И когда я смотрю на ее дальнейший жизненный путь, то поприще, которое она избрала в условиях наступившей свободы, вызывает еще один прилив уважения и такой, так сказать, общественной благодарности: она пошла в школу. Она пошла в школу на никакие деньги, она взяла младшие классы и довела их все до выпускса. И продолжает трудиться на той же ниве до сих пор. И делает это не только с достоинством, но с каким-то особенным внутренним душевным весельем и радостью, которая выдает в ней человека глубочайшей души и правильного отношения к жизни. Потому что люди рождены на этот свет для радости. И она находит ее в такого рода служении обществу.

Я всегда за последнее время на вопрос, где гражданину в сегодняшнее время найти поприще, где особенно требуется его гражданская позиция и самоотдача, в первую очередь, называю поприще учительское. И затем уж называю журналистику, но тут уже приходится добавлять эпитет «честная». На поприще честной журналистики я также вижу общественную востребованность в гражданском служении».

Сергей Ковалев, председатель правозащитного Общества «Мемориал», депутат Государственной Думы:

«Мне очень приятно поздравить с днем рождения Таню Великанову. Собственно говоря, я это уже и сделал лично, но это как раз тот редкий случай, когда не отмахиваясь от возможности публичного поздравления, я рад этой возможности.

Не знаю, насколько мне это удастся, но я хотел бы, чтобы люди подумали вот о чем. Понимаете, наше время — это время потери за успехом. Мы быстро восприняли эту идеологию непрерывного успеха, keep smiling, Запада, и изо всех сил лезем за этим успехом. Просто из кожи лезем. Конечно, для разных людей успех значит достаточно важные вещи. Для одного — это цацки на грудь, для другого — это серьезные деньги, для третьего — это социальный статус, положение на службе, количество печатных работ. Это не так важно, на самом деле, все эти виды успеха объединяет одно — это формальный успех, понимаете? Это то, что признано вокруг.

А вот должен я сказать, что Татьяна Михайловна Великанова — чрезвычайно успешный человек, но это успех совсем другого рода. Если хотите, это успех, который состоит в том, что человек каждый день соответствует тому, что он сам считает правильным и нужным. Не безгрешен, конечно, как все, но понимает это и понимает, что успех должен быть понятным, ну, если хотите, внутренним, интимным. И это, по-моему, чрезвычайно важно. И вот такого рода успех для нашего бурно европеизирующегося или американализирующегося общества просто совсем потерян. Это когда-то понимали

Татьяна Михайловна из тех редких людей, которые мучительно думают о том, как надлежит поступать в некой ситуации, и упрямо придерживаются своего собственного решения. Вот мне кажется, что это в Тане Великановой, для меня, например, важнее всего и поучительнее всего.

Радио Свобода, Москва

Леонард Тернерский:

«Май 74-го. Как и от кого попал в мои руки тот листок с коротким текстом? Не помню. Но помню мои тогдашние чувства: изумление, восхищение, гордость, — и горечь, и скорбь. Скорбь предстоящей потери. Неизбежного и скорого расставания. Потому что листок в моих руках для тех, кем он подписан, — верная путевка в ГУЛАГ. Их собственное, добровольное заявление на прохождение тюремно-лагерной службы за отчество. За нас. «За други своя»...

Вот он, тот листок, под которым имена моих друзей:

«Несчитая, вопреки неоднократным утверждениям КГБ и судебных инстанций СССР «Хронику текущих событий» нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли своим долгом способствовать как можно более широкому ее распространению.

Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна всем, кто сюю интересуется.

7 мая 1974 года.

Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович».

И это заявление уже отдано иностранным корреспондентам вместе с очередными номерами «Хроники».

«Хроника» выходила еще 8 лет. А всем подпишившим заявление судьбой было воздано свое: Сергей Ковалев был арестован в декабре 1974-го и осужден к 7 годам строгих лагерей и к 3 — ссылки; Татьяна Ходорович поглатилась изгнанием, уехав из страны в ноябре 77-го; Татьяна Великанова была арестована 1 ноября 79-го и приговорена к 4 годам строгих лагерей и 5 — ссылки...

РАДИО СВОБОДА

RFE/RL

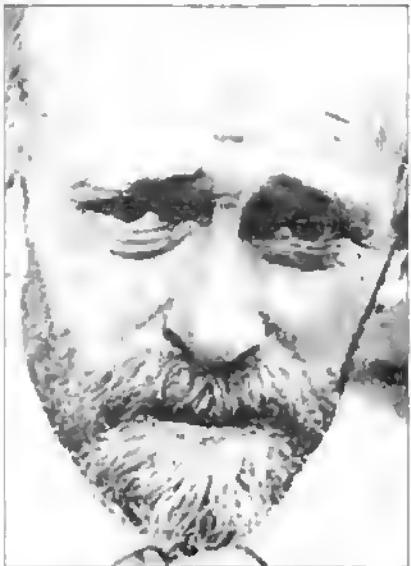
Частоты вещания

RFE/RL

Часы (МСК.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
частоты																								
5955	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
5985	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
6095	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
6000	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
6105	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
6115	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
6140	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7110	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7155	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7180	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7190	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7220	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7230	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7245	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7265	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
7270	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9505	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9520	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9535	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9565	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9625	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9645	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9660	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9680	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9705	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
9860	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11725	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11805	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11815	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11860	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11875	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11885	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11895	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
11970	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
13640	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15115	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15130	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15145	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15205	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15215	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15250	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15265	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
15370	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
17730	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
17805	.	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
частоты	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

Зеркало в России: <http://www.svoboda.org>

Radio Svoboda в Интернете: <http://www.svoboda.org>

Януш Корчак (Генрик Гольдштейн), врач, общественный деятель, педагог, писатель. С 1911 года возглавлял Дом сирот в Варшаве. Погиб в начале августа 1942 г. вместе со своими воспитанниками-детьми в концлагере Треблинка.

Дорка Слониньска, одна из воспитанниц варшавского Дома сирот. На фотографии ей 9 лет. Став взрослой, Дорка работала в Доме сирот. В 1942 году вместе с Янушем Корчаком и еврейскими детьми погибла в концлагере Треблинка.

Миндель Мужан-Шторман. Работала в варшавском Доме сирот. На фотографии она с дочерью Любой. 5 августа 1942 г. и мать, и дочь были отправлены в концлагерь Треблинка.

ПАМЯТИ ВАРШАВСКОГО ДОМА СИРОТ 1942–2002

По поэме Александра ГАЛДИЧА
«Кадил»

...
Онилеви уходит роинко к полонине,
Поровоа, бойбес, шахтит «шаблон»,
Боль нерронна стром стале сианы –
Сыночек привозят эшевон.

А на Умиллятиише у вокзала
Гетто ждет утюло – чей черед?
И гремят последания осанки
Лицем полициа: «Дом сирот!»

Шепелит губами переводчица,
Глотка пересохла, грудь в тяжких,
Но уже поднялся старый Корчак
С девичкою Натей на руках.

...

Мы идем по четырех рядам
Семье кордон зигзаговских ворот...
Дальше начиняется предыдуще,
Дышим мы выходим на беррон.

И бежит за ишою переводчица,
Рубашка прикасается к лицу:
«Вам разрешено петьться, Корчик!»
Если верить скваке, и моду.

К погаду, к чугунному широму,
Я веду детей, как на урок.
Надо идти влагоню во неррону,
Вилье. А мы спасаем поперек.

Рылатчма ботинками бранци,
Мы идем не идолы, и поперек.
И берут, сменявшись, подчиня
Божкой рукой под кизырек.

...

Моисей.

Явельга.

Адась.

Имя неизвестно.

Имя неизвестно.

Имя неизвестно.

Редакция «Карты» продолжает публикацию серии материалов, посвященных проблеме национал-экстремизма и дискриминации. В Интернете, на портале «Права человека в России (Human Rights Online)» сотрудники нашего

журнала совместно с рядом российских и зарубежных общественных организаций, научно-исследовательских центров, журналистов, поддерживают страницы акции «Я не хочу ненавидеть!»

<http://www.hro.org/actions/nazi>

Норман КОН

МИФ В НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ^{*}

«Протоколы» и миф о всемирном еврейском заговоре использовались нацистской пропагандой постоянно, начиная с рождения партии в начале 20-х годов и до падения Третьего Рейха в 1945 году. Сперва их использовали, чтобы помочь партии захватить власть, затем, чтобы оправдать террор, позже, чтобы оправдать войну, давнее для оправдания геноцида и, наконец, чтобы оттянуть капитуляцию. На заре нацистского движения главным пропагандистом мифа и «Протоколов» был Альфред Розенберг, официальный идеолог партии. Розенберг был выходцем из Прибалтики и не отличался чистотой немецкой крови (как он заявлял, один из его предков — латыш). Ему было около 25 лет, когда революция пробудила в нем интерес к политике. Розенберг стал фанатичным антибольшевиком. В 1918 году он присоединился к отступавшим из России немецким войскам, как и Винберг, которого он хорошо знал и который оказал на него глубокое влияние. В Германии Розенберг вступил в только что основанную нацистскую партию и стал ближайшим соратником Гитлера. Гитлер всерьез никогда его не воспринимал, и к моменту прихода партии к власти Розенберг уже начал терять в ней влияние, тем не менее он сумел придать нацистской идеологии специфические черты. Если с момента основания в 1919 году нацистская партия уже отличалась безудержным антисемитизмом, то ненависть кruscкому коммунизму захлестнула ее лишь в 1921-1922 годах, прежде всего, очевидно, благодаря Розенбергу. Он стал связующим звеном между русскими антисемитами-черносотенцами и германскими антисемитами-расистами; точнее, воспринял отношение Винберга к большевизму как к еврейскому заговору и изложил его в расистских терминах <...>.

Родившаяся в конечном итоге идефикс, воплощенная в бесчисленных статьях и листовках, стала излюбленной темой не только Гитлера, но и заняла центральное место в мировоззрении и пропаганде нацистской партии. Розенберг провозгласил себя экспертом по большевизму, однако не прочел ни строчки из Маркса и Энгельса, не изучал историю или теорию социализма, ничего не знал об истории русского революционного движения. Большая часть фактов, несомненно, поставлялась ему Винбергом и другими правыми русскими эмигрантами.

<...>

Сочинения Розенберга написаны в жанре политической публицистики, направленной на поддержку нацистской партии в борьбе за власть, но их дух скорее схож с апокалиптическим пророчеством. В иные минуты на самого Гитлера накатывали впокалиптические настроения, но

для Розенберга это было естественное состояние. «Евреи являются нашими метафизическими противниками в истории, — писал он в 1923 году в своем комментарии к «Протоколам», — Мы никогда отчетливо не сознавали этого... Сегодня, когда извечно враждебная и чуждая сила наконец обрела такую чудовищную власть, ее ощущают и ненавидят именно как враждебную и чуждую. Впервые в истории инстинкт и знание прояснили сознание. Еврей стоит на самой вершине власти, на которую он вскарабкался с потрясающей легкостью, но его ждет падение в бездну».

<...>

Розенберг простодушно верил в галиматю, которую писал. Иозеф Геббельс, который в 1928 году стал шефом партийной пропаганды, был большим циником, и его пропагандистские трюки в основном строились на преднамеренной лжи. Прекрасным образчиком могут служить вариации на тему «Протоколов», опубликованные в декабре 1929 года. Под заголовком «Рынок рабов» на плакатах и в партийных журналах появилось сообщение о последнем решении международных еврейских банкиров: поскольку Германия не может полностью выплатить репарации, она должна восполнить дефицит средств, экспортируя юношей и девушек. Таковых будут отбирать еврейские хозяева Германии; еврейских юношей, естественно, трогать не будут. «В переводе с идиша на немецкий это означает: принудительный экспорт германского народа». В этом не может быть сомнения». В качестве источника этой басни указывалась «Берлинер тагеблатт» — вполне реальная газета, которая ничего не публиковала на эту тему. [«C. V. Zeitung», 1929, Band. VIII, S. 561 und 1930, Band. IX, S. 15].

Эта история родилась во время кампании, предшествовавшей выборам в рейхстаг в 1930 году, которые положили начало стремительному взлету нацистской партии. С 1928 по 1933 год партия легко поднялась с девятого места в рейхстаге (менее 1 млн. голосов и всего 12 мест) на первое (более 17 млн. голосов и 288 мест). Каждая новая ступень кампании сопровождалась дальнейшим усилением антисемитской пропаганды. Можно легко оспорить утверждение — и его часто оспаривали, — будто успех партии был вызван прежде всего ее антисемитизмом, будто каждый, кто голосовал за нацистов, обязательно был фанатичным антисемитом. И все же... Гитлер никогда бы не пришел к власти, если бы не экономическая депрессия, которая в одно время довела число зарегистрированных безработных в Германии до 6 млн., ввергнув почти все население — средние классы, крестьянство, а

На плакатах — призывы к бойкоту еврейских магазинов.

* Приказ по НСДАП о бойкоте евреев от 1 апреля 1933: «В каждом касельном пункте, где есть отделения НСДАП, должны образовываться исполнительные комитеты для планомерного проведения бойкота еврейских магазинов, товаров, врачей и адвокатов. Комитеты обязаны следить за тем, чтобы не пострадали невинные граждане, к евреям же отношение должно быть максимально беспжалостным».

Энциклопедия Третьего Рейха, ЛОКИД-МИФ, Москва, 1996

также промышленных рабочих — в хроническую нищету, породила тревогу и неуверенность.

В такой отчаянной обстановке, когда страна только начала оправляться от предыдущих ударов — военного разгрома и галопирующей инфляции — Гитлер использовал всю мощь своей демагогии. Он нападал на победивших союзников, особенно на французов, за порабощение немецкого народа; на германский республиканский режим за неумение справиться с кризисом; на левые партии за раскол нации; на правые партии за их неэффективность; на plutokратов и монополистов за эксплуатацию всех остальных. Фактически он нападал на всех, хотя самые яростные атаки были направлены против евреев. Кроме того, он демонстрировал железную волю, готовность действовать — и действовать решительно в обществе, которое не привыкло к неопределенности, порожденной демократией, особенно в обстановке новой и непривычной формы правления. Все это помогло Гитлеру прийти к власти, точнее, помогло ему завоевать 37,3 процента голосов избирателей: это было максимальное количество голосов, которое он смог получить на свободных выборах в июле 1932 года. Все очевидцы согласны с тем, что Германия в момент прихода к власти Гитлера не была охвачена горячкой антисемитизма, не была загипнотизирована мифом о всемирном еврейском заговоре и не жаждала крови евреев. Хотя самое популярное издание «Протоколов» разошлось за 12 лет в количестве 100 тыс. экземпляров, — знаменитый антивоенный роман Ремарка «На Западном фронте без перемен», опубликованный в 1929 году, разошелся за год тиражом в четверть миллиона, и многие другие прогрессивные романы также расходились большими тиражами.

Нельзя также полагать, что сама нацистская партия, в которой состояло сравнительно мало (около миллиона) членов, в целом формировалась из фанатиков-антисемитов. В 1934 году предпримчивый американский социолог Теодор Абель объявил, что собирает автобиографии членов партии, в которых должны быть указаны мотивы их вступления в ряды нацистов. Шестьсот человек добровольно прислали свои жизнеописания. Поразительно то, что 60 процентов отклинувшихся вообще не упомянули антисемитизм в ряду мотивировок. Некоторые даже открыто отмежевались от этого аспекта политики партии: «Мой пульс был сильнее, когда я слышал слова о Родине, единстве и потребности в верховноможе. Я чувствовал, что принадлежу к этим людям. Я только не мог согласиться с их утверждениями о евреях. Меня от этого тошило после того, как я вступил в партию». Более того, статистический анализ показал, что, в то время как антисемитизм фигурировал почти в половине биографий, написанных представителями средних классов, в том числе лицами свободных профессий, о нем упоминали менее 30 процентов промышленных или сельскохозяйственных рабочих. (T. Abel. Why Hitler Came Into Power. New York, 1938, p. 164.).

Если настоящая приверженность антисемитизму была редкостью внутри партии, как следует из этого опроса, вряд ли она была значительно распространена и среди широких слоев населения, в партию не вступавших. Но при всех этих оговорках несомненно, что многие из тех 17 миллионов, которые голосовали за нацистов в 1933 году, должны были высказаться, по крайней мере, занекоторые ограничения евреев в гражданских правах. Кроме того, очевидно, существовало множество фанатичных антисемитов, например, в национальном студенческом движении (которое нацисты подчинили себе в 1931 году) или среди 400 тыс. членов отряда штурмовиков СА — сотни тысяч людей, которые бы согласились с тем, что написал один из корреспондентов Абеля: «История мира потеряла бы всякий смысл, если бы иудаизм с его разлагающим духом, воплощение всего зла, одержал бы победу над истиной и добром, воплощенными в идее Адольфа Гитлера. Я верю, что наш вождь, Адольф Гитлер, дарован немецкому народу самой судьбой как наш спаситель,несущий свет во тьму». [Там же, стр. 243.]

Таковы были плоды 50-летней кампании, завершившейся 14 годами усиленной, яростной, навсестанной агитации, действовавшей, прежде всего среди молодежи. Это были отравленные плоды, потому что именно фанатизм меньшинства и равнодушие большинства дали толчок дальнейшему развитию событий — от первых ограничений к последующему уничтожению (Исследования В.С. Аллена

На витрине магазина нарисовано существо и надпись «еврей»
Германия, 1938 г.

После «Хрустальной ночи» евреи прошагали маршем по улицам Баден-Бадена из пути в концлагерь Даухау.

• Ночь с 9 на 10 ноября 1938, во время которой по всей Германии прошли еврейские погромы. Сигналом к началу еврейских погромов, поводом для которых давно искали нацистские власти, послужило убийство в Париже 17-летним польским евреем Гаршалом 7 ноября 1938 советника германского посольства Эриха фон Рата. В ответ на этот акт в ночь с 9 на 10 ноября по личному приказу Гитлера и при организационном участии Геббельса и Гиммлера был инсценирован как стихийное выражение народного гнева всегерманский еврейский погром. Было разрушено и сожжено 257 синагог и 815 магазинов и предприятий, принадлежавших евреям. 20 тыс. евреев были арестованы и брошены в концлагеря, 36 человек было убито. Общий ущерб составил 25 млн. рейхсмарок, из которых около 5 млн. пришлось на разбитые витрины (отсюда второе название «Хрустальной ночи» — «Ночь разбитых витрин»).

Энциклопедия Третьего Рейха. ЛОКИД-МИФ, Москва, 1996

[W. S. Alien. *The Nazi Seizure of Power: the experience of a single German town, 1930-1935*. Chicago, 1965, p. 77-78, 209-212.] доказывают, что различие между нацистскими фанатиками и основной массой населения было даже большим, чем указано здесь. В то время как для фанатиков антисемитизм был абсолютно серьезным делом, большинства населения считало антисемитскую пропаганду пустой болтовней, абсолютно не связанной с евреями, которых они знали лично, и, во всяком случае, не могущей привести к серьезным преследованиям.

Исследование Аллена проводилось в одном небольшом городке в Ганновере, и его результаты не обязательно достоверны для страны в целом. Уверенно можно сказать одно: антисемитизм сыграл ограниченную роль в приходе Гитлера к власти, но равнодушные сыграли огромную роль в наступлении эпохи репрессий.

В феврале 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером, а 1 апреля начались преследования евреев — с принудительного однодневного бойкота еврейских магазинов. «Протоколы» были использованы уже для этой первой антисемитской акции прежде всего Юлиусом Штрайхером в «Фелькише беобахтер». «Базельский план» (то есть план, изложенный в «Протоколах»), — Прим. ред.), объявил он, был близок к осуществлению, но «в 10 часов утра в субботу 1 апреля германский народ начал решительные действия против мировых преступников — евреев! Национал-социалисты! Поразите всемирных врагов!» [См.: Streicher, «Volkischer Beobachter», No. 31, März 1933]. Бойкот был пробным шаром: поскольку никто не протестовал, правительство стало вводить антисемитские законы.

Вскоре евреи были отстранены от государственной службы, свободные профессии были для них также запре-

щены, и в сентябре 1935 года нюрнбергские законы окончательно поставили их вне общества. В непрерывной пропагандистской кампании, которая сопровождала эти меры, «Протоколы» и миф о всемирном еврейском заговоре играли весомую роль. «Фелькише беобахтер» напоминала о них беспрестанно, а еженедельник Штрайхера «Дер штурмэр» печатал то выдержки из «Протоколов», то душераздирающие истории о германских девушках, изнасилованных евреями, то о ритуальных убийствах немецких детей.

Усилия «Дер штурмэр» были особенно важны, поскольку эта гнусная газета имела тираж почти в полмиллиона — один из самых больших в Германии, — а также вывешивалась на специальных стендах в городах и деревнях по всей стране; особенно зловещим было ее использование в школах.

Новое партийное издание было снабжено настойчивым призывом к каждому гражданину: «Каждый германец обязан изучить ужасающие откровения Сионских мудрецов и сравнить их с безграничной ништой нашего народа; сделать необходимые выводы и проследить, чтобы эта книга попала в руки каждому германцу... Мы, германские расисты, должны быть благодарны Провидению, которое осветило наш путь именно в то мгновение, когда все, казалось, было потеряно. Тяжелая борьба ожидает нас. Наша первая задача — дать противоядие душе германского народа и пробудить в ней понимание благородства арийской расы. С Богом — за воскрешение Германии!» [Die Geheimnisse der Weisen von Zion. Munich, Parteiverlag 1933, S. 3, 21.]

«Протоколы» хорошо продавались — и в отличие от другой «священной» книги Третьего рейха «Майн кампф», — их не только покупали, но и читали. Многие читатели становились фанатичными поклонниками «Протоколов» [F. Bauer, Antinazistische Prozesse und politisches Bewusstsein. — In: Antisemitismus: zur Pathologie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1965, S. 177.]. Менее чем за два года после прихода Гитлера к власти интеллектуальный и нравственный уровень в Германии упал так низко, что министр просвещения смог объявить «Протоколы» одной из главных книг для чтения в школах.

Подобный ход событий коснулся не только евреев. В царской России миф о всемирном еврейском заговоре использовался для дискредитации демократического строя; теперь, в Третьем Рейхе, его использовали не только для дискредитации возможных противников диктатуры, но и для оправдания всей системы террора.

Трамвай в Варшавском гетто.
Надпись на немецком и польском: «Только для евреев»

На плакате написано: «Распознай врага с жалтой звездой!»

В 1935 году Рейнхард Гейдрих, главный помощник Генриха Гиммлера, писал, что все оппозиционные организации разгромлены. В то же время он утверждал, что иудейско-масонский всемирный заговор все еще прилагает усилия, чтобы подорвать, отравить и разрушить германский народ: «История последних тысячелетий учит нас умению распознавать врага. Мы видим, что сегодня впервые ухватили врага за самые корни. Удивительно ли, что он защищается все яростней? <...> «Мы, воины, должны признать: потребуются годы ожесточенной борьбы, чтобы поразить врага повсюду, уничтожить его и обезопасить кровь и дух Германии от новых пополнений врага». [Цит. по: H. Buchheim, Die SS — Das Herrschaftsinstrument, Befehl und Gehorsam, Band I Anatomic des SS-Staates. Olten und Freiburg im Breisgau, 1965, S. 114-115.] На практике это означало, что всякий, кого режим по тем или иным причинам захочет преследовать или уничтожить, может быть объявлен наемником неуядающего еврейского всемирного заговора. Это означало также, что отрицать существование всемирного заговора может только враг режима, которого также надлежит преследовать и уничтожать. Так антисемитский миф, выдуманный несколькими эксцентричными священнослужителями и направленный против Французской революции, в 1930-е годы стал средством, при помощи которого тоталитарное правительство укрепляло свою власть над всей европейской нацией.

Миф о всемирном еврейском заговоре был также способом заставить немецкий народ принять внешнюю политику правительства. Эта политика была нацелена на войну, но такую цель ни одно современное европейское правительство — даже Гитлер — не могло ставить открыто. Поэтому с 1933 года внешняя политика Германии изображалась прежде всего как защита против вражеской блокады, организованной евреями. Особенно Советский Союз изображался таким, каким его всегда представлял себе Гитлер, страной недочеловеков, управляемых евреями, Геббельс разражался филиппками на эту тему во время ежегодных партийных съездов в Нюрнберге. В 1935 году он заявил, что большевизм — это сатанинский заговор, который мог созреть лишь в мозгу хаченника, а нацистская Германия — это скала, о которую бессильно разбивается азиатско-еврейский поток. На следующий год он назвал большевизм сумасшедшей и преступной чепухой, измышленной и организованной евреями, имеющей целью уничтожение европейских народов и установление на руинах мирового господства. (О методах антисемити-

кой пропаганды Геббельса в 1935-1938 годах подробнее см.: E.K. Bratsted, Goebbels and National Socialist Propaganda 1925-1945. Michigan State U. P. 1965; Z.A.B. Zeman, Nazi Propaganda, London, 1964.). У Штрайхера тоже имелось в запасе несколько перлов. Когда в 1935 году Советский Союз был принят в Лигу Наций, он заявил, что демократические правительства, поддержавшие этот шаг, наверняка состоят из тех прасловутых 300 человек, которых упоминал Ратенау, — «и эти триста человек принадлежат к еврейской расе и масонскому заговору». [J. Streicher, Der Feind des Volkerfriedens «Der Judenkenner», No. 5. März 1935, S. 94.].

Тем временем усердные исследователи лубриковали труды под таким, например, названием: «Евреи за спиной Сталина», где доказывалось, что все значительные лица в Советском Союзе — евреи. Поскольку в действительности почти все евреи, которые играли сколько-нибудь заметную роль в советской Коммунистической партии, были к этому времени ликвидированы Сталиным, работа была нелегкой — приходилось выдумывать горы лжи: еврейское происхождение приписывалось всякому человеку с патишским, армянским или татарским именем, да и обычным русским. Правда, затем такую процедуру распространяли и на другие страны. Вскоре каждый политик любой страны, который пытался помешать планам Гитлера, начиная с Рузельта, объявлялся евреем, евреем наполовину или по крайней мере мужем еврейки. Огромное количество соответствующих сведений выдавало Министерство пропаганды Геббельса, где в них почти не верили, и различные партийные учреждения, подчинявшиеся Розенбергу, где верили гораздо большему. Странные вещи наблюдались в 1939-1940 годах, когда надо было поддержать германо-советский пакт о ненападении; обнаружили даже, что Советский Союз вовсе не управляется евреями, а предыдущие заявления были обманом, внушенным легковерным немцам иудаизированными англичанами. Однако это было слишком даже для Геббельса, и он, должно быть, почувствовал облегчение, когда в 1941 году его утверждения о «тождестве евреев и коммунистов» в конце концов оправдались.

Однако, какие бы иные цели ни преследовала эта пропаганда, какие бы иные задачи она ни решала, главной ее мишенью всегда были сами евреи и главной задачей было представить этих людей олицетворением зла. Финалом подобного пути было убийство, и уже передвойной одержимые «Протоколами» люди намекали на такую возможность. В конце 1936 года «Der штурмэр» предсказывала очистительную операцию всемирного размаха: «Необходимо сосредоточить волю германского народа на разрушении бастионов, расселившихся в его теле, необходимо объявить войну всем евреям в мире. <...> [Цит. по: L.W. Bondy, Racketeers of Hatred, Julius Streicher and the Jew-baiters' International, London, 1946, p. 36-37.].

На Нюрнбергском партийном съезде 1937 года Геббельс превзошел самого себя: «Европа должна увидеть и распознать опасность... Мы будем бесстрашно указывать на еврея как на вдохновителя и инициатора, наживающегося на этих страшных катастрофах...» <...> [См.: Der Parteitag der Arbeit, Zentralverlag der NSDAP, Munich, 1938, S. 157.].

В октябре 1938 года можно было быть еще откровеннее, и «Der штурмэр» могла писать о евреях: «Бактерии, паразиты, вредители — их нельзя терпеть. Для того чтобы блюсти чистоту и гигиену, мы обязаны их обезвреживать, убивать» [См.: Bondy, Op. cit., p. 61.].

Еврейские женщины в ожидании расстрела.
Лиепая, декабрь 1941 г.

Все это, может быть, оставалось бы просто словами, если бы не война, которая к 1941 году бросила большинство европейских евреев во власть Гитлера, предоставив ему обширнейшие пространства, на которых можно было осуществлять уничтожение. (Уже перед войной сотни немецких евреев были убиты в концентрационных лагерях, но число погибших политических заключенных было значительно большим. Именно война дала возможность уничтожить еврейское население Европы). Гитлер считал свою войну войной «мирового еврейства» против национал-социалистической Германии: когда началось уничтожение, эта идея постоянно звучала в немецкой пропаганде. Пропаганда, конечно, никогда не рассказывала о массовых казнях и газовых камерах (это было запрещено), но она постоянно подчеркивала, что евреи заставляют платить за войну их собственными жизнями. Любопытный маневр: нацистские вожди пытались вовлечь весь немецкий народ в преступление, не признаваясь в содеянном.

Вскоре после того, как немецкие войска вторглись в Россию, появилась брошюра под названием «Германские солдаты видят Советский Союз», вдохновителем которой был Геббельс. В ней утверждалось, что «еврейский вопрос решается с впечатляющей тщательностью... Как сказал фюрер, если еврейству удастся воевать европейские народы в бессмысленную войну, это будет означать истребление европейской расы в Европе! Евреи должны были понимать, что фюрер серьезно относится к своим словам, и теперь они должны принять все, что обрушилось на них, как бы им ни было тяжело, это необходимо для того, чтобы в конце концов мир и спокойствие воцарились среди народов». [См.: M. Weinreich. Hitler's Professors. New York, 1946, p.141.]

<...>

Выступая в мае 1942 года в Карлсруэ, лидер Германского рабочего фронта Роберт Лей был в еще откровеннее: «Недостаточно изолировать врага человечества — еврея, еврей должен быть уничтожен». [См.: Bondy. Op. cit., p.157.]

В том же месяце партийный журнал «Фелькундрас» объявил: «Правильный подход к пониманию еврейства требует его полного уничтожения». [См.: Weinreich. Op. cit., p. 185]. В 1943 году реанимировали даже старинный миф о еврейских ритуальных убийствах. В 30-е годы эта тема использовалась практически лишь Штрайхером и

«Дер штурмэр», но теперь люди с университетскими дипломами начали выпускать солидные тома, в которых доказывалось, что ритуальное убийство в миниатюре раскрывает то, что полностью обнаружила война: еврейский план уничтожения всех христиан. <...>

Гитлер, Гиммлер и Геббельс разделяли иллюзию, будто британскую и американскую нравственность можно подорвать пропагандой на тему о всемирном еврейском заговоре. Такая пропаганда действительно имела кратковременный эффект во Франции и Англии зимой 1939/40 года, когда ходили смутные толки о «еврейской» войне; но затем ее воздействие постоянно уменьшалось, и Геббельс фантастически просчитался, когда в 1943 году увеличил время радиовещания на заграницу, посвященное антисемитским темам, с 70 до 80 процентов. [The Goebbels Diaries (ed. Louis P. Lochner). London, 1948, p. 287]. Нацистские вожди, однако, были столь убеждены в правильности своих расчетов, что всерьез ожидали крупных антисемитских волнений в Англии и Соединенных Штатах, движений, которые могли бы свергнуть демократические правительства, заключить мир с Германией и присоединиться к делу уничтожения евреев.

<...>

По мере того как шансы Германии выиграть войну уменьшились, стремление уничтожать евреев приобрело фантастические масштабы — как будто нацистские вожди хотели одержать хотя бы эту, самую существенную для них победу. В начале 1943 года новые газовые камеры были сооружены в Освенциме, и в присутствии высокопоставленных гостей из Берлина былпущен первый крематорий. В 1943 и 1944 годах процесс уничтожения ускорился до того, что летом 1944 года в Освенциме были уничтожены в газовых камерах и сожжены в один из дней 12 тыс., в другой — 15 тыс., в третий — даже 22 тыс. евреев.

Осенью 1944 года Холокост (Холокост (Катастрофа) — распространенный термин, означающий практику истребления нацистами евреев оккупированной Европы. Прим. ред.) завершился, но пропаганда, не умолкая, твердила о еврейском всемирном заговоре. В сентябре «Дайгер вохвандист» подчеркивала, что писатели и ораторы должны изображать евреев единственным настоящим врагом, единственным инициатором войны и ответчиком за ее последствия. Пропаганда в армии на Восточном фронте вполне откровенно говорила об уничтожении

Жертвы еврейского погрома в Праге.

евреев и оправдывала его как чисто оборонительную меру. Следующий текст, к примеру, взят из армейской публикации, которая исходила от высшего военного командования: «Среди нашего народа до сих пор есть отдельные люди, которые чувствуют себя не совсем уверенно, когда мы говорим об уничтожении евреев в нашей стране. Понадобились сила характера и энергия величайшего человека, которого единожды за тысячелетие дал миру наш народ, чтобы сорвать с наших глаз повязку еврейского обмана. Еврейская plutokratia и еврейский коммунизм стремятся уничтожить германский народ, вырвавшийся из их рабства. Кто в этой борьбе может говорить о жалости или христианском милосердии и т. п.? Еврея следует уничтожать, где бы мы его ни обнаружили». [См.: Weinreich. Op. cit., p. 212.]

К октябрю 1944 года было уничтожено 5-6 млн. евреев, а между тем Германия оказалась перед лицом вторжения с Востока и Запада. Гиммлер, предвидя, что вскоре Освенцим будет занят русскими, и надеясь, возможно, снискать расположение западных союзников, приказал прекратить систематическое уничтожение евреев (хотя десятки тысяч человек были обречены на смерть от голода). Можно было ожидать, что с этого момента наконец прекратится разговор о «Протоколах» и еврейском всемирном заговоре, но этого не случилось. «Евреи, — писал Геббельс в январе 1945 года, — воплощение разрушительной энергии, которая в эти жуткие годы пошла войной на все, что мы считаем благородным, прекрасным, достойным защиты... Кто гонит русских, англичан, американцев в огонь и приносит людские гекатомбы в безнадежной борьбе против германского народа? Евреи! ...В конце этого года евреи придут в свои Каны. Не Европа, а сами они логибнут...». [Там же, стр. 203.]

В разгар агонии Третьего Рейха в Берлине, который превратился в груду камней, Министерством пропаганды 29 декабря 1944 года была повторена ложь, которая прежде опьяняла убийц Ратенау: «Главная задача этой войны — сокрушение господства евреев над миром. Если бы нам удалось разгромить 300 тайных еврейских царей, которые правят миром, люди нашей земли наконец-то обрели бы покой». [Politischer Dienst (Arbeitsmaterial für Presse und Publizistik), No. 370 (Распространено через Abteilung Deutsche Presse der Presseabteilung der Reichsregierung).]

Это прозвучало признанием окончательного поражения, которое ожидает всякого параноика. Совершив неметное количество жесточайших убийств, вожди нацизма почувствовали, что ни на шаг не продвинулись к своей цели. Главный администратор машины уничтожения — Адольф Эйхман — предложил всеобъемлющее объяснение этому провалу. На суде в Иерусалиме в 1961 году

Эйхман заявил, что сам Гитлер был всего лишь пешкой и марионеткой в руках «сатанинского международного заговора западных plutokratov», имея в виду, конечно, загадочных, неуловимых и всемогущих «сионских мудрецов». [L. Poliakov. Le Procès de Jérusalem. Paris, 1963, p. 284-285.]

Чего в итоге добилась пропаганда? На этот вопрос нет ясного ответа. Гитлер и Геббельс любили возвещать миру, что нация объединилась в страстной решимости разгромить еврейский всемирный заговор. Многие люди, узнавшие о почти невероятном факте гибели к концу войны около шести миллионов евреев, достаточно легко смирились с этим. Верно ли это?

Картина, которую рисуют свидетельства очевидцев, живших в Германии при нацизме, не столь однозначна. Совершенно ясно, что уже к тому времени, когда Гитлер пришел к власти, огромная часть немецкого населения была заражена антисемитизмом в такой форме, которая намного превосходила туманный предрассудок, встречающийся во всех западных демократиях. Типичный немецкий антисемит требовал, чтобы немецкие евреи были отстранены от государственной службы, чтобы возможности их образования и карьеры были ограничены, чтобы их поставили в положение дискриминируемого меньшинства. На этом, однако, его желания кончались. Хотя они были несправедливыми и нецивилизованными, но все же весьма отличались от устремлений Гитлера и его соратников. За первые два года нацистского режима все эти требования были выполнены и перевыполнены. Евреи были изгнаны из всех сколько-нибудь видных и влиятельных учреждений, личные контакты между евреями и неевреями практически прекратились, началась массовая эмиграция евреев. Встал вопрос: что дальше? Понятно было, что умеренный антисемитизм большинства населения выдохнется, потому что реальный объект перестал существовать. Понятно и то, что антисемитизм разгорится еще больше, если его раздуть в кровавый фанатизм. Этого и стремились достичь нацистские вожди, эксплуатируя миф о всемирном еврейском заговоре. Насколько им это удалось? Весьма проницательный и опытный наблюдатель Михаэль Мюллер-Клаудис, который на протяжении многих лет изучал антисемитизм как явление, проводил свои исследования в 1938 и 1942 годах. После официально организованных погромов 9-10 ноября 1938 года, когда отряды нацистов разрушали и грабили синагоги, еврейские магазины и дома по всей Германии, когда было убито несколько десятков евреев, Мюллер-Клаудис доверительно беседовал с 41 членом партии, представляющими все социальные слои. Начиная разговор, он произносил стандартную реплику: «Отлично, наконец-то стали выполнять программу против евреев», и получил следующие ответы: 26 человек (63 процента) выразили открытое возмущение происшедшем; еще 13 человек (32 процента) ответили уклончиво; два человека (студент и банковский служащий) одобрили акцию, потому что верили во всемирный еврейский заговор. В глазах этих двух граждан физическое насилие над евреями было оправдано, поскольку «на террор надо отвечать террором». [M. Müller-Claudius. Der Antisemitismus und das deutsche Verhängnis Frankfurt am Main. 1948, S. 162-166.]

Следующие наблюдения Мюллер-Клаудис проводил четыре года спустя. Это было осенью 1942 года, когда остатки немецких евреев были депортированы на восток с неизвестной целью — предполагалось, что для физичес-

кого труда. На этот раз исследователь задавал серию искусно сформулированных вопросов 61 члену партии, вновь представляющих все социальные слои. Полученные результаты во многом отличались от предыдущих. Только 16 человек (26 процентов) проявили какую-то заботу о евреях, в то время как доля тех, кто отнесся безразлично, возросла до 69 процентов (42 человека). С другой стороны, доля фанатиков осталась прежней: три человека, или пять процентов от общего количества. Для этой группы, как и раньше, еврейский всемирный заговор был самоочевидным фактом, а истребление евреев — абсолютной необходимостью.

Мюллер-Клаудис в своей книге приводит мнение подобных фанатиков: «Целью войны, несомненно, является уничтожение евреев. Без этого окончательная победа недостижима. Международное еврейство спровоцировало войну.... После победы еврейская раса должна прекратить свое существование. Фюрер дал человечеству возможность освободиться от еврейства. ...Фюрер укажет, каким образом их следует истребить». [Там же, стр. 166-172. В целом эта книга — самое ценное исследование антисемитизма в Германии с 20-х годов до падения Третьего Рейха]. Эти наблюдения Мюллера-Клаудиса, впоследствии подтвержденные другими исследователями, позволяют с большой степенью объективности говорить о том, чего Гитлеру и Геббельсу удалось добиться, а чего — нет. (Экспертное исследование 1 тыс. немецких военнопленных в 1942-1944 годах показало, что 24 процента из них относились к режиму более или менее критически; по ответам 65 процентов опрошенных можно было предположить, что к вопросу о евреях они относились безразлично, 11 процентов принадлежали к числу фанатиков нацизма. Более высокий процент фанатиков, чем в данных Мюллера-Клаудиса, неудивителен, поскольку вопросы последнего охватывали людей взрослых, бывших в партии уже в 1933 году, в то время как большинство военнопленных получили воспитание при нацистском режиме. См.: Henry V. Dicks. *Personality Traits and National Socialist Ideology*. — In: *Human Relations. London and Ann Arbor. June 1950, vol. III, 2, p. 111-154.*).

С одной стороны, немецкий народ в основном не был охвачен антиеврейским фанатизмом, не был загипнотизирован мифом о всемирном еврейском заговоре, никогда не думал о войне как об апокалиптической борьбе с «вечным еврейством», но, с другой стороны, он все больше и

Ров с телами расстрелянных жителей гетто.
Украина.

больше, особенно во время войны, отделял себя от евреев. К 1942 году большинство людей по меньшей мере подозревали, что с депортированными евреями происходит нечто страшное, а значительное число немцев в силу профессионального положения должно было знать, что именно с ними делают, но мало кто беспокоился об этом. Конtrаст между 1938 и 1942 годами показывает, до какой степени население в целом было переориентировано — не на активной ненависти, а на полному безразличию. Конечно, следует учесть традиционное стремление немцев к повиновению властям, напряжение и тревогу военных лет, а также постоянно нагнетавшийся беспощадный террор, которому подвергалось население. Однако факт остается фактом: когда стало ясно, что людей в психиатрических лечебницах убивают, поднялась мощная волна протестов, в то время как в защиту евреев не выступил почти никто. Причины понятны. Всякий, кто вступался за евреев, сразу же расценивался как соучастник их заговора, заслуживающий того, чтобы разделить их судьбу; очень немногие готовы были подвергнуть себя и свои семьи подобному риску. В таких обстоятельствах очень соблазнительно скрыть собственную трусость, слившись хотя бы отчасти с официальной точкой зрения.

Не было нужды говорить о «сионских мудрецах» — было достаточно согласиться с тем, что в евреях есть нечто зловещее, что они, по крайней мере, не заслуживают тревоги относительно их судеб. Нацистскому руководству удалось внушить подобное отношение к евреям большинству населения. В представлении большинства немцев немецкие евреи перестали рассматриваться как соотечественники, исчезли последние следы солидарности: о евреях же в оккупированных немцами странах вообще никто не задумывался. Возобладало настроение ласковой уступчивости.

Тем временем фанатики, не более многочисленные, чем прежде, приобрели особое значение. Среди гражданского населения и в армии находилось несколько сотен тысяч, возможно даже 2 млн. людей, которые воспринимали миф о заговоре со всеми вытекающими отсюда ужасающими последствиями и которые были готовы выдать всякого, сомневавшегося в этом мифе, службе безопасности (СД). Такое положение дел, хотя и не совпадало с идеалами Гитлера, позволяло ему спокойно уничтожать европейское еврейство. То же в целом можно сказать и об организации, которая планировала и осуществляла уничтожение. И здесь истинные фанатики составляли меньшинство.

«Работа» Einsatzgruppe на территории СССР.

Еврейские женщины в концлагере Дахау

На высшем уровне было достаточно преступных приспособленцев, для которых все это кровавое предприятие было просто средством вымогательства, грабежа и продвижения по службе. Среди сотрудников лагерей также было достаточно приспособленцев, предпочитавших спокойную и привилегированную жизнь в тылу опасностям и тяготам фронта; были и настоящие садисты, получившие возможность избивать и пытать людей. На всех уровнях оставалось немало обычных конформистов — людей, следовавших по пути наименьшего сопротивления, шедших туда, куда их вели, автоматически делавших то, что им приказывали.

И все же несомненно, что всем этим людям нужен был предлог, какое-то оправдание, которое бы вдохновляло их на убийства, оставляя душу спокойной. В СД и СС на любом уровне были фанатики, готовые предоставить такое оправдание в виде мифа о всемирном еврейском заговоре. Так этот старый миф, заново осмысленный Гитлером, стал частью идеологии самой беспощадной и активной группы профессиональных убийц во всей человеческой истории.

<...>

Для большинства членов СС миф о заговоре фактически был чем-то большим, чем идеология или мировоззрение, — это было нечто, овладевшее их душами, так что они были способны, к примеру, заживо сжигать маленьких

Жертвы еврейского погрома в Сисаке, Хорватия.

детей, не ощущая ни чувства сострадания, ни чувства вины. [Cf. Elle A. Cohen, *Human Behavior in the Concentration Camp*. Trans., M.H. Braaksma, New York, 1953, p. 273.]

Вожди нацизма именно этого и добивались. В октябре 1943 года Гиммлер заявил в Позене группе высокопоставленных эсэсовцев: «Наш моральный долг перед народом — уничтожать людей, которые жаждали уничтожить нас. ... Большинство из вас знают, что означает видеть груду из ста трупов, или пятисот, или тысячи. Пройти через все это и все-таки — за несколькими исключениями — остаться порядочными людьми — вот что закалило нас. Это славная страница нашей истории, которая никогда не была и не будет написана другими...». [L. Poliakov, J. Wulf, *Das Dritte Reich und die Juden*, S. 215.]

Другие были еще откровеннее. В августе 1942 года Гитлер и Гиммлер посетилипольский город Люблин, чтобы обсудить способы уничтожения евреев с местным начальником СС и СД австрийцем Одило Глобоцким. Когда один из членов свиты Гитлера спросил, не стоит ли хоронить убитых евреев (а не кремировать), «потому что будущие поколения могут всякое подумать на этот счет», генерал Глобоцкий ответил: «Ну, господа, если после нас появится столь трусливое и прогнившее поколение, не способное понять, насколько благой и необходимой была наша работа, тогда, господа, весь национал-социализм напрасен. Напротив, следует установить бронзовые доски с надписями, что это сделано нами — имеющими смелость достигнуть этой гигантской цели». Гитлер согласился: «Да, мой дорогой Глобоцкий, именно так и я думаю». [Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunal under Control Council Law No 10. Vol.I. U.S. Government Printing Office, Washington, p. 866 (deposition of Kurt Gerstein).]

Однажды эсэсовский врач Франненштиль (он был также профессором гигиены в Марбургском университете) посетил лагерь уничтожения в Треблинке. Лагерные сотрудники СС устроили банкет в его честь, и в ответной речи доктор сказал: «Ваша работа — величайший долг, долг полезный и необходимый... Глядя на трупы евреев, начинаешь осознавать величие вашей благородной работы». [Там же, стр. B70.]

Это программные слова, свидетельствующие об исключительном феномене. В середине XX столетия в центре цивилизованной Европы существовало огромное количество людей, в которых не осталось ни малейших следов того, что обычно называют совестью и человечностью. Эти инженеры геноцида занимались делом с радостью — и по сей день те из них, кто предстает перед судом, отнюдь не раскаиваются. Этот феномен, конечно, объясняется результатом воздействия многих факторов — и врожденного темперамента, и опыта детства, и позднейшего воспитания. И все же этим людям была необходима идеология, чтобы оправдать свои преступления, и эту идеологию они обрели в «Протоколах» и мифе о всемирном еврейском заговоре.

Публикуется в сокращении.

В публикации использованы фотографии из коллекции музеев *The Getto Fighter House*
<http://www.gfh.org.il>
и Yad-Vashem
<http://www.yad-vashem.org.il>

ХРОНОЛОГИЯ ХОЛОКОСТА

1939

24 января. Геринг создает Центральную Рейхсканцелярию по эмиграции евреев.

4 октября. Создан варшавский юденрат¹.

7 октября. Создание еврейской резервации в Люблинском районе Польши (на территории, отошедшей к Германии по пакту Молотова-Рибентропа — ред.).

8 октября. Первое еврейское гетто создано в г. Петров-Трибунальский (Польша).

23 ноября. Евреи в Польше обязаны носить на одежде специальный знак ("звезда Давида").

1940

24 января. Имущество евреев регистрируется в Генерал-губернаторстве на территории оккупированной Польши.

25 января. Юденрат создан в Люблине.

30 апреля. Гетто в Лодзи изолировано.

3 октября. Франция вводит закон о статусе евреев.

22 октября. Еврейские предприятия регистрируются в Нидерландах.

28 октября. Имущество евреев регистрируется в Бельгии.

15 ноября. Гетто в Варшаве изолировано.

Декабрь. Создан тайный архив "Oneg Shabbat" ("Воскресный сбор") о преследовании евреев.

1941

1 марта. Строительство концлагеря Аушвиц II-Биркенау (Birkenau) началось.

24 апреля. Люблинское гетто изолировано.

23 июня. Айнзатцгруппы (Einsatzgruppe)² начинают убийства в СССР.

28 июня. Румынская "Железная гвардия" (экстремистская фашистская организация, основанная К. Кодряну — ред.) убила 1500 евреев в Ласи.³

30 июня. Айнзатцгруппа "4A" и местные украинцы убили 300 евреев в Пуцке.

30 июня. Немцы заняли Львов, к 3 июля 4000 евреев были убиты.

1 июля. Айнзатцгруппа "D" начинает действовать в Бессарабии, к 31 августа расстреляны 160000 евреев.

4 июля. Создан юденрат в Вильнюсе.

20 июля. Создано гетто в Минске.

24 июля. Создано гетто в Кишиневе; 10000 евреев умерщвлены.

25 июля. Погром во Львове.

31 июля. Геринг поручает Гейдриху подготовку плана "окончательного решения" еврейской проблемы. (*Endlösung*)

— гитлеровский план физического уничтожения еврейского населения Европы — ред.).

Июль. Убийства начинаются в Понари (южном районе Вильнюса).

1 августа. 50000 евреев изолированы в гетто в Белостоке.

4 августа. Гетто в Каунасе изолировано.

5 августа. Резня в Пинске: 10000 евреев убито в течение трех дней.

27-28 августа. Резня в Каменец-Подольске.

1 сентября. Нацистская "Программа эвтаназии"⁴ официально закончена.

19 сентября. Немецкие евреи обязаны носить специальный знак ("звезда Давида").

3 сентября. Первое экспериментальное умерщвление газом в Аушвице (Освенциме).

5 сентября. 2 закрытых гетто созданы в Вильнюсе.

15 сентября. 150000 евреев депортированы в Транснистрию (искусственное геополитическое образование, созданного оккупантами между Днестром и Бугом — ред.) 90000 умерло.

19 сентября. Ликвидировано гетто в Житомире, убито 10000 человек.

29-30 сентября. 33771 человек убито в Бабьем Яре в Киеве.⁵

28 октября. Тысячи евреев убиты в IX форте в Каунасе.

8 октября. Ликвидировано гетто в Брестске; убито более 16000 человек.

11 октября. В Черновцах (Румыния) евреи изолированы в гетто.

15 октября. Началась депортация евреев из Германии и Австрии в гетто на востоке.

¹ Юденрат (Judenrat), — учрежденный нацистами властями административный орган, якобы ведавший вопросами еврейского самоуправления. Центральным органом являлся Имперский представительский совет германских евреев (Reichsvertretung der Deutschen Juden).

Карта из официального отчета Айзатцгруппы А об уничтожении евреев на территории Прибалтики.

² Айзатцгруппы (Einsatzgruppe) — оперативные группы, впервые созданные Вальтером Шелленбергом по приказу Рейнхарда Гейдриха в 1938 г. перед началом операций в Чехословакии с целью подавления всякого сопротивления со стороны гражданского населения. Было создано четыре айзатцгруппы, разделившие между собой фронт по географическому признаку: А — страны Прибалтики, В — Смоленск, Москва, С — район Киева, Д — южная часть Украины. Во главе их были поставлены испытанные нацисты. В состав каждой айзатцгруппы входило от 1 тыс. до 1200 человек, распределенных между нескользкими айзатцкомандами. Профессиональный состав групп был тщательно продуман и взвешен. На 1 тыс. человек приходилось примерно 350 эсэсовцев, 150 шоферов и механиков, 100 членов гестапо, 80 сотрудников вспомогательной полиции (надиравшихся обычно на месте), 130 сотрудников полиции порядка, 40-50 работников уголовной полиции и 30-35 сотрудников СД. Полагалось также определенное число переводчиков, радиостанций, телеграфистов, управленических работников и женский персонал, так как в эти подразделения убийц включались и женщины (от 10 до 15 на группу). Руководящий персонал состоял, естественно, из гестаповцев и небольшого количества сотрудников СД и уголовной полиции. Точное число жертв деятельности собственно айзатцгрупп до сих пор не установлено, но только на территории СССР четырьмя оперативными группами было уничтожено около 750 тыс. человек.

³ «В то время как сборище фашистов снаружи (загона для бояни — ред.) насмешливо скандировала еврейские молитвы, происходила массовая резня евреев в

16 октября. Оккупация Одессы, массовые убийства евреев.

24 октября. 20000 евреев перевезены в Дальник (Dalinik), все уничтожены.

28 октября. Эйхман (Eichmann) утверждает план использования передвижных газовых камер (Gasenvagen).

26 октября. Резня в Каунсе, более 9000 евреев убито.

30 октября. В Словакии евреев переселяют из Братиславы в сельскую местность.

Октябрь. Первый транспорт прибыл в экспериментальный лагерь Майданек.

1 ноября. Началось строительство лагеря Берген-Бельзец (Belzec).

24 ноября. «Модельный лагерь» создан в Терезине (Theresienstadt).

30 ноября. В Риге 30000 евреев арестованы, затем расстреляны.

8 декабря. Газовые камеры применены в Хелмно (Chelmno).

21 декабря. Более 40000 евреев расстреляны в Богдановке.

22 декабря. 33500 из 57 тысяч евреев в Вильнюсе к этому дню уже убиты.

1942

14 января. Началась концентрация и депортация евреев в Данию.

16 января. Началась депортация более 10000 евреев из Лодзи в Хелмно (Chelmno).

24 февраля. Из Лодзи в Хелмно депортировано более 30000 евреев.

13 марта. Немцы уже убили 240000 евреев только на Украине.

17 марта. Экспериментальный лагерь в Бельзаке (Belzec) заполнен.

26 марта. 58000 евреев из Словакии депортированы.

28 марта. Первый транспорт французских евреев в Аушвиц.

Апрель. В СССР основан еврейский антифашистский комитет.

8 апреля. Айзатцгруппы рапортуют: в Крыму не осталось ни одного еврея.

30 апреля. Основано гетто в Пинске.

Начало мая. Первое массовое убийство в экспериментальном лагере в Собиборе.

2 июня. Первая депортация немецких евреев в Терезин.

22 июня. Первый транспорт из Дахау в Освенцим.

Депортация евреев из Будапешта в 1944 г.

Расстрел хорватскими националистами группы евреев.

- 16 июля.** Облава на евреев в Париже.
- 19 июля.** Гиммлер: все евреи в Генерал-губернаторстве должны быть уничтожены к концу июля 1942 г.
- 22 июля.** Строительство лагеря в Треблинке закончено.
- 22 июля.** Началась массовая депортация из варшавского гетто в Треблинку.
- 23 июля.** Самоубийство Адама Чернякова.⁶
- 28 июля.** В Варшаве создана 'Еврейская Боевая Организация' (ŻOB).⁷
- 5 августа.** Гитлеровцы ликвидируют Дом Сирот в Варшаве. Воспитанники отправлены в лагерь уничтожения Треблинку. Вместе с ними погиб основатель Дома Сирот, писатель и педагог Януш Корчак.
- 10 августа.** Началась депортация из Львова в Берген-Бельзец. 50000 человек умерщвлено газом.
- 3 сентября.** Вооруженное сопротивление евреев в Беларуси.
- 24 сентября.** Восстание в гетто Тучина (Tuchin).
- 28 октября.** Первая депортация из Терезина в Освенцим.
- 29 октября.** Почти все евреи Пинска уничтожены.
- 1 ноября.** Первая депортация из Белостокского района в Аушвиц (Освенцим).
- 4 декабря.** В Польше создан Совет помощи евреям (Zegota).⁸
- 23 декабря.** Еврейская организация сопротивления атаковала немцев в Кракове.

1943

- 18 января.** Вооруженное сопротивление евреев депортации в варшавском гетто.
- 5 февраля.** Началась депортация 10000 евреев из Белостока в Треблинку.
- 25 февраля.** Первый транспорт с евреями из Салоник (Греция) в Освенцим.
- 4 марта.** Евреи из Фракии депортируются в Треблинку.
- 19 апреля.** Началось восстание в Варшавском гетто.
- 12 мая.** Самоубийство Самуэля Зигельбайма.⁹
- 24 мая.** 19153 еврея по распоряжению болгарского короля Бориса отправлены из Софии в провинцию и спасены от депортации в Треблинку.
- 1 июня.** Ликвидировано гетто во Львове.
- 21 июня.** Гиммлер отдает приказ о ликвидации всех гетто на территории Советского Союза.
- 28 июня.** Четыре крематория построены в Освенциме-Биркенау.
- 2 августа.** Восстание в Треблинке.

соответствии с иудейским ритуалом забоя. Еще живых, их подвергали всем стадиям расчленения скота, после чего обезглавленные тела были повешены на крюки с надписью «Кошерная пища». Наги-Талавера, Николас М. Зеленые рубашки и другие. Hoover Institution Press. Stanford, CA. 1970, стр. 326).

¹ «Программа эвтаназии» — нацистская программа уничтожения неизлечимо больных, а также представителей «неполноценных» народов — евреев, цыган, поляков и русских. Впервые о программе эвтаназии было заявлено 14 июля 1933 в декрете «О защите здоровья нации».

Программа состояла из трех пунктов: умерщвление неизлечимо больных, непосредственное уничтожение с помощью «особого обращения» (Sonderbehandlung) и опыты по массовой стерилизации.

² **Бабий Яр** — большой овраг в северной части Киева, где в конце сентября 1941 происходили массовые казни десятков тысяч евреев. За два дня массовых казней там было убито около 35000 человек (по другим данным — от 50 до 70 тыс. человек). Их тела были погребены во рву 60 метров длиной и около 3 метров глубиной.

В 60-е годы советскими властями неоднократно предпринимались попытки уничтожения места захоронения казненных.

³ **Адам Черняков**, глава варшавского юденрата, покончил с собой, оставив записку: «Они требуют от меня, чтобы я своими руками уничтожил детей моего народа. Мне ничего не остается, как умереть».

Адам Черняков

⁷ **Еврейская боевая организация** (Żydowska Organizacja Bojowa, ŻOB) была создана в Варшаве, когда массовая депортация евреев в лагерь смерти достигла своего пика. Своей целью члены организации ставили как защиту собственной жизни, так и широкое вооруженное сопротивление нацизму. Возглавляемая Мордехаем Анелевичем, ŻOB организовала героическое восстание в варшавском гетто.

Мордехай Анелевич

Бухенвальд в день освобождения.

Zegota — так назывался подпольный польский Советпомощи евреям. Члены Совета собирали деньги, документы и свидетельства холокоста, прятали детей и взрослых от нацистов.

Самуэль Зигельбойм, еврейский представитель в польском правительстве в изгнании. В прощальном письме написал: «Моя смерть — мой последний протест против попустительства и пассивности, с которыми мир смотрит, как уничтожают еврейский народ».

3 ноября 1943 года нацисты провели акции массового уничтожения евреев (мужчин, женщин и детей) одновременно в трех лагерях в Польше: Травники (Trawnik), Понятова (Poniatowa) и Майданек (Majdanek). Было убито около 43000 человек. Эта операция получила кодовое название «Erntefest» — «Праздник жатвы».

Бухенвальд. Американский солдат осматривает человеческие кости в печах крематория.

В публикации использованы фотографии из музея *The Getto Fighter House* <http://www.gfh.org.il> и музея *Yad-Vashem* <http://www.yad-vashem.org.il>

8 августа. Первая из пяти организованных групп покидает вильнюсское гетто, чтобы присоединиться к партизанам.

15 августа. Ликвидировано гетто в Белостоке.

1 сентября. Разгром восстания в Вильнюсе.

3 сентября. В Бельгии евреи арестованы для депортации в Освенцим.

23 сентября. Ликвидировано гетто в Вильнюсе.

1-2 октября. В Дании евреи освобождены.

14 октября. Восстание в Собиборе.

18 октября. Евреи Рима депортированы в Освенцим.

21 октября. Ликвидировано гетто в Минске.

25 октября. Освобожден Диепропетровск, осталось 15 из 80000 евреев.

3 ноября. Немцы начали операцию «Праздник жатвы» (Erntefest).¹⁰

17 ноября. Евреи-партизаны освободили евреев в Борщеве.

1944

24 марта. Рузвельт призывает Венгрию воздержаться от преследования евреев.

7 апреля. Двое заключенных передали «Протоколы Освенцима».

16 апреля. Правительство Венгрии регистрирует евреев и конфискует их имущество.

15 мая. Начало массовой депортации венгерских евреев в Освенцим-Биркенау.

3 июля. Освобожден Минск, лишь немногие из 80000 евреев остались в живых.

7 июля. Венгерское правительство Салаша проводит депортации евреев, уцелевших при режиме Хорти.

8 июля. Ликвидировано гетто в Каунасе (Ковно).

13 июля. Евреи-партизаны участвуют в освобождении Вильно, спасено 2500 из 57000 евреев.

22 июля. Освобожден Львов, 11000 евреев погибли.

23 июля. Миссия Красного Креста посещает Терезин.

25 июля. Красная Армия освободила Майданек.

7 августа. Началась ликвидация гетто в Лодзи, 74000 евреев депортированы в Освенцим.

3 сентября. Антверпен освобожден, спаслись менее 5000 евреев.

3 октября. Варшавское восстание подавлено.

7 октября. Восстание зондеркоманды в Освенциме.

Ноябрь. Немцы прекратили удушение газом в Освенциме.

8 ноября. Возобновлена депортация из Будапешта.

1945

17 января. Освобождена Варшава, лишь немногие евреи уцелели.

18 января. Освенцим опустел, заключенные начали Марш Смерти в Бухенвальд.

19 января. Освобождена Лодзь.

27 января. Освобожден Освенцим.

1 февраля. 40 тысяч заключенных вышли пешком из Грос-Розен (Gross-Rosen).

11 апреля. Американские войска вошли в Бухенвальд.

15 апреля. Английские войска освободили Берген-Бельзен (Bergen-Belsen).

2 мая. Советские войска заняли Берлин.

5 мая. Маутхаузен (Mauthausen) освобожден.

7 мая. Подписана капитуляция фашистской Германии.

16 июля. Потсдамская конференция.

18 октября. Начало Нюрнбергского процесса.

Национал-социализм, одарив вымыщенное им мировое еврейство чертами расизма, жаждой власти над миром, космополитическим безразличием к немецкой родине, навязал евреям свои собственные черты. Но это лишь одна из сторон антисемитизма.

Из книги Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»

ИЗ ПРИГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА В НЮРНБЕРГЕ: «ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ»

<...> доказательства, представленные Трибуналу, устанавливают факт преследования евреев нацистским правительством. Это история бесчеловечности, осуществлявшейся последовательно и систематически в самых широких масштабах. Когда свидетеля Бах-Зелевского спросили, как могло случиться, что Олендорф, как он признал, с находившимися под его командой людьми убил 90 тысяч человек, он ответил: «Я лично считаю, что, когда в течение долгих лет, десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен». Подсудимый Франк произнес последние слова этой главы нацистской истории, когда он давал показания на суде: «Мы боролись против еврейства, мы боролись против него в течение ряда лет, нам принадлежат некоторые изречения (и мой дневник может стать в связи с этим свидетелем против меня самого) — изречения, которые ужасны... Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет снята».

Антисемитская политика была сформулирована в пункте 4 партийной программы, который гласил следующее: «Только представитель расы может быть гражданином, а представителем расы может быть только тот, в ком течет германская кровь, независимо от его вероисповедания. Следовательно, ни один еврей не может быть представителем расы». К осени 1938 года нацистская политика в отношении евреев достигла стадии,принявшей форму полного вытеснения евреев из жизни Германии. Были организованы погромы, во время которых сжигали и уничтожали синагоги; еврейские предприятия подвергались разграблению, а видные еврейские деятели — арестам. На евреев был наложен коллективный штраф в один миллиард марок; был санкционирован захват еврейского имущества, и передвижение евреев было ограничено определенными районами и определенными часами. Гетто создавались в чрезвычайно широком масштабе, и по приказу полиции безопасности евреев заставляли носить желтую звезду на груди и на спине.

Нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя оно было жестоким и безжалостным, не идет, однако, ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны на оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабс-

того труда. Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения» еврейского вопроса в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник отдела 4-B.

План уничтожения евреев был разработан вскоре после нападения на Советский Союз. Мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма, показывавшего общие могилы сотен жертв, впоследствии обнаруженных союзниками. По вопросу об Освенциме Трибунал заслушал показания Гесса, являвшегося с 1 мая 1940 г. по 1 декабря 1943 г. комендантлом лагеря. Он заявил, что только в одном лагере Освенцим за этот период времени было истреблено 2 миллиона 500 тысяч человек, помимо того, что 500 тысяч погибли от болезней и голода. Были представлены доказательства относительно судьбы заключенных до и после их уничтожения.

По Европе разъезжали специально созданные группы лиц, выискивавших евреев для так называемого «окончательного разрешения» вопроса. В некоторые страны-сателлиты (Венгрия и Болгария) были направлены германские миссии, которые должны были организовывать в вышеупомянутых целях отправку евреев в лагеря уничтожения в Германию. Известно, что к концу 1944 года 400 тысяч евреев из Венгрии были умерщвлены в Освенциме. Имеются показания об эвакуации 110 тысяч евреев из Румынии для ликвидации. Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил проведение этой программы, подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей.

<...>

Нюрнбергский процесс. Оглашение приговора.

Вторая мировая война вывела человечество за грань человечности. Во всяком случае, не хочется думать, что кровавая бойня, вдохновляемая бредовыми идеями, является нормой человеческого существования. И мы убедили себя, что из-за этой грани можно вернуться, что Нюрнбергский процесс поставил все точки над i, и беспокоится больше не о чем: мы вновь чисты и навинны. Но почему кровавая бойня уже забыта внуками и правнуками ее жертв и палачей, которые, к тому же, оказались очень восприимчивы к старым, но очень живучим бредовым идеям? Это лишь кажется, что война была очень давно — мы ведь даже не успели усвоить ее горькие уроки и только начинаем понимать, что все еще стоим на грани.

Освенцим. Памятный знак трагедии в Едварбино.

За деяния, совершенные в Едварбино, нести ответственность весь народ. Этой ответственности мы не должны и не можем избежать.

Стонет сарай за городом. И в этот сарай поляки гонят евреев. И сколько было там евреев — 1600 или 100, — не имеет никакого значения. Ни как смягчающее вину обстоятельство, ни как отягчающее. Деяние, которое они через минуту совершают, перед судом нашей совести не может иметь смягчающих обстоятельств. Скольких людей загнали в тот сарай, было тогда важно для тех евреев, которые не попали в руки преследователей. Сейчас это важно для историков. И как те евреи вели себя во время советской оккупации, не имеет никакого значения для нас, оценивающих бойню с точки зрения нашей совести.

Вальдемар КУЧИНСКИЙ.
Из статьи «Горящий сарай и я».

...О том, что же на самом деле произошло 10 июля 1941 года в захолустном местечке Едварбино, сейчас говорят вся Польша. Хотя до недавнего времени все казалось ясным и никаких споров не было. В этот день в местечко прибыли генштабовцы из специальной команды «Белосток». С помощью пособников из числа местного населения они согнали в центр и сожгли живы около 1600 евреев. Не пощадили никого: погибли и стар, и млад. По свидетельствам очевидцев, грудных детей связывали за ноги и на вилы бросали в огонь...

Это преступление было примерно наказано польским правосудием. В 1949 году состоялся судебный процесс, в результате которого один человек был приговорен к смертной казни и одиннадцать — к длительным срокам заключения. На могиле жертв трагедии поставили памятник, и надпись на нем гласила, что евреи сожгли фашистов.

Но эту версию опровергает только что изданная в Польше книга «Соседи», написанная историком Яном Томашем Гроссом. Она основана на свидетельских показаниях бывшего жителя деревни Шчучия Вассерштайнта, чудом оставшегося в живых. Оказывается, поджигавшие все на пламя, сами не участвовали в строгом преступлении. Именно руками поляков были уничтожены еврейские селеньи, из которых некоторые помогли разграбить. Правда, автор не исключает, что это могла быть месть евреям за то, что они пошли на сотрудничество с советской администрацией в период с 1939 по 1941 год. Но разве это что-то меняет?

Александр САМОЖНЕВ.

... Рядовой польский читатель не хочет верить, что нечто подобное могло случиться. Признаться, я тоже посчитал, что мой друг Ян Томаш Гросс стал жертвой чистификации. И все же преступление в Едварбино, которому предшествовал зверский погром евреев, имело често и должно тяжким грузом отложиться в массовом сознании поляков. И в моем личном тоже. Дебаты на тему преступления в Едварбино делятся среди поляков уже несколько лет. Их сопутствует серьезность, вдумчивость, боль и ужас, как будто всему обществу приказано вдруг нести бремя страшного преступления, совершенного 60 лет назад. Как будто всем полякам приказано коллективно признать вину и просить прощения.

...Пишу эти строки осторожно, взвешиваю слова, повторяя за Монтескье: «Благодаря природе, я — человек, благодаря случаю, я — француз». Так и я: благодаря случаю — поляк с еврейскими корнями. Почти всю мою семью поглотил Холокост, мои близкие могли погибнуть в Едварбино. Некоторые из них были коммунистами или родственниками коммунистов, некоторые были ремесленниками, торговцами, может, в раввишами. Но все были евреями. Своей вины перед теми погибшими не чувствую — чувствую ответственность. Не за то, что их убили, — этого предотвратить я не мог. А за то, что после смерти их убили второй раз — по-человечески не похоронили, не оплакали, не раскрыли правду об этом позорном преступлении, не разрешили пятидесятилетиями обчанывать. И это уже моя вина. Не хватило воображения, времени, из-за своего оппортунизма и духовного лептейства не залал себе некоторых вопросов, не искал ответов. Почему? Ведь принадлежал к тем, кто активно включился в раскрытие правды о преступлении в Катыни, добивался познания истины о сталинских процессах, о жертвах коммунистического репрессивного аппарата. Почему же не искал правды об уничтоженных в Едварбино евреях? Быть может, полезнательно боялся ее?

А ведь такая толпа в Едварбино не была однокой. Во всех странах, поработленных после 1939 года Советским Союзом, летом и осенью 1941 года происходили жуткие преступления против евреев. Они погибали от рук соседей — литовских, латышских, эстонских, украинских, российских, белорусских. Думают, пришло время узнать, наконец, всю правду об этих кошмарных событиях. Пишу эти слова и снова ощущаю специфическую параноию: я — поляк, а мойсты за преступление

Обложка книги Яна Томаша Гросса «Соседи».

в Едвабно – это польскийстыд. При этом явики, что, скажись сам тогда в Едвабно, был бы убит как еврей.

Так кто же, наконец, я,вшущий эти слова? Благодаря природе, я – человек, отвечающий перед другими людьми за то, что сделал и чего не сделал. Благодаря моему выбору, я – поляк и отвечаю перед всем миром за то зло, которое сотворили мои соотечественники. Делаю это осознанно, по наказу собственной совести.

Но одновременно пишу все это как еврей, ощущающий глубокое братство с теми, кого убивали тогда. Именно исходя из этого, должен заявить: тот, кто пытается вырвать преступление в Едвабно из контекста эпохи и построить на нем некое обобщение; тот, кто утверждает, что так вели себя только поляки и все поляки, – тот насаждает ложь такую же мерзкую, как и многолетнее вранье о преступлении в Едвабно.

Адам МИХНИК

... Все ясней и ясней понимаю, чтостыд – одно из важнейших чувств человека. Может,стыд – это двойородный брат вины? Формально ты не виноват, но когда речь идет о родстве, принадлежности к тому самому народу, к той самой религии или представительной политической ориентации, не удается, проси о машине руки, отдалиться от ощущения «замешанности». И тогда важно помнить, что причинному человеку должно быть приещущество стыда. За того подлеца. За то зло, осколки которого могли все же попасть в наш гегодняшний чистый лист. А может, и попали? Может, это они просятся в некоторых разъяснениях и комментариях? ...

Если мы не способны испытать стыд, боюсь, что мы не справимся с виной.

Петр НОВИНА-КОНОПКА.
Из статьи «Вина бесвестных».

«Проблема чрезвычайно болезненная для нынешнего польского общества. Мы должны у них просять прощения! Да разве неизвестно всему миру, что поляки рисковали своей жизнью, спасая евреев в годы войны? Разве не свидетельствует об этом третья восемнадцати тысяч деревьев, что посажены в Иерусалиме в честь «Праведников мира»? Шесть тысяч деревьев – это шесть тысяч поляков, получивших медаль «Праведника» за спасение евреев. И разве, с другой стороны, не евреи служили в послевоенной сталинской Польше в органах госбезопасности, в том числе на самых высоких постах, и имели непосредственное отношение к репрессиям против польских патриотов, подпольщиков, солдат и офицеров Армии Крайовой? Пусть евреи просят у нас прощения!»

Таких статей и читательских писем в польской прессе появляется немало. Но президент Польши Александр Квасьневский уже принял решение: 10 июля, в шестидесятую годовщину трагедии, он приедет в Едвабно и попросит прощения от имени польского народа. Это заявление вызвало бурю. Пусть Квасьневский просит прощения от своего имени! Проведенный социологический опрос на тему: просить прощения или нет, показал, что 53% поляков – против, 34% – за, а 13% не знают, что ответить. Президент так комментировал эти результаты: «Такие события, как в Едвабно, не оцениваются с помощью опросов. Это вопрос нашей ответственности, нашего нравственного самоощущения... И никакие рассуждения здесь ничего не изменят».

Любопытно, что, не соглашаясь с президентом в вопросе о прощении, большинство поляков продолжают доверять ему больше, чем любому из нынешних политиков (77%, согласно последнему опросу).

Высказался на эту тему и премьер-министр Ежи Бузек: «Если как народ мы гордимся теми поляками, которые с риском и даже ценой собственной жизни спасали евреев, то обязаны признать и вину тех, кто их убивал».

Все ждали, какую позицию займет Церковь, что скажет примас Польши кардинал Глемп. Недавно было принято решение конференции епископата, и Юзеф Глемп объявил, что 27 мая в костеле Всех Святых на Гжебовской площади в Варшаве, там, где в годы войны был центр гетто, епископы «попросят прощения у Бога за преступления против евреев в Едвабно и других местах, за все зло, которое принесли польские граждане своим согражданам иудейского вероисповедания». Кардинал ожидает также, что «еврейская сторона понимает и собственную греховность и потому решится попросить прощения у поляков за зло, причиненное им евреям, в том числе в коммунистические времена».

Александр Квасьневский, президент Республики Польша:

«Если мы хотим выйти из Едвабно лучше, сильнее и мудрее, чем были, мы должны рассказать всю правду о тех событиях. Но сказать правду не означает распространить ее на весь народ или на польское государство. Среди поляков были такие, кто помогал евреям и спасал им жизнь. Были и такие, кто выдавал и, увы – такое тоже бывало, – убивал евреев. Было и так, и этак. Один из выводов из дела Едвабно: не возможно и, более того, не нужно подводить итог героизма и подлости – они, к сожалению, не исключают друг друга. (...) Следует сделать то, что делается в таких ситуациях: прощать и просить прощения.

Поляки, споря о том, просить или не просить прощения за Едвабно, должны задуматься: а было бы им все равно, если бы Ельцин не нашел в себе сил и не попросил прощения за Катынь? Или если бы руководители ФРГ, брандт в Варшаве, Коль в Кшижовой, Герцог в 50-ю годовщину Варшавского восстания, а самым последним Шредер – смолчали и не склонили головы перед польскими жертвами войны? Или мы сочтем все это лишь пустыми рутинными жестами? Нет! (...) Для русских сказанное Ельциным «прости» за Катынь было, должно быть, страшным потрясением. Они были воспитаны в уверенности, что 600 тысяч их соотечественников пали, сражаясь за освобождение поляков от немецко-фашистских захватчиков. У них были свои могилы и почтание погибших героев. С таким сознанием они хотели жить и дальше. И вот их президент говорит, что была еще и Катынь и что важно не только то, что по приказу Сталина польских офицеров расстреливали выстрелом в затылок, но и то, что расстреливали русские. Можно спросить: зачем вообще возвращаться к этим темам? Столько лет уже прошло... Но ответ прост: мы должны возвращаться, ибо это часть нашей истории. Если мы хотим гордиться ее славными страницами, мы должны принять и нравственную ответственность за ее мрачные страницы. Раз это произошло в Польше, то как бы нам ни было больно, мы должны об этом помнить – в частности, заботясь о своем национальном самосознании».

«Тыgodnik poсwodnyj»,
15 апреля 2001 г.

На эти последние слова Глемпи отозвался раввин Варшавы и Лодзи Михаэль Шудрик, приглашенный на совместное богослужение с польскими епископами в костеле Всех Святых: «Поляки должны понять, что эти коммунисты были также предателями собственного народа, отрекшимися от нашей религии и национальных традиций. Эти люди не считали себя евреями, и мы их таковыми не считаем».

Журналист Ян Турнау призвал следовать примеру Иоанна Павла II, попросившего прощения у евреев за все обиды, причиненные им католиками, без всяких оговорок.

Означает ли богослужение, состоявшееся 27 мая в Варшаве, что высшие католические иерархи Польши не приедут 10 июля в Едварбино, — неизвестно. Но то, что там будут президент, премьер, маршалы Сейма и Сената, депутаты парламента, многие политические и общественные деятели страны, — это несомненно.

Весной этого года книга Гросса вышла в переводе на многие языки. Резонанс огромный. Польша стоит на пороге вступления в Европейский союз, и в Европе хотят увидеть, что страна начала засыпать кровавый ров, разделяющий польский и еврейский народы. Ров, но не память о нем...

Семен БУКЧИН.

Из статьи «Не бывает двух правд». «Русская мысль».

... «необходимо поддержать жителей Едварбино, подготовить их к осознанию тяжести трагедии. Необходимо торжественное признание правды и отдаче почестей жертвам. Пусть это будет сделано так, чтобы об этом написали газеты в мире, и чтобы показали телевидение CNN, с участием президента, примаса и премьера», — писал еще в январе Станислав Краевский, яркая фигура польского еврейского сообщества.

Исполнилась худшая часть его пророчества.

Жителям Едварбино никто не помог соразмерить свои чувства со звучанием истории. Зато в мемориальном ожесточении поддержали их людепенские отбросы политической вре蜜ы. На таблице начитника не написано полной правды, а почести жертвам резни в Едварбино с польской и христианской стороны отдали немногие: полтора десятка депутатов от Уни Вольности и SLD (фракция «левых» в польском парламенте — Ред.), высшие чины евангелистских костелов, несколько священников да несколько сотен частных лиц. Траурную церемонию показало телевидение CNN и еще некоторые. О ней написали десятки газет и информационные агентства целого мира. Но к президенту не присоединился ни премьер, ни примас, что некоторые СМИ прокомментировали как бойкот. Польский Епископат заранее организовал провел специальное богослужение, премьер принял участие в концерте, посвященном событиям, в варшавской синагоге служба прошла тоже на четыре дня раньше.

Еврейская и польская трагедия и через 60 лет не объединила людей. Едварбенский сарай второй раз сгорел в польском пекле, а homo judaicus рассматривает языки излечения без угрызений совести.

Эжи Ставандр МАЦ.

Из статьи «Хено едвабикус».

... гонят в сарай евреев. И мужчин, и женщин. И старых, и молодых. А некоторые на руках держат младенцев. Освободим наш воображение от пут, от блокирующей его уверенности, что мы, поляки, никогда не были способны на такое. Мы должны подойти к тому горящему сараю без этих пут, а иначе мы ничего не сумеем понять. Посмотрим на людей в этом сарае, и если не увидим в них своих близких, то хотя бы представим себя на их месте. Себя, наших детей, наших внуков. Увидим там, в центре этой толпы — повторяю, — если не ближнего, то себя и своих родных. И услышим тот крик, который было слышно за два километра, и представим себе, что это мы кричим, мы и те, кто нам дороже всего. Это нас и тех, кого мы любим, через секунду поглотит невыносимый жар, и нет ни малейшей надежды спастись.

Вальдемар КУЧИНСКИЙ.

Из статьи «Горящий сарай и я».

Президент Польши Александр Квасневский на открытии мемориала в Едварбино.

Едварбенское покаяние — это признак не спасности, а зрелости самосознания, способного удержать польскую нацию от повторения прежних ошибок. Забыть, «не ворошить прошлое», сделать вид, что «нас это не касается», — это, конечно, проще. Ведь даже не за свои личные грехи приходится каяться, а за грехи своего народа, и случившиеся-то в прошлом столетии. Но забытые грехи — как недолеченная зараза. Дождавшись своего часа, она вновь найдет себе питательную среду и завладеет потерявшим иммунитет организмом. Если мы не хотим жить в «доме с привидениями», каждая жертва должна быть оплакана, каждый палач — осужден, и до тех пор покаяние не должно закончиться. Беда, если оно даже и не начиналось.

Из свидетельских показаний немецкого шофера Хефера об уничтожении евреев в Бабьем Яре 29-30 сентября 1941 года

<...> Однажды я получил задание поехать на своем грузовике за город. При мне в качестве провожатого был украинец. Было это где-то около 10 часов. По дороге мы обагрили евреев, шедших колонной с поклажей в том же направлении. Там были целые семьи. Чем дальше мы отъезжали от города, тем многолюдней становились колонны. На большой открытой поляне ложали груды однажды — за ними я и ехал. Я остановился поблизости, и находившиеся на поляне украинцы стали наврежать машину вещами. С этого места я видел, что прибывших евреев — мужчин, женщин и детей — встречали также украинцы и направляли их к тому месту, где те должны были по очереди складывать свои пожитки, пальто, обувь, верхнюю одежду и даже нижнее белье. В определенном месте евреи должны были складывать и свои драгоценности. Все это происходило очень быстро: если кто-нибудь задерживался, украинцы подгоняли его пинками и ударами. Я думаю, что не проходило и минуты с момента, когда человек снимал пальто, до того, как он уже стоял совершенно голый. Не далось никакого различия между мужчинами, женщинами и детьми. У подходивших евреев было достаточно возможностей повернуть обратно при виде того, как раздеваются пришедшие раньше них. Но сей день я удивляюсь, что этого ни разу не случилось.

Раздетых евреев направляли в овраг, примерно 150 метров длиной, 30 метров шириной и целых 15 метров глубиной. В этот овраг вела 2 или 3 узких прохода, по которым спускались евреи. Когда они подходили к краю оврага, шуц-полицейские (немецкие) хватали их и кладывали на трупы уже находившихся там расстрелянных евреев. Это происходило очень быстро. Трупы лежали аккуратными рядами. Как только еврей лежался, подходил шуц-полицейский с автоматом и стрелял лежавшему в затылок. Евреи, спускающиеся в овраг, были настолько испуганы этой страшной картиной, что становились совершенно безвольными. Случалась даже, что они сами кладывались в свой ряд и ждали выстрела. Расстрел производили всего два шуц-полицейских. Один из них действовал в одном конце оврага, другой — в другом. Я видел, как они, стоя на уже уложенных телах, стреляют в них — в одного за другим. Проходя по телам убитых к следующей жертве, которая успела лечь за это время, автоматчик тут же расстреливал ее. Это был конвейер, не различавший мужчин, женщин и детей. Детей оставляли с матерями и расстреливали вместе с ними. Я наблюдал за всем этим недолго. Подойдя к яме, я настолько испугался того, что увидел, что не мог долго туда смотреть. В яме я увидел трупы, лежавшие в ширину тремя рядами, каждый примерно 60 метров. Сколь-

ко слоев лежало один на другом, я разглядеть не мог. Вид дергающихся в конвульсиях, залитых кровью тел просто не укладывался в сознании, поэтому дети до меня не дали. Кроме двух автоматчиков, у каждого прохода в авраге находился один «укладчик» — это был шуц-полицейский, который так укладывал жертву на трупы, что проходившему мимо автоматчику оставалось только сделать выстрел. Когда жертвы сходили в авраг и в последнее мгновение видели эту страшную картину, они испускали крик ужаса. Но их тут же хватали «укладчики» и присоединяли к остальным. Шедшие следом за ними не могли видеть этой ужасной картины, ибо ее заслонял угол авраге. В то время, как одни люди раздевались, а большинство ждало своей очереди,

стоял большой шум. Украинцы не обращали на него никакого внимания.

Они продолжали в спешке гнать людей через проходы в авраг. С места, где происходило раздевание, авраг не был виден, так как он находился на расстоянии примерно 150 метров от первой груды одежды. Кроме того, дул сильный ветер, и было очень холодно. Выстрелов в авраге не было слышно. Из этого я сделал вывод, что евреи не знали заранее, что в действительности происходит. Я и сегодня удивляюсь, что со стороны евреев ничего не было предпринято против этой акции. Из города прибывали все новые массы, и они, по-видимому, ничего не подозревали, полагая, что их просто переселяли.

<...>

Расстрел женщин и детей из Винницкого гетто. 1943 год.

Из дневника 16-летнего шкальника Романа Кравченко г. Кременец, 1942 г.

11 августа. Последний антиеврейский акт в нашем городе подходит к концу.

Один за другим едут автомобили, это уже вечер, автомобили так переполнены: на дне сидят женщины, девушки, дети. Одна бессмысленно улыбается, другая поправляет платочек на голове... Да вы ведь через десять минут будете убиты, сознаете это?..

19 августа. Сегодня везли Ф. Я себе не могу отдать ответа в монх чувствах, но очень тяжело, стыдно. Не за себя, но за людей, которые смотрят на это безразлично или со злорадством. Они меня не поймут. Что, он жалеет жидов?! Идиот! Ну чем такая Ф. хуже тебя одного с другим? Да она в десять раз превосходит тебя во всех отношениях! Единственная девочка, с которой я был от начала до конца вполне искренен, в приятно и отрадно иметь друга, который тебя понимает и соглашается с тобой. Она была хорошая девочка и храбрая. Она ехала стоя, с гарда поднятой головой, это было полчаса тому назад, в 6 часов 35 минут 19 августа 1942 г., — я уверен, что, и умирая, она не опустит головы.

Ф., знай, я помню тебя и не забуду и, может быть, когда-нибудь отомщу! Моя первая любовь, оставившая по себе приятные и чистые воспоми-

ния. Это был мой идеал, и я вряд ли найду когда-нибудь такую другую. Последний привет от Ромки!..

Сегодня утром на Ширакай лежала убитая еврейка. Она пыталась спастись — и тем ускорила свой конец. Она поплатилась за то, что осмелилась захотеть жить! Когда я пишу, из тюрьмы доносятся выстрелы. Вот опять! Может быть, он предназначен Ф.? В таком случае ей теперь лучше.

12 сентября. В гетто продолжается организованный грабеж. Бобы с мешками дежурят перед ним круглый день, а тем более — ночь. Что за народ! Какой «героизм». Их стреляют, ловят, бьют, но на них это не действует. Там, где пахнет нацистой, их не удержат никакие преграды. В гетто приезжают мужики из отделенных сел, и редкие из них ходят теперь без часов. Золотая пятерка, ставшая до пожара и расстрела 1200-1400 рублей, теперь стоит лишь 200-250. Полиция за литр водки дает 2 пятерки.

26 октября. Сегодня было открыто для рабочих продажа «макулатуры», т. е. одежды убитых евреев. И есть люди, которые могут это покупать! И даже много: в очереди стояли. По этой причине сегодня не было работы на фабрике — все стояли в очереди.

В Уманни Васпоминания Мани Файнгольц

Первого августа 1941 года Умань была занята немцами. В городе было более 15 тысяч евреев после мобилизации и эвакуации. <...> Утром 21 сентября 1941 года всех евреев собирают на работу, в процессе работы они узнают, что часть этих людей погибли яму копать. Более тысячи людей бросали в погреба, и до утра все они были задушены. Другие евреи, попавшиеся в тюрьму, посидели до вечера. Вечером пришли зрителя смотреть на этих жалких людей, которых заставляли танцевать и петь.

Конечно, не по собственному желанию танцевали евреи: их заставляли и при этом же били, избивали до смерти.

Когда люди проснли пулью, им такого удовольствия предоставить не хотели, самое лучшее для развлечения было убивать прикладом. К утру был приказ женщин с детьми выпустить, а мужчин убивать. Несколько дней подряд продолжался погром, где большей частью убивали мужчин. Да первого октября все евреи должны были переселиться на старый базар, то есть жить все на одной улице для того, чтобы легче было собирать их и уничтожать.

Несмотря на то, что был установлен срок для переселения, украинская полиция нападала и не давала переносить свое имущество, требуя немедленного ухода с квартиры. В этом погроме с целью грабежа активное участие брали больше 50 процентов украинцев города Умань. Меня встретила обыкновенная женщина, которая раздевала, забирала одежду и вместе с тем заявила: «Вот еще одна жидовка, забирайте ее, а то из-за них жить невозможно». Сижу в одном украинском доме, где я пряталась, приходит соседский мальчик, сыночек полицая, и рассказывает об успехах своей матери, сколько вещей она набрала, и при вынаде он говорит: «Мама достала себе только зимнее пальто, но она говорит, что как только будут еще раз быть жидов, она себе достанет и летнее пальто». Еврейскому народу бежать некуда было и бежать нельзя было, кругом нас были германские фашисты, а также украинская полиция. Многие представители Умань помогали немцам разыскивать и уничтожать евреев. Украинцы, которые старались скрывать еврея, были уничтожены.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ Лидия Абрамовна Мильготина (Левит) Гетто Винница

Я, Мильготино Лидия, родилась 20 сентября 1927 года в Виннице. Родители мои: Левит Абрам Борисович, 1904 года рождения, в 1937 году был репрессирован, в 1938 году — расстрелян, а в 1969 году — реабилитирован. Мать — Шаргородская Эмма Львовна работала воспитательницей в Винницком детском санатории и была там почти до самого захвата немцами Винницы, поэтому мы и не успели эвакуироваться. Когда фашисты вступили в Винницу, мне было 13 лет, братишке Боре — 7 лет, а сестренке Рушке — 3 года. Мы жили на ул. Коммунистической, дом 3, кв. 10.

С первого же дня захвата немцами нашего города для нас, евреев, началось беспровинная жизнь. Начались убийства, издевательства. Вначале из домов забирали только мужчин, увозили их под канвавм. Мы жили под постоянным страхом. Но самое страшное в моей жизни произошло 19 сентября 1941 года, когда нас, маму и детей, примерно в 5 часов утра разбудили крики и лай собак. Когда мы выглянули в окно, то увидели немцев в касках с автоматами и собаками. Они заходили в каждый дом, с ними были полицаны; вытаскивали женщин, детей, стариков. Дети и женщины плакали, кричали, их волакивали силой.

Я с соседкой помогала маме с детьми взобраться на чердак, забрала лестницу, а сама выбежала на улицу. Думала, что на чердаке их не найдут. Сама следила за домом и вдруг увидела, что маму с детьми ведут в толпу, которую собирали по улице Коммунистической, в окружении конвоя солдат с собаками и полицаями. Я кинулась к ним, меня оттолкнули, но я присоединилась к ним. Нас повели со всей толпой на улицу Свердлова, где уже стояли машины, и стали грузить в машины. Мама все время кричала конвоям, что я не еврейка, чтоб меня отпустили, но я все равно залезла в крытую машину.

и нас повезли в лес, но то место, где сейчас находятся могилы на Хмельницком шоссе. В лесу нас выгрузили под какие-то деревянные навесы. У женщин вырывали детей, но моя мама держала на руках трехлетнюю сестренку. Братишко был рядом, он плакал: «Мама, я не хочу умирать»

То, что я видела в этот трагический день 19 сентября, не уйдет из моей памяти до последней минуты жизни. Нашу соседку полицан волокли по мостовой, она уже не могла ходить, ее колени были обагрены кровью, кожа облезла до костей; у беременной женщины на глазах маленькая синяшки вытаскивали изо рта золотые зубы, она истощно кричала.

Я была почти в обморочном состоянии и только слышала мамин крик: «Ты должна жить. Заберите ее, она русская!»

Меня к еще несколько человек забрасывали в машину и повезли обратно в город. Я ничего не понимала от ужаса и страха. Не помню, как я вновь оказалась в нашей квартире, помню только, что я сильно кричала, и наш сосед, который уже занял нашу квартиру, взял меня за руку и повел обратно на улицу Свердлова, чтобы сдать гестаповцам.

Но немец, которому он меня сдавал, не взял меня. Видно, так судьбой мне было предназначено остаться живой и, как просила мама, рассказать обо всем, что происходило. Эта ее наказ: «...Ты должна жить, ты оба всем должна рассказать!..»

Меня отпустили, и я пошла к нашим знакомым, грекам, которые жили у вокзала. Их фамилия Ханапола. Эти люди хотели мне помочь, но соседи стали им угрожать, что расскажут гестаповцам, что они скрывают еврейку, и, чтобы не причинять им горя, я ушла опять в свой двор, к соседке. Соседка сказала, что мне лучше куда-нибудь уехать. В этот день как раз к ней в гости приехала сестра из Немирова, и

она попросила ее взять меня к себе. Оно взяло меня к себе, я помогала ей по хозяйству, муж ее был без ног, инвалид, сапожник.

На вдруг, через несколько дней, эта женщина мне сказала, чтобы я убиралась куда угодно, иначе она сдаст меня в гестапо, и я пешком из Немирова опять пришла в Винницу. Уже наступили сильные холода, одежды не было, негде было жить, не было еды. Я поняло, что в одинаку мне не продержаться и не выжить, и в декабре 1941 года пришло в еврейское гетто на улице Коммунистической. В гетто были красильня, кожевенная мастерская, где работали в основном мужчины, и швейная, где работали женщины. Эти женщины и взяли меня к себе в помощницы.

Работали мы от темна до темна. Очень поддерживала нас в эта страшное время одна семья. Их фамилия Бочковы. Мать их, Евгения Ефимовна, спасла жизнь еврейскому юноше, выдав его за свастику, а ее дети Боря и Мила часто приносили нам, что у них было поесть. В гетто мы пережили много страшных дней. Систематические начальные облавы, когда немцы и полицай нас поднимали, выгоняли во двор и в дождь, и в снег в одном белье и чта-то долго искали. Однажды, когда немцы пришли в гетто, как сейчас помню, это был солнечный апрельский день, один из немцев, по фамилии Кюнц, пришел с полицейским конвоем в швейную мастерскую. Ему не понравилось, как молодая швея Мария надела ему сшитую шапку. Тут же во дворе ее дагала раздели и избили шамполами. Как она кричала, до сих пор слышу ее крик... Ее тело от побоев все вспухло, глаза затекли кровью. К вечеру она потеряла сознание, под утро умерла.

А голод, постоянные недоедания... И страх, страх, страх.

С каждым днем жить становилась все тревожнее. Да нас дахидали слухи о том, что ловят, убивают оставшихся евреев, что скоро и наше гетто будет ликвидировано. И мы стали думать о том, как бы убежать из гетто, чтобы избежать смерти. Однажды ночью мне удалось через заброшенный люк выбраться из гетто, и я ушла к одной доброй пожилой женщине — фамилия ее Федотова. Это женщина меня отмыла, накормила. Ее единственный сын был на фронте, и она очень переживала за него. Я пряталась у нее. Из дома долго не выходила, но когда поняла, что меня не ищут, стала осторожно выходить. Меня спасола то, что я была похожа на русскую. Эта женщина помогла мне устроиться в прочечную, и я там работала, пока не начались облавы. В одну такую облаву меня забороли и увезли в Германию. <...>

Сразу же в 1945 году я вернулась на родину, в Винницу, и стала искать своих родственников. Оказалось живыми мая бабушка, сестра и мамин братя. Они меня вызволи в Одессу, и я уехала к ним.

Я закончила школу и поступила в институт, вышла замуж за Мильтатина Владимира Семеновича (он был участником и инвалидом войны), у нас родилось два сына.

В 1990 году я привезла на эти кровавые места своего сына и внучку, чтобы после моей смерти они могли продолжать пасещать эти святые места, где покоятся безвинные жертвы, чтобы дальше хранили эту светлую память о наших самых дорогих родных, у которых отняли жизнь палачи...

Евгений БЕРКОВИЧ

ПРАВЕДНИКИ МИРА В ЛАНДШАФТЕ ХОЛОКОСТА

*«Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».
Надпись на медали Праведника мира.*

В 1953 году был открыт иерусалимский мемориал Яд Вашем – центр научных исследований и памятник жертвам Катастрофы европейского еврейства. Как сказано в законе об основании мемориала, он должен предоставить «место и имена» всем жертвам Холокоста. Кроме того, этим законом определен особый статус тех людей, которые из благородных побуждений и с риском для собственной жизни спасали евреев в годы Холокоста. Подавней еврейской традиции таких людей называют «хасидей аммот ха-олам», что буквально означает «праведники народов мира». Обычно говорят короче: «праведники мира». Одним из самых запоминающихся мест Яд Вашема является Аллея Праведников – несколько тысяч вечнозеленых деревьев, каждое из которых посажено в честь человека, который помог хотя бы одному еврею пережить Холокост. Табличка у дерева сообщает имя спасителя.

Сейчас звание Праведник мира получили более 18 тысяч человек. Большая часть этих людей жила в европейских странах, оккупированных фашистами: более 5 тысяч – в Польше, более 4 тысяч – в Голландии, около 2 тысяч – во Франции, 1600 – на Украине, более 1200 – в Бельгии. От 400 до 500 Праведников мира жили в каждой из следующих стран: Венгрии, Чехословакии, Литве, а также вместе – в России и Белоруссии. На 1 января 2001 года насчитывалось 342 Праведника из Германии, 281 – из Италии, 234 – из Греции, 213 из всех государств, входивших в Югославию. Каждая из остальных стран дала менее 100 Праведников. Например, Австрия – 83, Литва – 93, Румыния – 57, Албания – 60, Швейцария – 36, Дания – 14, Болгария и Великобритания – по 13, Норвегия – 17, Швеция – 7. По одному Праведнику мира было из Японии, Бразилии, Португалии, США... За 2000 год число Праведников увеличилось на 829 человек. До сих пор проверяются данные новых кандидатов.

Исследователи выделяют три большие группы населения в годы Второй мировой войны: преступники, жертвы и посторонние наблюдатели. По сравнению с ними Праведники мира составляют незначительное меньшинство. Но без них описание «ландшафта Холокоста» было бы явно неполным. Знать историю спасения евреев в годы Второй мировой войны так же важно, как знать историю их уничтожения. Праведники мира дают возможность всем людям на земле сохранить Веру и Надежду.

<...>

Праведники мира – это в полном смысле слова «солнечное сплетение» проблем Холокоста. Разобраться в комплексе этих проблем необходимо, чтобы понять, что означала «моральная ответственность человека» тогда и как мы должны понимать ее сегодня.

Отношение к евреям в годы Второй мировой войны определялось множеством обстоятельств, без учета которых трудно понять и правильно оценить поведение людей в экстремальных условиях. Нацизм активно использовал антисемитизм как «наиболее ценную часть своего пропагандистского арсенала». Использовались все источники антисемитизма: религиозные, политические, экономические, культурные. Охота на евреев становилась легальной, против евреев разрешалось применять любые действия, даже те, которые в нормальном обществе считаются преступными. Не только помогать евреям, но даже просто выражать им симпатию и сочувствие становилось смертельно опасным. В Варшаве 15 октября 1941 года был опубликован приказ о смертной казни любого, кто помог еврею. Это были не пустые угрозы. Очень скоро большинство населения поняло, что тот, кто помогает еврею, рискует не только своей жизнью, но и жизнями своих близких. Нередко за помочь еврею уничтожались целые деревни. Антисемитизмом, подогретым нацистской пропагандой, можно во многом объяснить равнодушие и даже злорадство, с которыми наблюдали страдания евреев многие их бывшие соседи и знакомые. Но были и другие обстоятельства, влиявшие на поведение людей в годы войны и, как правило, осложнявшие и без того непростые отношения к евреям.

Зоя Сервакча из Польши

Джузеппе Амико из Италии

Семья Байнаровичей из Белоруссии

Гильберт Ларсен из Дании

Рауль Валленберг из Швеции

Аллан Эдвардс из Англии

Прежде всего следует сказать о разрушениях и страданиях, принесенных Второй мировой войной. Многим европейцам, жившим в те годы, довелось пережить горести предыдущей мировой войны и разруху великой экономической депрессии конца двадцатых годов. Но в большинстве воспоминаний о том времени эти бедствия кажутся незначительными по сравнению с теми, которые принесла новая мировая война: бомбёжики, разрушенные дома и церкви, вражеские солдаты, марширующие по улицам, унизительные поражения своих армий и порабощение родных стран.

В этих условиях главной задачей стало спасти себя и свою семью. Зона моральной ответственности отдельного человека становилась предельно узкой, многие старались не замечать преследования нацистами евреев.

Следует отметить и экономические мотивы, поощрявшие преследование и уничтожение евреев. Нацисты официально заявили, что все имущество евреев принадлежит Третьему Рейху. Нееврейское население Германии и оккупированных немцами стран получало в свое распоряжение дома и собственность евреев, занимало их рабочие места. Нацисты платили за каждого пойманного или убитого еврея деньгами или весьма дефицитными в военное время продуктами. Участвовавшие в охоте на евреев местные милиционеры и полицейские, а также члены их семей получали от немцев продовольственные пайки и денежные вознаграждения. В условиях экономической разрухи военного времени перед этими преимуществами сотрудничества с нацистами многие не могли устоять.

Казалось бы, перечисленные факторы, к которым можно было добавить еще немало подобных, приводят к неопровергнутому выводу: *реально помочь евреям в оккупированной немцами Европе было невозможно*. Однако жизнь и дела Праведников мира показывают, что это не так. Нельзя было спасти всех, но можно было спасти многих. Это действительно было очень трудно, часто приходилось рисковать жизнью. Но для некоторых людей оставаться верным своим моральным принципам оказалось столь важным, что они шли на этот риск.

Формы помощи евреям невозможно рассматривать в отрыве от времени: сама политика нацистов по отношению к евреям существенно менялась с годами – от ущемления гражданских и человеческих прав до тотального уничтожения.

<...>

До 1938 года действия нацистов еще не угрожали непосредственно жизни немецких евреев. Методично и целенаправленно евреи превращались в глазах основного населения в нежелательных чужаков, чья жизнь под прессом новых законов и инструкций становилась все более невыносимой. Они лишались основных атрибутов нормальной и достойной жизни: равенства перед гражданским законом, права на профессиональный труд, участия в культурной жизни общества, чувства защищенности и безопасности. После начала войны в Европе, в 1939 году, эта политика распространилась на все страны, оказавшиеся под фашистской оккупацией.

На этой стадии помочь евреям состояла в том, чтобы не вычеркнуть их из своей жизни, сохранить дружеские, товарищеские или соседские отношения, не поддаваться на призывы нацистской пропаганды социально изолировать евреев. Доброта, верность, совет и утешение были тогда особенно в цене. И в то непростое время оставались еще надежные друзья и просто порядочные люди. Большинство нееврейских жен не поддались требованиям нацистов развестись со своими еврейскими мужьями и, как оказалось, спасли им жизнь.

В воспоминаниях бельгийской еврейки Тани Липски рассказывается, что после того, как в 1942 году немцы обязали всех евреев в Бельгии носить желтые звезды, многие мужчины на улице снимали перед ней шляпу, а в трамвае подчеркнуто уступали ей место. Иногда дело доходило до акций протеста, например, в Голландии и других странах многие люди надели желтые звезды в знак солидарности с евреями. Против преследования евреев устраивались забастовки, произносились проповеди в церквях. Эти выступления быстро и жестоко подавлялись нацистами. Тем не менее подобные знаки симпатии и поддержки помогали сохранить веру в то, что не весь мир сошел с ума от антисемитизма.

С приходом Гитлера к власти многим евреям Германии стало ясно, что их жизнь в нацистском государстве становится невозможной. Еврейская эмиграция из Германии началась в 1933 году и продолжалась вплоть до ее

официального запрета в 1941. Страну покинула почти половина из более чем полумиллионного еврейского населения. Этим людям в большинстве своем удалось спастись. Последние иллюзии о возможности жизни евреев в гитлеровской Германии рассеялись у многих только после Хрустальной ночи 1938 года. Сами нацисты в период с ноября 1938 года до начала Второй мировой войны 1 сентября 1939 года всячески поощряли отъезд евреев из Германии. Проблема состояла в том, что в мире почти не осталось безопасных мест, куда разрешалось бы въехать евреям. Многие люди помогали евреям легально или нелегально уехать из Германии, в позже – и из оккупированных немцами стран Европы. <...> Эмиграция спасла десятки, если не сотни тысяч еврейских жизней.

Голландка Гертруда Вийсмюллер-Майер участвовала в спасении тысяч еврейских детей. В 1938 году появилась возможность многих перевезти в Англию, но на это требовалось согласие немецких властей. Гертруда поехала в Вену, говорила с самим Адольфом Эйхманом и получила коллективную выездную визу для 600 детей. В августе 1939 года, всего за пару недель до немецкого вторжения в Польшу, она поехала в Данциг и организовала 50 кораблей для перевозки детей в Голландию и Бельгию. И в последующие военные годы Гертруда Вийсмюller-Майер помогала еврейским детям, находила для них укрытия, снаждала питанием, обеспечивала фальшивыми документами.

Шведскому пастору Гоуту Хеденквисту удалось в 1938 году вызволить из Австрии 3 тысячи евреев. Капитан Фрэнк Фоули, офицер британской миссии в Берлине, руководил выдачей виз для въезда в Палестину, находившейся тогда под английским управлением. Капитан Фоули отлично понимал, что положение евреев в Германии становится критическим, и выдавал дополнительные визы, хотя Англия официально ограничивала въезд евреев в Палестину. Чем трагичней становилось положение евреев в Европе, тем сложней становилось получить визу в Палестину. По словам берлинского еврея Бена Коэна, «Фоули предпринимал все, что было в его силах, чтобы отправить в безопасное место как можно больше людей. Можно сказать, что он вырвал из лап смерти тысячи евреев».

Подобно Фоули, еще несколько дипломатов пытались спасти евреев, выдавая им въездные визы в безопасные страны. Нейтральные страны и участники антигитлеровской коалиции, прежде всего США, отказывались принимать к себе евреев из Европы. И все же для нескольких чиновников спасение человеческих жизней оказалось важнее политики их правительства. Начальник полиции швейцарского пограничного городка Сент-Гален Пауль Грюнингер позволил в начале войны сотням евреев найти спасение в Швейцарии, за что был уволен со службы и лишен пенсии. Португальский консул в Бордо Аристидес до Суса Мендес выдал въездные визы в Португалию более 10 тысячам евреев, что противоречило прямым приказам его начальства. Он предоставлял убежище многим евреям в своем доме в Бордо. Даже в тот день, когда его под конвоем отправили назад в Португалию, где Суса Мендес выписывал последние визы беженцам. Он потерял работу и был оштрафован в наказание за свои действия. Семья с 13 детьми оказалась в нищете. Звание Праведник мира де Суса Мендес получил уже посмертно в 1966 году.

После нападения Германии на Польшу возможности легальной эмиграции евреев стали заметно сокращаться. Показательно исследование Генри Хутенбаха, который задокументировал безуспешные попытки евреев из города Вормс уехать из Германии в 1938-41 годах. Из 191 еврейской семьи, которые в 1941 году еще оставались в Вормсе, только 5 не хотели покидать Германию. Остальным просто не удалось эмигрировать.

В 1939 году немцы вошли в Польшу, в 1940 – в Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Францию... Жестокость нацистов была известна – миллионы людей, евреев и неевреев, оставили свои дома, и по дорогам потянулись нескончаемые потоки беженцев. Лучше всего было вообще уехать из Европы. Далее по ступени безопасности были нейтральные европейские страны: Испания, Португалия, Швеция, Швейцария и Турция. Те, кто попадал в Турцию, двигались, как правило, дальше, чтобы нелегально перебраться в близлежащую Палестину. Известен случай, когда греческие партизаны провели около 3 тысяч греческих евреев через Турцию в Палестину. И, наконец, определенные возможности спасения предоставляли страны, хотя и связанные с нацистской Германией, но сохранившие традиционно невраждебное

Исидорос Осситавичус из Литвы

Димитр Песев,
депутат болгарского парламента

Оскар Шиндлер из Германии

Рафик Весели из Албании

Священник Мари-Бенуа (падре Бенедетто) из Италии

Монахиня Станислава Бусольд из Польши

отношение к евреям. К таким «островкам безопасности» относились до 1943 года фашистская Италия и контролируемые ею территории в Югославии, Греции и Франции, а также Венгрия до 1944 года.

Во Франции десятки тысяч евреев стремились перейти из оккупированной фашистами зоны в неоккупированную южную зону со столицей в городе Виши. Переход через демаркационную линию между двумя зонами был для евреев запрещен, поэтому нужно было пользоваться услугами специальных проводников, снабжавших беженцев фальшивыми документами, продуктами и другими необходимыми вещами. За переход беженцы платили большие деньги, причем нередки были случаи, когда проводники просто грабили беззащитных людей и отдавали их в руки нацистов. Но известны и другие примеры, показывающие человеческую порядочность.

Рауль Лапортье, признанный теперь Праведником мира, владел небольшим магазином вблизи демаркационной линии. Он сам изготавливал фальшивые документы и обеспечивал ими беженцев, часто лично сопровождал евреев при переходе через границу. Он скрывал людей у себя дома и в домах своих друзей, передавал почту из одной зоны в другую, что также было строжайше запрещено. Ценные вещи беженцев он сначала прятал, а потом отдавал владельцам уже на другой стороне. Свои контакты с французскими полицейскими он использовал, чтобы предупреждать евреев о готовящихся облавах и депортациях. Рауль Лапортье не брал за свою работу денег, им руководили совсем иные мотивы. К концу войны он оказался почти нищим.

Легендарной фигурой стал пастор Мари-Бенуа, организовавший в марсельском монастыре капуцинов настоящее предприятие по спасению евреев. Вместе с группами французского Сопротивления и официальной организацией UGIF (Union Generale des Israélites en France), представлявшей французских евреев, это предприятие обеспечило тысячи беженцев фальшивыми паспортами и другими «арийскими» документами, чтобы люди могли бежать на юго-запад, в Испанию, или на северо-восток — в Швейцарию. Когда в ноябре 1942 года фашисты окончательно оккупировали Францию и эти пути спасения были закрыты, Мари-Бенуа удалось убедить итальянские власти разрешить евреям остаться в итальянской зоне оккупации Франции, несмотря на отчаянные протесты министра иностранных дел Германии. Тысячи евреев оказались в итальянской зоне и нашли там свое спасение. Когда в последнюю минуту сорвался грандиозный проект послать 50 тысяч французских евреев на кораблях в Северную Африку, Мари-Бенуа вынужден был бежать в Рим. Там он под именем отца Бенедетти сыграл ключевую роль в спасении итальянских евреев, когда осенью 1943 года пал режим Муссолини, немцы заняли Италию и приступили к депортации евреев на Восток.

Одной из самых знаменитых операций по спасению евреев в годы войны стала эвакуация тысяч датских евреев осенью 1943 года. После того как Георг Дуквитц, морской атташе немецкой дипломатической миссии в Копенгагене, предупредил датские власти о готовящейся депортации евреев, почти 8 тысяч человек в период с 29 сентября по 1 октября были переправлены на кораблях и лодках в Швецию, чье правительство согласилось принять беженцев. В этой операции принимали участие сотни простых датчан. Анна Христенсен в течение нескольких месяцев прятала 40 еврейских детей-беженцев, связанных с сионистской группой «Юная Алия», заботилась о них, занималась с ними и в назначенный день привела на побережье, откуда их перевезли в Швецию. Ханна Арендт в своей знаменитой книге «Эйхман в Иерусалиме» назвала происшедшее в Дании «результатом привитого понимания тех предпосылок и обязанностей, которые гарантируют гражданство и независимость».

Поль Борхениус был одним из тех, кто спасал датских евреев в 1943 году. В своих воспоминаниях он написал, что «поступок датчан был спонтанным, единодушным и пользовался поддержкой всего народа. Мы видели, что среди нас образовалось беззащитное и объявленное вне закона меньшинство, которое должно было вскоре погибнуть, и мы могли его спасти. Само собой разумеется, что мы им помогли. Если горит дом соседа, то каждый должен помочь бороться с пламенем. Несспособность нацистов понять, что совершенно нормальные датчане были готовы ради евреев рисковать своими жизнями, показывает ту пропасть, которая существует между свободными людьми и узколобыми рабами тоталитарных режимов». <...>

К сожалению, даже пламя Освенцима не побудило большинство европейцев помочь еврейским соседям, когда горели их дома. Почему? Некото-

рые не считали евреев своими соседями. Некоторые не хотели верить, что дома действительно горят. Другие видели пожар, но боялись сгореть сами. Были и те, кто радовался, глядя на сгорающие дома и людей. И только очень немногие рисковали своими жизнями, чтобы помочь соседям справиться с огнем. Они не могли исключить евреев из зоны своей моральной ответственности. Эти немногие, кто помогал бороться с огнем, заслужили называться Праведниками мира, хотя сами себя они таковыми не считали.

Перебраться в безопасное место удалось сравнительно небольшому числу европейских евреев. Подавляющее большинство оказалось на территориях, контролируемых нацистами. Оставались только две возможности для спасения – скрыть для окружающих, что ты еврей, или надежно спрятаться. Оба эти способа требовали помощи со стороны других людей.

Чтобы окружающие не призапали в человеке еврея, нужно было иметь соответствующие документы. «Новый порядок» в нацистской Европе был предельно бюрократическим. Каждый человек должен был иметь кучу бумаг, прежде всего, удостоверение личности, в котором указывался религиозный и расовый статус его владельца. Кроме этого, необходимо было иметь разрешение на работу, вид на жительство, продовольственные карточки, различные документы для дальних поездок, личную карточку для почты и т.д. Очень важны были церковные документы о крещении и венчании, без чего невозможно было получить «арийское» удостоверение личности.

<...> Производство таких бумаг стало центром деятельности организованных групп спасения. Особенно эффективна при этом была помощь официальных чиновников. Такую помощь оказывали, например, бельгийские государственные служащие. Тысячи евреев обязаны этой рискованной деятельности своими жизнями.

Фальшивые документы были необходимы, но никак не достаточным условием того, чтобы еврей мог пережить Холокост. Чтобы достоверно выглядеть неевреем, надо было обладать определенными актерскими способностями. Кроме того, было важно, насколько в конкретном месте сильны культурные, языковые и внешние отличия еврея от нееврея. На Западе эти отличия были не так заметны, как на Востоке. Поэтому и шансы еврею выдать себя за нееврея во Франции, Голландии или Германии были выше, чем на Украине или в Польше.

Добровольные помощники нацистов, так называемые «информаторы», внимательно присматривались ко всем подозрительным людям. Найти скрытого еврея было для информатора заветным желанием – помимо благодарности от немцев, он получал и солидное материальное вознаграждение. Обмануть информатора было очень сложно: еврейский акцент, ошибки при молитвах, неправильное поведение в церкви, – все это выдавало замаскированного еврея.

Лучше всего удавалось выдавать себя за нееврея тем, кто сам верил, что он нееврей. Это относится, прежде всего, ко многим еврейским детям, оказавшимся в христианских семьях. Полька Леокадия Яромирска нашла еврейскую девочку вблизи своей деревни. Родители девочки оставили ее там, когда бежали при ликвидации еврейского гетто в Легионово. Леокадия взяла девочку к себе, крестила ее, сообщив соседям, что это ее дочка. Леокадия рисковала своей жизнью, так как соседи с трудом верили в эту легенду. Ценой немалых жертв Леокадия вырастила девочку, и они обе дождались конца войны.

<...>

Для тех несчастных людей, кто не смог бежать с оккупированной нацистами территорией и не имел необходимых документов для того, чтобы скрыть свое еврейство, оставалась последняя возможность спасения – спрятаться. Один из самых известных примеров подобного рода – это история Анны Франк и ее семьи, прятавшихся в перестроенном бюро в Амстердаме. Тысячи евреев во всех уголках Европы спаслись благодаря тому, что их прятали у себя смелые и благородные люди. Найти укрытие для еврея было нелегко. Немцы без промедления приводили в исполнение смертные приговоры всем, кто осмеливался прятать еврея.

Беженцев прятали в доме или во дворе, оборудуя место за шкафом, за печкой, в подвале, под лестницей, на чердаке, в курятнике, в хлеву, в сарае, в стогу, в землянке, иногда даже в ящике, который годился для маленького ребенка. Жаклин Вольф и ее четырехлетняя сестра Жозетта скрывались от облав гестапо в яме, специально оборудованной под навозной кучей. Польский

Жуль-Жерар Сальваж, архиепископ Тулузы, Франция

Карл Латц, швейцарский консул в Будапеште

Ионас и Антонина Паулевичус из Питвы

Юэжин и Мари Валлон-Саеварс из Бельгии

Петр Глод с Украины

Зайнеба Хардаги из Югославии

еврей Феликс Цанман и еще четыре человека в течение почти 500 дней (!) прятались в яме площадью полтора квадратных метра и глубиной метр двадцать.

Жизнь в укрытии была нелегким испытанием не только для скрывающихся евреев, но и для тех, кто помогал им выжить. Нужно было быть постоянно начеку, чтобы не только немцы, но и соседи ничего не узнали и не заподозрили. Счастливым исключением становились поселения, все жители которых участвовали в спасении евреев. Так было, например, во французском городе Ле Шамбон, где нашли укрытие несколько тысяч евреев. Во французской деревне Хот-биоль все жители знали, что семья Аргу прячет двух еврейских юношес. Немцы много раз прочесывали деревню в поисках евреев, но никого не нашли – ни один из жителей деревни не оказался предателем. В голландской деревне Нойванде каждая семья укрывала, по крайней мере, одного еврея, хотя никакой формальной организации спасения там не было.

Еда и лекарства требовали денег. Известны случаи, когда люди, даже находясь в укрытии, могли продолжать работать. Бельгийский инженер Абрам Липски был уволен с резиновой фабрики, на которой он работал до войны, и прятался от нацистов. Бывший начальник Липски позволил ему нелегально работать и получать деньги за свой труд. Поразительно, что в Бельгии банки, церкви, больницы, школы часто давали деньги и предоставляли другую помощь прячущимся от немцев евреям. Многие бельгийские предприятия по-прежнему платили зарплату своим бывшим сотрудникам-евреям, хотя те не могли больше появляться на рабочем месте. Все это помогло более 25 тысячам бельгийских евреев пережить войну.

Две тактики – спрятаться и «стать неевреем» – не исключали одна другую. Нередко приходилось их применять по очереди. Менялись обстоятельства, соответственно менялась и тактика. Польская супружеская пара Каролина и Миколай Кмита помогали молоденькой еврейке Зосе. С помощью фальшивых документов Зося выдавала себя за их родственницу. Однако после серии жестоких расправ немцев с евреями и их польскими помощниками в соседних городах и селах, Кмиты решили, что риск оставаться польской для Зоси слишком велик. Миколай построил ей в ближайшем лесу укрытие, и каждую ночь Каролина приносила туда еду, чистую одежду, иногда водку и лекарства. Зося пережила в этом укрытии всю войну.

Двенацатилетний Шмулек Олингер убежал из гетто, и его приютила у себя польская крестьянка по имени Бальвина. За то время, пока Бальвина прятала у себя Шмулека, она обучила его грамотно писать и говорить по-польски, объяснила, как вести себя в церкви и как правильно молиться. После этого она решила, что теперь безопаснее представить Олинера как польского мальчика, чем держать его в укрытии. Он нашел работу в одной польской семье в соседней деревне, что помогло прокормиться и ему, и Бальвине. Шмулек пережил войну и стал известным историком Самуилом Олинером, автором одного из самых авторитетных исследований о Праведниках мира.

<...>

Несмотря на все усилия и уловки, о которых говорилось выше, подавляющему большинству европейских евреев не удалось избежать страшной участи оказаться в руках у нацистов. Лишь некоторым посчастливилось пережить гетто и лагерь. Это было бы невозможно без самоотверженной помощи со стороны неевреев.

Евреи, попавшие в гетто, еще не знали, что они обречены на смерть. Но то, что им с первого дня необходимо бороться за существование, становилось известно сразу. Нехватка продуктов, лекарств, одежды. Для покупки еды на черном рынке требовались деньги. Чтобы нелегально работать, нужно было иметь фальшивые документы. Все эти необходимые для жизни вещи передавали в гетто сочувствующие евреям люди. С определенного момента вход в гетто неевреям был запрещен, поэтому приходилось придумывать нестандартные решения.

Алексу Рослану, поляку из Варшавы, удалось в 1943 году проникнуть в Варшавское гетто через подземный туннель, о котором не знали фашисты. Его потрясло то, что он увидел, особенно бедственное положение детей. Рослану удалось забрать с собой восемьимилетнего Якова Гилата. Позднее к нему присоединились младшие братья Шалом и Давид. Яков и Давид Гилаты пережили в доме Росланов всю войну. Шалом умер от скарлатины.

Иногда удавалось передавать в гетто оружие. Настоятельница монастыря вблизи Вильнюса Анна Борковская с помощью нескольких монахинь

собирала на полях, где проходили сражения, ножи, пистолеты, ручные гранаты и передавала их в Вильнюсское гетто. Монастырь был местом укрытия для еврейских подпольщиков и партизанских командиров Аббы Ковнера и Абрахама Зуккевера. Там же спасались многие дети, бежавшие из гетто.

Настоящим ангелом-спасителем для заключенных в гетто евреев стала Анна Зимайтв, работница университетской библиотеки из Вильнюса. Она убедила немецкие власти, что для пополнения библиотеки ей необходимо собрать книги у еврейских студентов, оказавшихся в гетто, и получила туда пропуск для свободного входа и выхода. Каждый день она приходила в гетто и приносила с собой хлеб, мармелад, маргарин и сыр для детей из дома сирот. Она сумела помочь сотням человек. Когда о ее деятельности стало известно немцам, Зимайтв арестовали, пытали и отправили в концентрационный лагерь Дахау. Потом ее переводили в другие лагеря. Она выжила чудом. <...>

В концентрационных лагерях, созданных гитлеровцами в разных странах, нашли свою гибель миллионы европейских евреев. Не только в специальных лагерях уничтожения, как Освенцим или Треблинка, но и в сотнях так называемых трудовых лагерей, где люди умирали от непосильной работы, нехватки питания и отсутствия медицинской помощи. Редко, но сочувствующие евреям люди находились и среди обслуживающего персонала таких лагерей. И тогда в безнадежной ситуации появлялся шанс на спасение.

Девятнадцатилетний поляк Владислав Мизуна работал на ферме по разведению кроликов вблизи города Радом. На базе этой фермы был организован рабочий лагерь для снабжения немецких солдат на Восточном фронте кроличьим мехом. Большинство заключенных в лагере были еврейские женщины. Как и во всех немецких лагерях, труд был тяжелым, санитарные условия примитивными, питания, особенно для евреев, было мало. Мизуна делал все, что было в его силах, чтобы поддержать заключенных. Вопреки приказам, он передавал им часть продуктов, предназначенных на корм кроликам. В лагере свирепствовали болезни, а лекарств евреям не полагалось. Однажды Владислав заразил себя той же болезнью, которой заболела одна девушка-заключенная, чтобы получить от лагерного врача лекарство, которым делился с девушкой. Оба они вылечились. До конца войны Владислав Мизуна заботился о заключенных. Он спас более десяти человек.

Чем выше высокий пост занимал в лагерной иерархии человек, тем больше возможностей спасения евреев он имел. Всемирно известной, благодаря фильму Спилберга, стала история немца Оскара Шиндлера, спасшего на своем предприятии в Польше более 1200 евреев. Пример Шиндлера не единственный. Юлиус Мадрич, австрийский предприниматель, имел две текстильные фабрики вблизи Кракова. Мадрич был тайным противником нацизма, он спас несколько сотен евреев. В ноябре 1944 года Мадрича арестовали, но он смог пережить войну.

Иногда сочувствие евреям проявляли даже официальные лица, служившие на стороне немцев или их союзников. Венгерский полковник Имре Ревицкий был комендантром рабочего лагеря, где с 1940 по 1944 год находилось в заключении несколько сотен евреев. В отличие от других лагерных комендантov, Ревицкий помогал евреям, как только мог. Он позволял женам заключенных встречаться со своими мужьями и заботиться о них. Он освобождал евреев от работы в религиозные праздники, давал отпуска по другим обстоятельствам. Да и дома Ревицкого и его жены были всегда открыты для евреев. Он всячески затягивал отправку рабочего эшелона с евреями на восток, так как полагал, что они там будут уничтожены. Когда был дан приказ о депортации всех евреев в лагерь уничтожения, Ревицкий открыл ворота своего рабочего лагеря и позволил многим заключенным бежать от верной смерти. В конце 1944 года Ревицкого самого арестовали.

За помощь евреям были казнены несколько немецких и австрийских солдат, передававших оружие для еврейского Сопротивления в Белостоке. Известны примеры помощи евреям даже со стороны немецких полицейских в Берлине.

(Поразительна судьба майора Макса Лютке, предотвратившего эсэсовскую облаву на евреев в Пшемысле (Польша). По приказу Лютке солдаты его подразделения не позволили эсэсовцам перейти через мост и проникнуть в еврейскую часть города. За этот поступок майор Лютке

Юозас Стакускас, священник из Вильнюса

Элизабет Стру-Николай из Румынии

Полковник Имре Ревицкий из Венгрии

Мать Мария (Елизавета Скобцова) с детьми

Тsuru Sugihara из Японии

Макс Лютке, немецкий офицер

был разжалован в рядовые и отправлен на передовую. Был взят в плен Красной армией и умер в советском лагере. – Прим. ред.)

Возможности спасения в лагерях уничтожения практически не было. И все же находились праведники, облегчавшие, по возможности, участь обреченных. Как правило, это были политзаключенные, попавшие в лагерь в результате своей борьбы с нацизмом.

Анна Биндер была чешским дипломатом, ее арестовали за то, что она прятала еврейское имущество и отправляла его за границу. В марте 1942 года ее привезли в Освенцим, где назначили на завидную должность бригадира сельскохозяйственной бригады – сущий рай по сравнению с рабским трудом на других участках. Она сама отбирала заключенных для своей бригады, причем всегда брала тех женщин, чье физическое состояние было наиболее тяжелым и кому грозила верная смерть от болезней и истощения. Она морально поддерживала многих обреченных. Часто Биндер вступала в конфликт с эсэсовцами, защищая еврейских заключенных. За свою деятельность Анна Биндер лишилась лагерных привилегий и в начале 1944 года была отправлена на самую тяжелую работу – в грязь и снег мостить улицы в Биркенау. Анна тяжело заболела и чудом дожила до января 1945 года, когда советские солдаты освободили Освенцим.

Мать Мария, в миру – Елизавета Скобцова (в советской историографии – Кузьмина-Караваева, по фамилии первого мужа – Прим.ред) была отправлена в женский концлагерь в Равенсбрюке в апреле 1943 года. Почти два года жила она вместе с еще 2500 заключенными, в основном еврейскими женщинами, в лагерном бараке. Каждый день она прощалась со своими соседками, которых вели на смерть. Мать Мария помогала несчастным тем только могла, делила с ними свой хлеб и давала последнее утешение, если больше ничего нельзя было сделать. Эту помощь она оказывала до своего последнего дня, предположительно 31 марта 1945 года, когда была уже слышна канонада наступающей Советской Армии. В этот день и мать Марию отправили в газовую камеру. По некоторым рассказам, переживших этот лагерь, мать Мария сама встала в группу отобранных для казни женщин, чтобы ободрить и поддержать их. Последнее, что она могла сделать, это сунуть свое еврейское удостоверение личности своей соседке в надежде, что оно сохранит ее жизнь.

<...>

Операцию по уничтожению евреев в небольшом польском городке Несвиж (сегодня он принадлежит Белоруссии) немцы запланировали на 21 июля 1942 года. Некоторые руководители еврейской общины предчувствовали это за несколько дней, так как 17 июля подобная акция была проведена в соседнем с Несвижем городке. В октябре 1941 года массовые убийства евреев уже прокатились по этим местам. Большая часть населения гетто Несвижа решила оказать немцам вооруженное сопротивление. Утром 21 июля к воротам гетто подъехала немецкая айнзатц-группа, и командир группы потребовал, как обычно, чтобы все евреи немедленно собрались на площади, немцы вывезут их из города. Люди теперь знали, что это означает скорый и беспощадный расстрел. Решив, что лучше умереть в борьбе, представители Совета гетто отказались выполнить приказ немцев. Шалом Холавский, руководивший в тот день вооруженным сопротивлением, вспоминал, как разыгрывались события далее. Немцы открыли огонь. Неожиданно отряд бойцов из синагоги ответил залпом из ружей и пистолетов. Немцы ворвались в гетто. Евреи встречали их с ножами и стальными прутами в руках. Завязался неравный бой, улицы заполнили тела убитых и раненых. Как было решено заранее, евреи подожгли свои дома, чтобы под прикрытием дыма и огня получить шанс вырваться из гетто. Хаос и неразбериха охватили весь центр города.

Не заставили себя ждать и соседи: толпы крестьян и горожан устремились в гетто, врывались в горящие дома, хватали еще уцелевшее еврейское имущество: одежду, лампы, посуду... Бешеные от ярости немцы расстреливали каждого еврея, кто пытался выбежать из пылавшего гетто. Холавский и два других бойца скрывались в мансарде одного дома, выжидая благоприятного момента для бегства. Из окна они хорошо видели, как толпы людей, чьи руки были заняты награбленными вещами, прыгали и радостно брали при каждом удачном немецком выстреле, неважно, кто оказывался убитым, – мужчина, женщина, ребенок.

Наконец, Холавский и его друзья вырвались из гетто и побежали через поле к спасительному лесу. Холавский увидел, как из гетто выбежал Симха Роцен, с завернутым в подушку маленьkim сыном на руках. Пробегая мимо

крестьянки, стоявшей у ворот и наблюдавшей всю эту сцену, Симха сунул ей в руки узел с ребенком и побежал дальше к лесу.

Преступники, жертвы и зрители, о которых мы говорили раньше, отчетливо видны в сцене, описанной Шаломом Хопавским. Преступники представлены айнзатзи-командой. Подобные группы, по данным немецкой военной статистики, уничтожили в общей сложности полтора миллиона евреев на территориях Польши, стран Прибалтики, советских республик. Жертвы – это население гетто, люди, которые делали все, чтобы жертвами не стать: строили планы, молились, сопротивлялись, боролись, умирали и бежали от смерти. Зрители – это те жители Несвижа, которые расхватывали еврейские вещи из горящих домов, это люди, которые «прыгали и орали», когда очередной еврей был застрелен, это, наконец, та крестьянка, которой сунул в руки своего маленького сына Симка Роцен.

Что сделала эта крестьянка с ребенком? Шалом Хопавский ничего об этом не говорит: судьба ребенка осталась неизвестной. Смогла ли крестьянка спрятать ребенка, и считала ли она вообще целесообразным его спасать? Или она решила не вмешиваться и там же, на окраине города, просто положила ребенка на землю, предоставив его судьбе? Или она отдала мальчика немецкому солдату и наблюдала, как тот берет ребенка за ноги и разбивает ему голову о стену, – так обычно расправлялись нацисты с детьми «еврейских недочеловеков-паразитов»? Мы никогда не узнаем, что произошло на самом деле. <...>

Миллионы европейцев стояли перед таким же выбором, как и крестьянка из Несвижа, и от их решения зависела жизнь миллионов людей. Праведники мира видели для себя единственный возможный выбор – сделать все, что можно, для спасения человека. И спасая одну жизнь, они спасали целый мир, ибо давно было сказано: «праведник – основа Вселенной».

Использованная литература:

- Encyclopedia of the Holocaust. – New York, 1990.
Encyclopedia Judaica. – Jerusalem, 1972.
David P. Gushee. Die Gerechten des Holocaust. Wuppertal und Lutherstadt! – Wittenerberg, 1997.
Rolf Rendtorff. Ist in Auschwitz das Christentum gestorben? – In: Rolf Rendtorff. Christen und Juden heute. Neukirchener, 1998.
Eliezer Berkovitz. Fairness after the Holocaust. – New York, 1973.
Евгений Беркович. Христос в Освенциме. – «Русская мысль», № 4215, 26 марта – 1 апреля 1998 года.
Евгений Беркович. Можно ли христианину мыться в бане с евреем? Христианско-иудейский диалог вчера и сегодня. – Независимый бостонский альманах «Лебедь», номер 202, 2001.
Евгений Беркович. Статьи в книге «Заметки по еврейской истории» – Москва, 2000.
1. Грех антисемитизма.
2. Слово и дело.
3. Банальность добра. Как итальянские фашисты спасали евреев.
4. История Вильгельма Бахнера – еврейского Оскара Шиндлера.
5. Когда на небе не бывает радуги. Праведник – основа Вселенной.
Евгений Беркович. Семейный портрет в историческом интерьере. – Независимый бостонский альманах «Лебедь», 2000.
Евгений Беркович. Женский бунт на улице Роз. – «Вестник», 14(247), 2000.
Евгений Беркович. Аварика и Холокост. – «Круг», номер 1(51), Кельн, 2001.
Raul Hilberg. Perpetrators, Victims, Bystander – New York, 1992.
Халвн П. Фрай (составитель). Христианско-иудейский диалог. Хрестоматия – Москва, 1998.
Герман Раушинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – Миф, Москва, 1993.
Samuel P. Oliner, Pearl M. Oliner. The Altruistic Personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe. – New York, 1988.
Martin Gilbert. The Holocaust. – New York, 1985.
Yehuda Bauer. The Holocaust in Historical Perspective. – New York, 1982.

Зигмунд Балицкий из Польши

Зофья Бинкене из Литвы

Ванда Доминска из Польши

Леонтина-Генриетта Дикот
из Бельгии

Аделаида Хаутеаль из Франции

Франц и Елена Вешенфельдер из
Германии

Dov Levin. On the Relations Between the Baltic Peoples and Their Jewish Neighbours before, during and after World War II. – In: Holocaust und Genocide Studies, 5, Nr 1(1990).

Peter Hellman. Avenue of the Righteous. – New York, 1980.

B.A. Sijes. Several Observations concerning the Position of Jews in Occupied Holland during World War II. – In: Yisrael Gutman, Efraim Zuroff, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem, 1974.

Leonard Gross. The Last Jews in Berlin. – New York, 1992.

Edward Lynne. Brave Lady from Holland. – Jewish Observer and Middle East Review, 16, Nr. 16 (21 April 1967).

David Kranzler. How 18000 Jews Survived the Holocaust While Europe Burned. — Jewish Life, Bd. 1 (new Serie), 1975.

Henry Hullenbach. The Emigration of Jews from Worms (November 1938 – October 1941): Hopes and Plans. – In: Yisrael Gutman, Efraim Zuroff, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem, 1974.

Stewen Bowman. Jews in Wartime Greece. – Jewish Social Studies, 48, Nr. 1, 1986.

Fernande Le Boucher. The Incredible Mission of Father Benoit. – New York, 1969.

Moshe Bejski. The Righteous among the Nations and Their Part in the Rescue of Jews. – In: Yisrael Gutman, Efraim Zuroff, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem, 1974.

Poul Borcherius. The Rescue of the Danish Jews. – In: «Jewish Spectator» 34, Nr. 6, 1969.

Hanna Arendt. Eichman in Jerusalem. – Muenchen, 1990.

Felix Kanabus. Address at the J.N.F. In: Jacob Glatstein, Hrsg. Anthology of Holocaust Literature. – New York, 1969.

Philip Friedman. Their Brothers' Keepers. – New York, 1978.

Arieh Bauminger. The Righteous. – Jerusalem, 1983.

Anne Frank. The Diary of Young Girl. – New York, 1967.

Corrie ten Boom. The Hiding Place. – New York, 1971.

Jacqueline Wolf. Take care of Josette. – New York, 1981.

Nechama Tec. When Light Pierced the Darkness. – New York, 1986.

Lucien Steinberg. Jewish Rescue Activities in Belgium and France. – In: Yisrael Gutman, Efraim Zuroff, Hrsg. Rescue Attempts during the Holocaust, Jerusalem, 1974.

Michael Halperin. He Who Saves One Life. – Moment 6, Nr. 7, 1981.

Shalom Cholawski. Soldiers from the Ghetto. – San Diego, 1980.

Тивадар Сорос. Маскарад. Игра в прятки со смертью в нацистской Венгрии. – М., Рудомино, 2001.

В публикации использованы фотографии

из галереи Праведников мира

музея Ghetto Fighter House, Израиль

<http://www.gfh.org.il>

Монумент в честь Праведников мира в Амстердаме

Если некоторые книги прокляты, а продажа их запрещена, то как же быть с ужасающими фактами, которые посттрашнее неких грез?.. Те, кого задевают такие книги, ничего не могут противопоставить событиям. Не книги – события нужно запрещать. Как часто зло исходит из добра, а добро от зла.

Герман Мелвилл, американский писатель. 1854 год.

Ирина ХОЛМОГОРСКАЯ

Лени Рифеншталь, или Волшебная флейта Крысолова

— Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце все глуше, а флейта все слаще...
— Не думай, в следуй, не думай, а слушай...
А флейта все слаще, а сердце все глуше...

Марина Цветаева. Крысолов. 1925

В последнее время часто звучит имя Лени Рифеншталь, и не только потому, что в 2002 году ей исполнится 100 лет. Одна из самых талантливых женщин-режиссеров за всю историю кинематографа, для многих она была и будет нацистской преступницей, «пособницей Гитлера». Бурные дискуссии не утихают со дня показа ее фильма «Триумф воли» в рамках фестиваля «Послание к человеку» в Санкт-Петербурге (июнь 2001 г.). Этот фильм считается и поныне лучшим в жанре пропагандистского кинематографа.

...прошедший день принес буквально потрясение — картина Лени Рифеншталь «Триумф воли». Снятый в 1935 году иначе о Нюрнбергском съезде национал-социалистов действительностью потрясает — уже через двадцать минут после начала так и подымает вскочить с места и вскинуть руку в нацистском приветствии.

Е. Коган, сетевой журнал «Коммерсант».
Я считаю показ этого фильма отвергательной провокацией международного кинофестиваля. Воспевание Адольфа Гитлера не имеет ничего общего со свободой искусства.

«Триумф беспамятства», О. Стрижак, член Союза писателей России.
...когда Рифеншталь вышла на сцену, загасила. Я не думал, что это произойдет. Но публика аплодировала этой старушке со скандальным историческим прошлым. Я от нашей акции с Рифеншталь ждал瑟гейского резонанса. Осмысления опыта режиссера, впечатлений от ее фильмов, в которых никто не будет спорить — эти же кинематографических открытий. Но скандала я не ждал. Я просто не думал, что искусство — в конце концов речь теперь уже идет только о фильмах! — может спровоцировать такую бучу.

Виктор Семенюк, директор программ фестиваля «Послание к человеку».

Лени Рифеншталь

Даже этих трех цитат вполне достаточно, чтобы понять, насколько сильно возмущают и восхищают фильмы Лени Рифеншталь и поныне. И хотя вполне понятен запрет на массовый показ «Триумфа воли», может быть, уже наступило время для трезвого анализа этого весьма симптоматичного явления, иначе как же можно будет распознать эти симптомы в будущем или уже даже в настоящем?

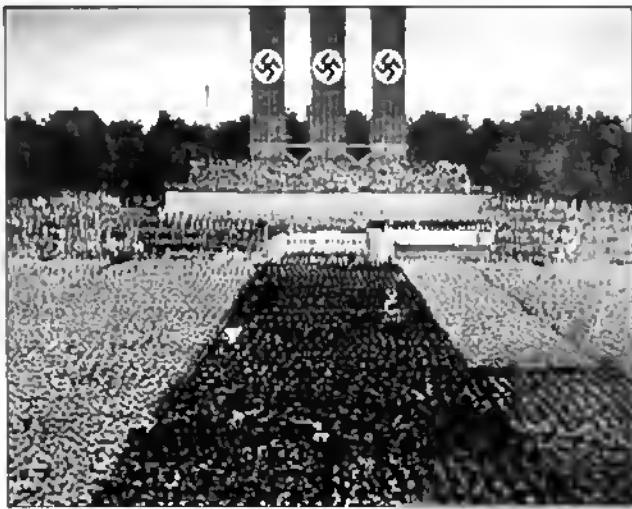
Не хочется ни в коей мере как-то обидеть людей преклонного возраста, которые не могут беспристрастно относиться ко всему, что связано с фашизмом, иу них-то, безусловно, есть право стоять с плакатами у входа питерского Дома кино. Но почему же вполне современные и неглупые журналисты позволяют себе выдумывать небылицы про Рифеншталь, якобы «продавшую душу дьяволу», гневаются, бранятся, пряча за дымом отрицательных эмоций неспособность или нежелание разобраться в проблеме, которая никогда не потеряет актуальность: взаимодействие искусства, власти и общества. Для изучения этой проблемы судьба и творчество Рифеншталь являются хрестоматийным материалом.

Когда кто-то из знакомых предложил Рифеншталь попутешествовать Гитлером в берлинском Дворце спорта, она не знала ни о нем, ни о его партии. Но атмосфера политического митинга и выступление Гитлера воодушевили Рифеншталь, и она написала ему восторженное письмо. Выяснилось, что фюрер тоже неравнодушен к Лени (до этого у нее были актерские работы и режиссерский дебют — «Голубой свет»), поэтому ее удостоили аудиенции. Отношения Лени и Гитлера вызывали всевозможные толки. По ее рассказам, до съемок фильма «Триумф воли» он действительно пригласил ее поужинать вместе и оказывал всяческие знаки внимания. «Если бы было доказано, что я была любовницей Гитлера, что я спала с ним, я бы не пережила эту ложь, я бы умерла», — говорит Лени Рифеншталь. Она дала ему понять, что их отношения — чисто деловые, и Гитлеру пришлось с этим согласиться. Вскоре Рифеншталь получила предложение снять документальное кино Нюрнбергском съезде НСДАП. Вот такое легкое, почти водевильное начало у этой истории, если забыть, о какой партии идет речь и кто такой Гитлер. Впрочем, Лени этого и не знала: Гитлером тогда восхищалась вся Германия, даже Черчилль в 1935 году сказал, что он завидует Германии, ведь у нее есть такой фюрер. Почему я тогда должна была быть умнее Черчилля!

Что именно восхитило Рифеншталь, да и миллионы немцев, понятно: послевоенная Германия, уставшая быть нищей и бессильной, увидела в этих громких митингах, факельных шествиях, песнях о «Vaterland» возрождение былого величия. Виноваты ли Рифеншталь в том, что непредвидела будущего? Многие ее соотечественники, например, актриса Марлен Дитрих, писатель Эрих Мария Ремарк, оказались прозорливее: они покинули Германию и вели активную борьбу против фашизма. Рифеншталь осталась и разделила с Германией и ее иллюзии, и ее позор. Вина была, но она — не в отсутствии предвидения, не в увлечении парадными проявлениями режима, а в нарушении библейской заповеди — «Не сотвори себе кумира!», тем более — не помогай в этом другим. Это ее личная и единственная вина, в которой, судя по всему, она так и не раскаялась: Это не я привела туда всех этих людей и заставила их слушать Гитлера. Я просто сняла их так хорошо, как только могла.

«Триумф воли».

«Триумф воли»

А могла Риленшталь, как оказалось, – гениально. Кинематограф – слишком сильное средство воздействия, режиссер транслирует свои чувства с многократным увеличением, увлек личным переживанием даже тех, кто этого переживания вовсе не испытал.

Долгое оркестровое вступление и вагнеровские мелодии, под которые на экране медленно просматривает германский орел. Как легция из облаков возникает и опускается на землю Гитлер. Тысячи встречающих фюрера в экстазе наянутрухи в нацистском приграничном. Девочка, дарящая цветы вождю, строгое лицо Гитлера – отец нации! Суровые красивые лица солдат, ряды сапог, «Зиг хайль!». Ночь. Факелы, костры, прожекторы, силуэты в касках, волны ужаса подсвечены: знамена, лодочные калоны – стоящие, марширующие, вздымающие руки, несущие факелы, оружием. Речи парады, барабаны, Гитлер крупным планом, опять непрорубаемые ряды, «Зиг хайль!», «Партия – это Гитлер, Гитлер – это Германия», «Хорст Вессель», орел, напытывающая свастика...

Все вроде бы башнико, но как снято! Шедевр, ода, животись. Вот она, настоящая Германия, не опущенная и утихомиренная поганым Версалем, а молодая, красивая, поднимающаяся с колен.

Дмитрий Быков «Фрау Фаустус»

Л. Риленшталь и А. Гитлер во время съемок «Триумфа воли».

Надо сказать, далеко не одинока Лени Риленшталь в деле «создания кумира».

Уж сколько их создали с помощью кинематографа – новой музы XX века, отличающейся от своих сестер удивительной убедительностью и массовостью и поэтому самой любимой у власти: «из всех искусств для нас важнейшим является кино». А тут еще и телевидение подошло... Вот они, наши кумиры, – лысые и усыпые, стучавшие ботинком по трибуне, слюняво лобызвающие своих соратников, влезающие – кто на броневик, кто на танк, любящие теннис или самбо, – все они просто люди, иногда даже симпатичные, до тех пор, пока мы сами, своими восторженными глазами, своими протягивающими букетики руками, не делаем их КУМИРАМИ. А кино, причем только талантливое, искреннее, усиливает этот психоз до критического состояния.

Как много желающих доверить свои собственные ответственность, надежду, перспективы человеку, которого совсем не знают, но заочно наделяют возможностями сверхчеловека: уж ОН-то может, уж ОН-то знает... Причем эта любовь может быть самой пылкой и искренней, пока очередной кумир не потерпит очередной провал. Ну так «будьте бдительны» же, наконец, как писал Юлиус Фучик, если вас охватывает умиление при виде людей, вышагивающих парандыем шагом с безумной любовью в лучистом взоре, обращенном к Кумиру – все, вы попались – это симптом, вы уже потенциально готовы кричать «Ура!» или «Хайль!. Примеров таких сцен в сталинском кинематографе не меньше, чем в гитлеровском; мы до сих пор смотрим «Светлый путь», и «Цирк», и даже «Падение Берлина», и никому не приходит в голову запрещать. Да и современный кинематограф порадовал. В «Сибирском цирюльнике» Н. Михалкова сцена смотряжников – одна из самых многозначительных в фильме: и государь у нас был что надо, и в стране порядок, и молодежь в мундирчиках. И все умиляются...

Кино – искусство не только убедительное, но и очень затратное. И «Сибирский цирюльник», и «Кубанские казаки», и «Триумф воли» не могли быть сделаны без серьезных средств. Власть, предлагая эти средства, тем самым ясно дает понять свои эстетические предпочтения и политическую ориентацию. На «Триумфе» для Риленшталь были созданы замечательные условия: в ее распоряжении находились 30 камер, 36 операторов с ассистентами и около 80 помощников. Монтаж занял пять месяцев (Лени больше никого не допускала к пульте). Под конец она работала по 20 часов в сутки. В итоге получился грандиозный спек-

«Олимпия».

«Олимпия».

такль. Не только Германия была околдована «Триумфом воли» – в Париже фильм получил Гран-при и золотую медаль на фестивале в Венеции – главный приз. Но французы, отдав должное кинематографическому таланту, этим и ограничились, массового психоза со вступлением в партию не случилось. Очевидно дело не только в фюрере, но и в народе, который его выбрал: «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться раз...»

Следующим и лучшим фильмом Рифеншталь стала «Олимпия». Берлинская олимпиада была важна для Гитлера и Геббельса как пропагандистская акция, и запечатлеть ее было доверено Лени. Фильм снят в той же эстетике, что и «Триумф воли», только воспевает не нацию, партию и вождя, а прекрасное, совершенное человеческое тело, что также совпадало с культом здорового, сильного человека в фашистской Германии.

Гиглеровский рейх был обществом, четко выстроенным по канонам красоты – причем невероятным художественным чутью. Вот почему стиль нацизма пор притягивал многих. Так и сталинский стиль притягивает – по тем же причинам. <...> Любая диктатура, если она побеждает, то побеждает именно по эстетическим причинам. Свободное, созданное для удобства рядового обывателя общество заведомо проигрывает ему в смысле красоты. Поэтому как это считают целью не красоту, и удобство, и вообще не дает подчинить жизнь единству стиля, произвалу гения. Оно идет за жизнью, но жизнь сама по себе не эстетична, далека от совершенства: это пропаха через газон или те самые трусы на балконе, складчаний эквилипик властно точечного торса. Красота же идет «от головы» и стремится эту жизнь переделать, подчинить спрагости формы. А это уже царство смерти и несвободы...

Лев Кощеев «О мгновениях»

Может быть, творчество Рифеншталь и раздражает тем, что ставит под сомнение две аксиомы: «гений и злоустройство – две вещи несовместимые» и «красота спасет мир». Хотя и в этом сказалась человеческая склонность к сотворению кумиров: принять за неопровергнувшую истину красивые слова гениальных людей.

После «Олимпии» к Лени Рифеншталь пришла международная слава. Фильм был награжден во Франции и Италии, картина была прекрасно принята в Австрии, а американские критики назвали ленту в десятке лучших фильмов всех времен и народов. Сталин, посмотрев фильм, приспал

ей поздравительную телеграмму. Но на этом пике славы и кончается стремительный взлет Лени. Уже в то время как она направлялась в Америку на красивом океанском лайнере, в Германии начались совсем некрасивые еврейские ногромы, о чем Лени и рассказали по прибытии, потребовав объяснений. Рифеншталь ничему не поверила и в отчаянии покинула быстро охладевшую к ней Америку. Но судьба все-таки заставила ее быть свидетелем жуткой работы запущенной не без ее помощи немецкой военной машины. В 1939 году Рифеншталь посыпают в Польшу в качестве военного корреспондента, и вот тут-то вермахт просчитался. Лени заявляет протест против истязаний мирных жителей. Она отказывается снимать военные действия и вскоре уезжает в Испанию, где начинает съемки фильма «Долина». После войны ее арестовали, судили, но ничего кроме страшно красивых фильмов не смогли инкриминировать.

Из-за фильма «Триумф воли» я пережила 30 судебных процессов. 2 года провела в психиатрической клинике. Меня обвиняли в том, что я своим фильмом фактически помогла нацистам прийти к власти в Германии. Но я никогда не занималась политикой. Я всю свою жизнь принадлежала искусству. Во всем, что я делала, в том числе и в своих фильмах, я стремилась найти интересный поворот, создать незабываемый художественный образ. Я не политик, я – художник.

Рифеншталь настаивает на своей аполитичности. Но именно искренность и непроработанность необходимы для создания настоящих шедевров пропагандистского жанра. Фальшивь чувствуется сразу и только отвращает зрителя от предмета поклонения.

Фильмы Рифеншталь – прежде всего фильмы романтические, фильмы-утопии, киномечты о сильной Германии. Они прозвучали мелодией волшебной флейты, обещающей народу достоинство, мужество, радость жизни. Вот только флейта, как и любая палка – о двух концах. Она может избавить город от крыс, а может и увести за собой детей, лишив будущего. Только чья это вина – флейты, Крысолаз или глупых горожан?

Как бы в нам за бесконечными спорами об ответственности художника, за злыми статьями, наполненными несознанными предчувствиями или сальериевскими комплексами не пропустить в истроином и раздраженном хоре многих голосов – один, спокойный и настойчивый: «Срочно требуется волшебная флейта. Крысолаз».

Рязань

Яков ЭТИНГЕР

Встречи на тернистом пути

Люди делятся на две половины – те, кто сидит в тюрьме, и те, кто должен сидеть в тюрьме.

*Марсель Ашар,
французский драматург*

За годы более чем четырехлетнего заключения судьба сводила меня с самыми разными людьми. Были среди них и оставшиеся в живых ветераны старой «ленинской гвардии», многие из которых были репрессированы по второму, и даже по третьему разу; и арестованные по «ленинградскому делу» конца 40-х годов, жертвой которого стали многие видные партийные и советские деятели; и советские разведчики, действовавшие в годы войны в тылу врага; и представители еврейской интеллигенции из Москвы и Ленинграда; и социал-демократические депутаты бывшего латвийского парламента (некоторые из них хорошо знали Ленина); и православные, и католические священнослужители; и деятели украинской культуры из Львова, и армяне-репатрианты из Египта, Сирии и Ливана (от профессора астрономии Каирского университета до ремесленника из Бейрута).

Встречались борцы польского антифашистского сопротивления, принимавшие участие в Варшавском восстании 1944 года, и русские эмигранты, возвратившиеся после войны на родину из Франции, Югославии, Китая; советские участники гражданской войны в Испании и представители высаженных с родных мест народов Крыма и Северного Кавказа.

Особенно много было наших бывших военнопленных, сменивших гитлеровские «лагеря смерти» на сталинские «исправительно-трудовые». Здесь в течение 25 лет (большинство арестованных военнопленных имело именно такой срок) они должны были в тяжелых условиях искупать свою несуществующую «вину», которая состояла лишь в том, что как раз по реальной вине Сталина, обескровившего в конце 30-х годов Красную Армию, они в первые месяцы войны оказались в немецком плану. Запомнился плакат, висевший на входе в столовую лагеря – «только честным трудом ты сможешь искупить свою тяжелую вину перед горячо любимой Родиной». Конечно, в лагере были и бывшие полицаи, и другие люди, активно сотрудничавшие в годы войны с немецко-фашистскими оккупантами. Характерно, что именно на этот контингент заключенных прежде всего опиралась лагерная администрация. Из их числа назначались в основном нарядчики и бригадиры, они занимали основные хозяйственные должности. Они же составляли основной резерв «стукачей», по лживым доносам которых многие заключенные получали в лагере дополнительные сроки заключения.

были и заключенные, которые по всем международным законам являлись военными преступниками, совершившими тяжкие преступления против человечества. Не вызывает сомнения, что, оказись они в Германии, Италии, Франции, Польше или любой другой стране, они не только бы оказались за решеткой, но были бы приговорены к смерти.

Яков Яковлевич Эtinger – доктор исторических наук, профессор, почетный член семи зарубежных академий.

Хорошо помню человека, если это слова можно применить к нему, по фамилии бобр. Он был не то бургомистром, не то начальником полиции в одном белорусском городке и лично, – он этого не скрывал, даже гордился, – принимал участие в уничтожении евреев и белорусских антифашистов. Рассказывал, не стесняясь, как бросал младенцев, предварительно размозжив им голову топором, в общую могилу. Высокий, с бритой головой, сужасно неприятными колючими глазами, он был в большом почете у лагерного начальства. Так как его бригада не только выполняла, но и перевыполняла план на лесоповале, считался лучшим бригадиром. В его бригаде были такие же бандиты, как и он. Основная часть заключенных старалась с ним не общаться. Вся его бригада жила в отдельном бараке, пьянилась и чувствовала свое «особое положение» в лагере. Осужден бобр был на 25 лет.

Он рассказывал, что у него родной брат в годы войны был партизаном.

Уже после освобождения мне рассказали одну притчу. «Встречаются много лет после войны два брата. Один был в годы оккупации полицаем, другой партизаном. Первый хорошо живет, имеет собственный дом, второй ютится в коммуналке. Бывший партизан спрашивает у брата: «Как же так получается? Ты все время служил нацистам, убивал советских людей, а я боролся против фашистов. У тебя прекрасный дом, а я живу как собака». Бывший полицай отвечает: «Ты что писал в анкете? Твой брат был во время войны полицаем. А я писал, что мой брат был партизаном. Поэтому я живу хорошо, а ты бедствуешь».

...

Весной 1951 года в Лефортовской тюрьме несколько дней моим соседом по камере был московский фотограф Александр Михайлович Богданов. Ему было лет 60; он был арестован по делу своей падчерицы, ученицы 10 класса одной из школ в районе Старого Арбата.

Тогда была взята группа десятиклассников, в основном евреев, обвиненных в «создании антисоветской организации с целью покушения на тов. Сталина». Среди них было несколько девушек, фамилии одной из них, со слов А. М. Богданова, я запомнил – Сусанна Печуро. Три человека из группы арестованных были расстреляны. Остальные осуждены на большие сроки, отбывали заключение на угольных шахтах Воркуты. Весной 1952 года, находясь в пересыльной тюрьме в Кирове, я узнал, что в соседней камере, где находились женщины, была и Сусанна Печуро. Мы с ней там, так сказать, «заочно» познакомились. Спустя много лет – в 1989 году я встретил ее на учредительной конференции общества «Мемориал», в работе которого она ныне принимает активное участие. Кстати, мне в лагерях попадалось довольно много школьников, особенно из Западной Украины и Прибалтики, которые были участниками различных подпольных национально-освободительных антисталинских организаций.

...

В Лефортовской тюрьме я некоторое время, осенью 1951 года, находился вместе с Иваном Дмитриевичем Дмитриевым, арестованным по «ленинградскому делу». Выходец из зажиточной крестьянской семьи Лужского района Ленинградской области, он вопреки воле отца и деда

вступил в середине 20-х годов в комсомол. За этот поступок отец с дедом его несколько раз безжалостно секли. «Мало секли», — вспоминал Иван Дмитриевич, рассказывая о своей жизни. До войны он был на ответственной работе в Лужском горкоме партии, а во время оккупации немцами Ленинградской области являлся одним из руководителей партизанского движения. (Об этом он написал книгу). После войны оказался на партийной работе в Ленинграде, был третьим секретарем обкома. Заочно закончил исторический факультет Ленинградского университета. В момент ареста — в ноябре 1950 года занимал пост председателя Ленинградского обисполкома, был членом Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1951 году ему было 43 года. И. Д. Дмитриеву был предъявлен целый набор государственных обвинений, в том числе «пособничество лицам, сотрудничавшим с оккупантами». Он рассказывал мне, что старостами и полицаями были нередко лица, тесно связанные с антифашистским подпольем и партизанами. Часто подпольщики сами инспирировали назначение своих людей на те или иные должности в местную администрацию. Во время одного из допросов следователь майор Левшин составил протокол таким образом, что Дмитриев сознательно способствовал назначению «предателей и изменников» на должности старост и начальников местных отделений полиции. Ивана Дмитриевича подвергли на следствии страшным пыткам. В течение многих суток ему не давали спать, жестоко избивали. После одного из допросов, когда Дмитриева не было в камере всю ночь, он сказал: «Мне показалось, что меня допрашивают три Левшина, — у меня уже троилось в глазах». Он ждал решения Особого совещания при МГБ СССР и был уверен, что его расстреляют. Однажды дверь в камеру открылась, вошел дежурный надзиратель и приказал ему собраться с вещами. Мы крепко обнялись. На прощание Дмитриев сказал: «У меня к тебе просьба. Ты молодой, может быть, выживешь и окажешься на свободе. Я — едва ли, моя они расстреляют. Сообщи моей семье (он дал мне адрес), что всю свою жизнь я был честным человеком и ни в чем не виноват. И запомни фамилию следователя».

Спустя пять лет, в 1956 году, я был в Ленинграде, гостил у своего родственника генерал-лейтенанта ветеринарной службы Ю. А. Лянда. Он в это время уже был в отставке, но хорошо знал местное начальство. Я ему рассказал о Дмитриеве. Он тут же позвонил по какому-то телефону и узнал, что Дмитриев реабилитирован, вернулся в Ленинград и работает в облисполкоме заместителем председателя по мелиорации. Ему дали телефон Ивана Дмитриевича. Я позвонил. Он очень обрадовался моему звонку, приспал машину, и через полчаса я уже был в его кабинете, где он в это время проводил совещание. Секретарша тут же меня проводила к Дмитриеву. Дмитриев, обращаясь к присутствующим в кабинете, сказал: «С этим молодым человеком мы провели несколько недель в Лефортовской тюрьме». После окончания заседания он пригласил меня к себе на дачу. Дмитриев рассказал, что получил 25 лет тюремного заключения, отбывал срок в знаменитом Александровском центrale под Иркутском. Вскоре после смерти Сталина был освобожден. Мы продолжали встречаться в последующие годы — Дмитриев часто по служебным делам бывал в Москве. К сожалению, потом связь прервалась. Очевидно, с ним что-то случилось...

В той же Лефортовской тюрьме, в самом начале 1952 года, в камеру втолкнули молодого человека в советской

войской форме. Знаки различия были, разумеется, сорваны. На вид ему было лет 20. Это был американец Айк Эльковиц — человек необычной судьбы. Он родился в Нью-Йорке, в Бруклине, в бедной еврейской семье. Родители отца и матери были эмигрантами — выходцами из России. Отец Айка по специальности был скорняком. В конце 30-х годов, начитавшись американских коммунистических газет, он решил приехать в Советский Союз, чтобы принять участие в «строительстве социализма». Вместе с родителями и маленькой сестрой Айк оказался в СССР. Их поселили в городе Жлобин в Белоруссии, дали маленькую комнату в коммунальной квартире без всяких удобств. Прошло немного времени. В Белоруссии полным ходом шли репрессии, и отец Айка стал опасаться, что рано или поздно окажется в подвалах НКВД. Разобравшись в советской действительности и поняв, что их подло обманули американские коммунисты, родители Айка решили, что надо срочно возвращаться в Америку. Они каким-то образом связались с посольством США в Москве, подтвердили свое американское гражданство, и за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны получили билеты на пароход, отплывающий летом 1941 года из Ленинграда. Но началась война с Германией, и все их планы рухнули. Айк и его семья разделили судьбу миллионов советских людей. Родители, по-видимому, погибли в эвакуации, а Айк с сестрой оказались в детском доме на Северном Кавказе. Там пути его и сестры разошлись. Возможно, что она тоже погибла. После окончания войны Айк приехал в Москву, явился в американское посольство с просьбой помочь ему вернуться в США. Но вскоре началась «холодная война», и посольство было не в состоянии выполнить его просьбу. Одно время он где-то ютился в Москве, а затем, опасаясь неприятностей из-за своих частых посещений посольства, обосновался в его здании. Он устроился работать телефонистом в посольстве. Так продолжалось несколько лет. Айк не покидал территорию посольства, боясь быть схваченным органами безопасности.

Советские власти неоднократно обращались в посольство с требованиями выселить Айка из здания. Сотрудники посольства всячески старались оттянуть выполнение этого требования. Тогда советские власти направили Айку повестку с требованием явиться в военкомат. Дальше оставаться в посольстве стало невозможным, и американские дипломаты, опасаясь скандала, вынуждены были предложить Айку покинуть посольство. Он явился в военкомат и был направлен для прохождения воинской службы в строительный батальон в городе Солнечногорске. Но пробыл там недолго, был арестован органами МГБ, обвинен в «измене Родине». По тем временам, как известно, это влекло за собой наказание до 25 лет заключения. Так Айк Эльковиц оказался в Лефортовской тюрьме. Он получил 25 лет и оказался в лагере. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

В июле 1992 года я опубликовал в «Независимой газете» небольшую статью «Жив ли Айк Эльковиц? Американский юноша в Лефортовской тюрьме в 1951 году». Спустя несколько лет аналогичную статью я поместил в выходящей в США русскоязычной газете «Вечерний Нью-Йорк». Писал о судьбе Айка и в израильской печати. Хочется все-таки верить, что он может быть жив...

В Лефортовской тюрьме, уже после приговора Особого Совещания, в мае 1951 года, я просидел несколько дней в одной камере с известным военным историком Александром Александровичем Могилевичем. В 1940 году

он вместе с другим историком – М. З. Айрапетяном выпустил книгу «На путях к мировой войне 1914 – 1918 гг.». Всю Великую Отечественную войну он провел в рядах действующей армии. Имел много боевых наград. В 1951 году получил 15 лет заключения, узнав из приговора Особого Совещания, что он, оказывается, был «агентом» сразу... трех разведок – польской в 20-е годы, германской накануне войны и американской в послевоенные годы.

Вместе с А. А. Могилевичем в камере находился некий Гера Потапов – вор в законе, схлопотавший тоже 15 лет за «изменнические намерения». Он родился и жил в Горьком. Его отец был видным партийным работником, но Гера уже в школьные годы занялся вместе с группой сыновей высокопоставленных местных партийных деятелей воровством. Несколько раз уже сидел. В 1950 году он «промышлял» на Северном Кавказе. В Сочи на пляже он как-то познакомился с одним человеком, который уговарил его и еще нескольких молодых парней захватить моторную подку и бежать в Турцию. Возможно, что это был провокатор, трудно сказать. В одну из пяти ночей молодые люди захватили моторную подку и решили направиться в Турцию. Однако их через несколько минут схватила береговая охрана, и Гера оказался в камере предварительного заключения одного из отделений милиции города Сочи. Это был деревянный дом, туалет находился во дворе, выгребная яма которого была в соседнем дворе. И вот, спустя несколько дней, Гера поздним вечером попросился в туалет, зашел в него, охранник стоял у двери. Гера, недолго думая, нырнул в зловонную массу и вынырнула соседнем дворе. Сбросив одежду, он голый бросился к морю, несколько раз искупался, чтобы смыть следы пребывания в выгребной яме, но отвратительный запах продолжал его преследовать. Тогда он направился в город, разбил стекло в каком-то магазине, где продавались парфюмерные изделия, взял несколько фланков духов и одеколона – он говорил «штук 10» – и выпил их содержимое себе на голову и на тело. Но запах не исчез. Он вернулся в магазин, схватил еще несколько фланков и спустя некоторое время ему показалось, что он избавился от зловонного запаха. Он тут же обокрал какой-то промтоварный магазин, приоделся, утром залез к кому-то на рынке в карман, украл деньги и немедленно укатил из Сочи. Он думал, что все обошлось. Но осенью 1950 года в Куйбышеве он попался на очередной краже. В ходе следствия каким-то образом выяснилось, что он был в числе тех, кто пытался летом захватить в Сочи моторную подку, и его препроводили на Лубянку, предъявив обвинение в попытке «изменить Рыбодобывание». Гера недоумевал. Он говорил следователю, – какой я изменник, я патриот, не хотел грабить советских людей и поэтому хотел сбежать в Турцию, а оттуда – в США, чтобы грабить капиталистов. Но такие объяснения ему не помогли, и он стал «политическим» преступником. Гера этому искренне возмущался: «Какой я политический, почему у меня 58-я статья?» – говорил он мне и А. А. Могилевич...

В 1957 году у меня на квартире раздался телефонный звонок. Это был Гера. Он предложил мне встретиться у метро «Красносельская». У входа в метро стоял хорошо одетый, в модном костюме, Гера Потапов. Он сообщил мне, что реабилитирован по 58-й статье и уже год как на свободе. Я спросил, где он живет и чем занимается. Он ответил, что «у вора в законе нет постоянной квартиры, а в Москве он на «гастролях». Более я его не видел...

Летом 1951 года во время этапа на Колыму, с которого я был снят и возвращен в Лефортово на доследование, в одной из пересыльных тюрем я познакомился и очень

бллизко подружился с харьковчанином Ефимом Григорьевичем Спиваковским. Экономист по образованию, он был арестован в 1950 году за «еврейский буржуазный национализм», что на политическом жаргоне того времени означало «шпион и стремление уехать в Израиль». Поводом для ареста послужило его письмо Илье Зренбургу, в котором он писал об антисемитизме в СССР. Видимо, оно было перехвачено. Человек энциклопедических знаний, он за сравнительно недолгий срок совместного пребывания на этапе и в пересыльных тюрьмах оставил глубокий след в моей памяти. Ефим был освобожден в 1956 году. Возвратился в родной Харьков. В конце 60-х годов он возобновил свою деятельность за право советских евреев на эмиграцию и был одним из организаторов движения за свободный выезд в Израиль. Подвергался преследованию со стороны властей. Ему удалось в 1971 году эмигрировать в Израиль, где он прожил 5 лет, а затем, в связи с семейными обстоятельствами, переехал в США, где в Нью-Йорке проживает уже почти 25 лет. И вот в 1993 году, во время моей поездки в Америку, спустя более 40 лет, мы вновь с ним встретились уже на американской земле. И когда я бываю с лекциями в США, я всегда немало времени провожу в беседах с этим замечательным человеком, моим большим другом.

Одновременно с Ефимом Спиваковским я познакомился с московским инженер-полковником Айзиком Моисеевичем Кронгаузом. В свое время он был референтом у члена Политбюро Л. М. Кагановича, который, по словам Кронгауза, был ужасно грубым и жестоким человеком. Ему ничего не стоило оскорбить подчиненного, выгнать из кабинета. Матерная брань была отличительной чертой поведения Кагановича.

Как-то летом 1950 года, А. М. Кронгауз, не дождавшись такси, остановил попутную машину. Оказалось, что это был автомобиль сотрудника американского посольства. За дипломатом, конечно, следили. Установить личность севшего в посольскую машину не составило большого труда. Вскоре А. М. Кронгауз был арестован и осужден на 15 лет за попытку установления «шпионской связи» с американским посольством.

На пересылках я неоднократно беседовал с А. М. Кронгаузом, рассказывал ему о гетто и последующих событиях в моей жизни. В Ванино мы расстались, так как меня возвратили в Москву.

Во время одногодзопросов следователь вдруг спросил, знаю ли я Кронгауза, вел ли он какие-либо антисоветские разговоры во время этапа. Я сказал, что ничего подобного не было, хотя на самом деле Айзик Моисеевич неоднократно в присутствии других заключенных резко высказывался о сталинском режиме, открыто говорил о намерении совершив побег. Очевидно, среди заключенных был «стукач», который сообщил об этом «куда надо».

Перед отправкой в Вятлаг весной 1952 года меня познакомили с моим делом, – таков был порядок. Надо было подписать протокол об окончании дела. К своему удивлению, я обнаружил в нем протокол допроса А. М. Кронгауза с встречи со мной, большую поэму обо мне, и самое главное и ужасное – справку Лефортовской тюрьмы, что смертный приговор в отношении А. М. Кронгауза на основании приговора Особого Совещания в марте 1952 года приведен в исполнение. Очевидно, он либо совершил попытку побега и был схвачен, либо его казнили по какой-то другой причине. Трагическая гибель этого человека до сих пор остается загадкой для меня.

В Кировской пересыльной тюрьме весной 1951 года моим соседом по нарам оказался пожилой человек с окладистой седой бородой. Мы разговорились. Это был репатриант из Китая – Александр Александрович Шуман. Уроженец Крыма, выходец из дворянской семьи, он после революции, как и многие десятки тысяч российских граждан, оказался в Китае, в Маньчжурии, в городе Харбине. В нем было около 200 тысяч беженцев. У русской эмиграции было два центра: в Европе – Париж, а в Азии – Харбин. Но если в Париже, Берлине, Праге, Софии русские составляли незначительное меньшинство, то в Харбине они были большинством. Здесь выходили русские газеты, действовали русские партии, были русские театры, учебные заведения. В Харбине, в течение длительного времени, существовал русский юридический факультет, едва ли не самое значительное высшее учебное заведение русской эмиграции. Наряду с русским юридическим факультетом в Праге, харбинский факультет давал высшее юридическое образование русским эмигрантам. А. А. Шуман, прожив некоторое время в Харбине и проучившись на юридическом факультете, уехал в Лондон, где получил высшее экономическое образование. Он вернулся в Китай, где работал в одном из английских банков. Его жена, родом из семьи забайкальских казаков, была крупным специалистом в области восточных языков. Когда началась Великая Отечественная война, А. А. Шуман, русский патриот, был инициатором сбора в Китае средств в фонд помощи сражающейся Красной Армии, а после победы стал одним из руководителей движения за возвращение эмигрантов на родину.

В конце 40-х годов ситуация в Китае, в связи с гражданской войной, крайне осложнилась. Стало ясно, что приход коммунистов к власти – вопрос времени. Надо было принимать решение, что делать дальше. Жена А. А. Шумана уговаривала его купить ферму в Австралии или в Новой Зеландии. Но он, горячо любя Россию, решил вернуться в Советский Союз.

В конце 1949 года Шуманы поселились в Свердловске, где Александр Александрович поступил на работу в местное отделение Госбанка. Он часто ездил в Москву, интересовался жизнью страны. Но климат в Свердловске оказался непригодным для здоровья жены, и Шуманы собрались переехать в Новочеркасск, где они уже договорились о покупке небольшого дома. Однако их мечтам не суждено было осуществиться. В 1951 году ночью за них пришли сотрудники МГБ. Глубоко интеллигентный человек, не знавший бранных слов, он на первом же допросе был осыпан площадными ругательствами и сильно избит. Ему было предъявлено обвинение по статье 58-4 «связь с мировой буржуазией». Причина простая – работа в Английском банке в Китае. Осужден он был Особым Совещанием на 10 лет.

Тяжело и больно было смотреть на этого человека, по инициативе которого сотни эмигрантов вернулись на родину, а затем оказались в сталинских тюрьмах и лагерях. В общей камере, в которой мы находились, было нескользко из них, – в основном это были молодые харбинские рабочие. Они обвиняли Шумана в том, что по его вине оказались в тюрьме, поддавшись на его уговоры вернуться в Россию. Шуман испытывал невероятные моральные страдания, был близок к самоубийству... Скоро одного из нас взяли на этап, и дальнейшая судьба этого честного и глубоко несчастного человека мне неизвестна.

В марте 1952 года в Кировской пересыпке я внезапно потерял сознание в камере, где находились 60 человек, и

ышать в которой было невозможно, и очнулся уже в палате тюремной больницы. Каково же было удивление (и не могу не признаться, что я испытал даже некоторую радость), когда моим соседом по больничной палате оказался мой троюродный брат Борис Авсеевич Лянда-Геппер. В 1946 году он окончил с отличием биологический факультет Ленинградского университета и был оставлен на кафедре биохимии старшим лаборантом. Он продолжал начатые на старших курсах исследования в области пенициллина и других антибиотиков. К 1949 году им были собраны экспериментальные материалы для кандидатской диссертации, опубликовано несколько статей. Он впервые в СССР осуществил очистку пенициллина методом хроматографической адсорбции. Это было крупным научным достижением в отечественной биологии.

Но его интересовала не только наука. Он внимательно следил за развитием политической ситуации в стране, встречался и дружил с некоторыми аспирантами и студентами; иногда они собирались в комнате университетского общежития, обсуждали учебные и научные вопросы, происходившие общественные и политические события. 21 февраля 1949 года он был арестован органами МГБ и заключен во внутреннюю тюрьму печально знаменитого в Ленинграде «Большого дома». Ему было предъявлено обвинение в участии в «антисоветской еврейской националистической организации», проведении контрреволюционной агитации среди студентов университета. По делу было арестовано и предано суду 8 человек. Все они были евреями – студентами, аспирантами и сотрудниками университета. Судебный процесс продолжался 5 дней в апреле 1949 года и проходил в одном из помещений «Большого дома». Четыре человека, проживавшие в одной комнате общежития, были признаны членами организации и осуждены по ст. 58-10, 58-11. Их приговорили к расстрелу, но с учетом действовавшего тогда «Указа об отмене смертной казни» (с конца 1947 года до начала 1950 года), срок наказания был определен в 25 лет. Остальные четверо арестованных, в том числе и мой родственник, были признаны виновными в антисоветской агитации «при случайных встречах» и приговорены по ст. 58-10 к 10 годам лишения свободы. Моему родственнику были предъявлены два пункта обвинения – «клевета на национальную политику советского правительства» и «восхваление уровня развития науки в одной из капиталистических стран».

Любопытен сам факт, как возникло последнее обвинение. В 1947 году известный хирург, академик Академии медицинских наук СССР (АМН) генерал Джанелидзе был командирован в США, по возвращении он выступил с докладом на сессии АМН, проходившей в Ленинграде, в котором сообщил о достижениях медицинской науки и практики в США и об условиях работы американских врачей и ученых. Борис присутствовал на докладе и через несколько дней рассказал о его содержании своим товарищам по общежитию. Это-то и послужило основой обвинения. На суде Борис ходатайствовал об истребовании и приобщении к делу стенограмм доклада Джанелидзе. В начале ходатайство было принято, но день спустя секретарь суда заявила, что такой стенограммы не существует. Уже после освобождения, он не смог обнаружить в материалах АМН доклада Джанелидзе. И лишь спустя 40 лет, в 1990 году, когда Борис принимал участие в подготовке 100-летия Института экспериментальной медицины АМН, он случайно обнаружил стенограмму доклада Джанелидзе, приложенного к материалам той сессии АМН. На стенограмме стоял штамп: «в спецхран».

Кассационная жалоба на приговор Верховным Судом РСФСР была отклонена. В ожидании этапа Борис находился в одной комнате с Александром Альбертовичем Сновским, тогда студентом ветеринарного института. В 90-х годах Сновский был председателем Санкт-Петербургской организации жертв политических репрессий. (Его воспоминания опубликованы в журнале «Звезда» за 1997, № 11). В камере находился мальчик 14-15 лет, ученик 8-го класса по фамилии Ухнапиев, осужденный по делу антисоветской организации школьников – на уроке в школе он сказал, что «Сталин свернулся с плененного пути».

В июле 1949 года Бориса отправили в Ленинградскую пересыльную тюрьму, – оттуда в Ленинградский лагерь политзаключенных при заводе им. Степана Разина. (Борис опубликовал воспоминания о пребывании в этом лагере в газете «Возрождение надежды» – Российской газете социальной защиты жертв политических репрессий (1997 г., № 6). В мае 1950 года этот лагерь был ликвидирован, и Бориса этапировали в Ленинградскую пересыльную тюрьму, а затем в Кировскую пересыльную тюрьму. Среди его сокамерников был отец Бенедикт – архиепископ католической церкви Литвы. Они вели интересные беседы на философские, исторические и литературные темы. Он, проникшийся симпатией к Борису, предложил ему принять католичество и совершить обряд крещения здесь же в камере «по упрощенному варианту». Кстати, аналогичное предложение сделал мне в лагере эстонский пастор, только на этот раз речь шла о лютеранстве...

В октябре 1950 года Бориса отправили в лагерь на севере Кировской области (поселок Котчиха), в котором он находился до мая 1953 года. Заключенные работали на лесоповале и на деревообрабатывающем заводе при лагере. С февраля 1951 года Бориса взяли на работу в лагерную лабораторию в качестве биохимика. Весной 1952 года его через Кировскую пересылку направили в Кировскую областную больницу для заключенных, и вот здесь мы и встретились и провели 5-6 дней вместе в больничной палате. Потом его снова отправили в лагерь, а меня вернули в пересыльную тюрьму.

В октябре 1953 года, уже после смерти Сталина, Судебная коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело «антисоветской группы» 1949 года. Осужденным, имевшим 25 лет, срок был сокращен. Борису срок скинули до 5 лет, он был подведен под амнистию и возвратился в родной город. В 1957 г. все проходившие по делу были полностью реабилитированы.

Борис вернулся к научной работе. В январе 1954 года он начал работать биохимиком в Ленинградском научно-исследовательском институте вакцин и сывороток и проработал в нем 44 года. В сентябре 1962 года стал кандидатом биологических наук, опубликовал свыше 70 научных статей в области исследования и производства бактериальных и вирусных препаратов – в основном туберкулезно-диагностических, получил 3 авторских свидетельства об изобретениях. Он является автором широко известного препарата «кощенный туберкулин в стандартном разведении». Этот препарат используется в медицинской практике для массовой диагностики туберкулеза (реакция Манту). Некоторые подельники Бориса продолжают работать в России, некоторые живут за границей. В 1993 году дочь Бориса – химик – с мужем и детьми эмигрировала в Германию, живет в Кобленце. Сын – талантливый физик-теоретик уже 6 лет работает в США. В июне 2000 года Борис, которому в это время было уже почти 79, лет вместе с женой уехал к дочери в Германию, в город Кобленц. Я привезжал к нему попрощаться на несколько

дней. Мы тепло и сердечно простились. Увидимся ли еще – одному Богу известно.

Попав весной 1952 года в один из лагерных пунктов Вятлага – Березовку, я обрел новых друзей и знакомых. Там я подружился с инженером-химиком Георгием Акимовичем Черкасовым. Коренной москвич, он в конце 20-х годов, будучи студентом химико-технологического института, вместе с несколькими молодыми людьми, распространял листовки, осуждающие Сталина. Сам по себе этот факт говорит о том, что сталинское правление встречало сопротивление в стране. Г. А. Черкасов был арестован, получил относительно небольшой по тем временам срок – 5 лет, которые отбывал в Верхневуральском политизоляторе. В начале 30-х годов он освободился, но в 1937 году был арестован снова... по первому делу. Он был отправлен в Воркуту и оказался в лагере, где отбывали свои сроки члены партии, обвиненные в принадлежности к тем или иным оппозиционным группировкам.

От Г. А. Черкасова я впервые услышал о печально знаменитых «кашкетинских расстрелях». На рубеже 40-х годов многие северные лагеря, где находились десятки тысяч арестованных членов партии, обезжала группа работников НКВД во главе с неким капитаном Е. И. Кашкетиным. Он прибыл из Москвы в Коми АССР в качестве руководителя специальной оперативной группы, перед которой была поставлена задача расправиться с бывшими членами партии, осужденными за троцкизм. В лагерях на Воркуте и Печоре было известно, говорил мне Георгий Акимович, что этот ответственный сотрудник НКВД в 1936 году был отстранен от службы в органах госбезопасности в связи с врачебным диагнозом «шизоидный психоневроз». И вот его руками решили очистить северные лагеря от бывших коммунистов, несогласных с политикой Сталина и оказывавших сопротивление лагерному начальству. По словам Черкасова, Кашкетин, прибыв в лагерь, где находился Георгий Анисимович, открыто заявил: «Я выполняю волю ЦК ВКП(б), переданную мне лично через Ежова перед отъездом в лагерь для проведения операции по уничтожению троцкистов». Под руководством Кашкетина происходили массовые расстрелы заключенных коммунистов. Их выводили за пределы лагеря, заставляли рыть огромные могилы, а затем из пулеметов расстреливали. Георгий Акимович рассказывал мне, что только из лагеря, в котором находился он, было уничтожено две тысячи человек. В романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», написанном на основе изучения фактического материала, упомянуты «кашкетинские расстрелы»: «В первый год войны приехал в ту группу лагерей человек из центра по фамилии Кашкетин и организовал казни десяти тысяч заключенных». Когда этот палач выполнил свое задание, он стал ненужным и в то самое приговорили к смертной казни. Черкасов рассказывал, что об этом говорили в лагере.

В начале войны Черкасова освободили, и он вскоре оказался в составе польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Черкасов хорошо знал польский язык. Войну он закончил в Берлине, был награжден многими советскими и польскими боевыми орденами. После демобилизации вернулся в Москву, но спустя несколько лет был арестован снова... по первому делу. В 50-е годы мы неоднократно встречались, вспоминали лагерное прошлое, обсуждали текущие проблемы. Внешне он производил впечатление глубоко травмированного, спомягченного человека.

Вот еще один лагерник – майор Красной Армии Григорян. Попав в начале войны в плен, он оказался в концлагере на оккупированной немцами территории Франции. Стремясь вырваться из лагеря и принять участие в борьбе с нацистами, он и еще несколько военнопленных «согласились» вступить в немецкий стрелковый батальон для того, чтобы затем бежать к «маки» – французским партизанам. План увенчался успехом. Вместе с «маки» Григорян и его товарищи храбро сражались летом 1944 года за освобождение Франции. За боевые заслуги он был награжден высшими наградами Французской Республики. Одну из них ему лично вручил генерал Леклерк, дивизия которого первой вошла в Париж в августе 1944 года. После войны Григорян вернулся в Армению, работал инженером в одном из министерств, а в 1949 году был арестован и получил 25 лет за «измену Родине» и «сотрудничество» с немцами.

...

Запомнился и польский офицер Анджей Янковский, с которым я находился в одном бараке. 1 сентября 1939 года он встретил на польско-германской границе, участвовал в боях на Вестерплатте. После захвата немцами Польши одновременно скрывался, а затем организовал партизанский отряд, который не был связан ни с одной из основных подпольных антифашистских группировок в Польше. Участвовал в Варшавском восстании 1944 года, был взят в плен. Вернувшись на родину, Янковский вступил в польскую армию. В 1950 году был схвачен агентами советского МГБ в центре Варшавы и доставлен в Москву. Получил 25 лет за «измену Родине». Он никак не мог понять – какой Родине? Ведь его родина – Польша, а за ее освобождение он проливал кровь. Ничего он не делал и против Советского Союза. В чем же тогда дело? Он был обвинен в принадлежности своего отряда к Армии Крайowej – главной антифашистской подпольной организации в Польше во время второй мировой войны. Эта организация подчинялась Лондонскому польскому правительству, с которым Кремль разорвал в годы войны дипломатические отношения.

Анджей Янковский много рассказывал мне об антифашистском сопротивлении на территории Польши, не скрывал он и страшной правды об убийстве органами НКВД в 1940 году десятков тысяч польских офицеров в Катыни и других местах. Полковник Янковский остался в моей памяти как истинный польский латриот, человек огромного мужества и самообладания. В лагере было несколько поляков, и они концентрировались вокруг него. Его оптимизм и вера в неизбежное торжество свободы поддерживало их в те тяжелые дни. Поляки с болью в сердце переживали судьбу своей страны, раздавленной в 1939 году двумя тоталитарными режимами. Одна пятая часть польской нации была уничтожена. Спустя много лет я прочитал у Оноре Бальзака запомнившиеся мне слова: «Быть поляком – это не национальность, это судьба: судьба мученичества, судьба сопротивления».

...

В лагере было много украинцев, в основном из Западной Украины. Среди них привлекал к себе внимание львовский профессор-филолог Мисько. К сожалению, забыл его имя, кажется, Ярослав. До войны он закончил университет в Львове, в Бельгии, прекрасно говорил на нескольких европейских языках. В лагере был заведующим бани... Он довольно подробно рассказывал мне о так называемом бандеровском движении на Западной Украине, которое носило одновременно и антинемецкий, и антисоветский характер. Он не отрицал, что большинство руководителей

УПА (Украинской повстанческой армии) и ОУН (Организации украинских националистов) до войны и в ее начальной стадии заигрывали с Берлином, стремясь использовать его в своих собственных политических целях – достижении независимости Украины. Однако, по словам Мисько, это было чисто техническое сотрудничество. Лидер украинских националистов Степан Бандера за несанкционированное немцами провозглашение независимого украинского государства 30 июня 1941 года во Львове был арестован нацистами и брошен в концлагерь Заксенхаузен, где содержался до конца войны... Мисько знал Степана Бандеру еще с довоенных времен. Два его брата были замучены в Освенциме.

Львовский профессор считал, что убийство известного украинского писателя Ярослава Галана в октябре 1949 года было делом рук агентов МГБ. (Спустя много лет московская «Общая газета», № 7 за 2000 год, писала, что «писатель Ярослав Галан и священник Гавриил Костельник были убиты советскими провокаторами, а обвинены в этих преступлениях националисты»).

Другой солагерник-украинец – Михаил Стушишин – имел за спиной большой политический опыт. Впервые он лишился свободы еще в годы, когда Западная Украина входила в состав Польши. Польские власти преследовали борцов за независимость Украины, и Михаил, совсем еще молодой человек – ему было лет 25, – оказался в печально известном концлагере Береза-Картузска. Когда немцы напали на Польшу, в 1939 году он был освобожден оккупационными властями. Он рассказывал, что приход Красной Армии был на первых порах восторженно встречен широкими слоями украинского населения. Однако вскоре начались репрессии, стали арестовывать представителей украинской интеллигенции, возникли экономические трудности. Крестьянство боялось коллективизации. На Западной Украине были осведомлены об искусственно организованном голоде в начале 30-х годов на Советской Украине, жертвой которого стали миллионы людей. Лидеры украинского движения поняли, что рассчитывать на «вольную жизнь» при коммунистах не приходится. В этих условиях многие из них стали ориентироваться на Германию, считая, что война Гитлера со Сталиным облегчит провозглашение независимости. Стало формироваться националистическое подполье, накапливалось оружие, распространялись листовки.

Как только началась война Германии против СССР, 30 июня 1941 года Организация украинских националистов провозгласила во Львова независимую украинскую государственность. Михаил принимал активное участие во всех этих действиях. Однако независимость Украины не входила в планы германского руководства. Его целью было превратить страну в колонию. Гитлеровцы немедленно арестовали главу провозглашенного украинского правительства Ярослава Стецько и лидера ОУН Степана Бандеру. Они были заключены в гитлеровский концлагерь Заксенхаузен, недалеко от Берлина. Там же оказался и Михаил Стушишин. Просидел он в лагере вместе с другими арестованными украинцами вплоть до конца войны. Меры германских властей привели к стихийному сопротивлению и организации повстанческих групп, объединившихся в Украинскую повстанческую армию (УПА), которая вскоре приобрела черты регулярной армии. Михаил рассказывал, что в Карпатах действовали подпольные радиостанции, воинские школы, госпиталь. Как говорил Михаил, среди врачей было немало евреев, некоторые из них были арестованы после войны и обвинены советскими властями в «украинском национализме».

Украинские отряды развернули постоянную борьбу против нацистов. Активную помощь оказывали им крестьяне – едой, одеждой, обувью. По словам Михаила, численность УПА составляла около 300 тысяч человек. Все это были добровольцы, – одни были воодушевлены идеей борьбы за независимость Украины, другие опасались ареста, третьи хотели избежать вывоза на принудительные работы в Германию.

После освобождения из немецкого концлагеря Михаил каким-то образом вернулся на Украину и сразу же окунулся в борьбу со сталинским режимом. Он рассказывал мне о жестоких мерах, которые применялись советскими властями в борьбе с украинским сопротивлением, – уничтожались целые села, где действовали партизаны, значительная часть населения была депортирована в Сибирь. Михаил Ступишин рассказывал, что часто сотрудники МГБ проводили карательные операции в форме УПА. Уничтожив село, они распространяли листовки, что это дело рук националистов.

Когда в 1950 году Михаил был сквачен во Львове, в одном униатском монастыре, который был его временным убежищем, повстанческая война была в полном разгаре. Он был приговорен Особым совещанием к 25 годам заключения. Ему удавалось каким-то образом поддерживать связь с друзьями на Украине, которые сообщали ему, что вооруженное сопротивление продолжается.

В конце 80-х годов он явился ко мне в институт – адреса не знал, но кто-то ему сказал, что я работаю в ИМЭМО – с приятелем врачом, евреем по национальности, который собирался эмигрировать в Израиль. Мы провели несколько часов в ресторане. Михаил рассказал, что освободили его только в 1956 году, но он возобновил активную деятельность в украинском движении, которое действовало подпольно до 1981 года. Выходец из интеллигентной учительской семьи, он по понятным причинам не смог получить образования и работал простым водителем. Но это был очень образованный и начитанный человек. Когда мы встретились, ему было уже за 60. Мы стали переписываться. К великому сожалению, эта переписка продолжалась недолго – Михаил погиб в автомобильной катастрофе. Я навсегда запомнил слова этого человека, что «народ, который борется за свободу и независимость, навсегда победить, его можно только уничтожить».

Среди заключенных были люди самых различных возрастов – от 17-летних юношей до 80-летних стариков. Если последние сидели часто за принадлежность к различным религиозным sectам и держались отдельно от остальных лагерников, то молодежь была в большинстве случаев очень активна и открыто высказывала свои антисталинские взгляды. Со мной в одном бараке был молодой человек, ученик 9-го или 10-го класса одной из школ Западной Украины. В этом же бараке находился школьник. Он жил в одном из городов Центральной России, был арестован вместе с несколькими одноклассниками за создание организации, носившей название «За Ленина, против Сталина». Четкой программы у этой группы не было. Они считали, что Сталин отошел от ленинского пути и спасение страны – в возвращении к Ленину. Это были, безусловно, честные, порядочные ребята, но каша у них в головах была невероятная. Попытки спорить с нами, что-то объяснять неизменно заканчивались неудачей. Их криво было: «Мы не против коммунизма, мы не против советской власти, но нам не нравится Сталин».

И вот в этом же бараке находился молодой украинец, взгляды которого были достаточно четко сформированы.

Он говорил, что знал, на что шел, что его цель – создание свободной, независимой Украинской республики, которая займет со временем достойное место в Европе. Он хорошо знал историю своего народа, прекрасно разбирался в политической ситуации на Украине после 1917 года. Цитировал М. Грушевского, В. Виниченко, других украинских политиков того времени. Это был хорошо подготовленный боец за независимость своей страны. На его фоне школьники из группы «За Ленина, против Сталина» выглядели просто несмышлеными детьми. По сравнению с ними украинский парень обладал всеми задатками будущего активного политического деятеля. Я не помню его фамилии, но если он, слава Богу, дожил до 1991 года, он, наверно, состоит либо в Рухе, либо в какой-либо другой националистической организации; может быть, стал депутатом украинского парламента. Вокруг этого молодого парня группировалась крестьяне с Западной Украины, и я не раз был свидетелем, как он достаточно грамотно изъяснял им цели и задачи Организации украинских националистов. Характерно, что в нем не было никакой, как теперь модно говорить, русофобии или тем более антисемитизма. Более того, создание государства Израиль являлось у него аргументом того, что национальная освободительная борьба имеет шансы на успех.

В лагере были люди разных национальностей. Среди них был и испанец Хуан Роблес. Ему было примерно лет 25. Во время гражданской войны в Испании он в числе многих испанских детей оказался в Советском Союзе. Родители погибли, а в Испании жила старшая сестра. Хуан закончил институт в одном из городов Советского Союза, стал инженером. Он все время мечтал вернуться на родину, и в частной беседе на заводе, где он работал, об этом открыто говорил. Кто-то «стукнул» в органы МГБ, и Хуана арестовали «за антисоветские разговоры». Это был очень приятный и интеллигентный человек. Мы прошли в одном лагере недолго – его перевели в другое лагерное подразделение. Но судьба распорядилась так, что нам суждено было встретиться спустя много лет, на этот раз в Испании. В 1992 году я был на одной международной конференции, посвященной проблемам современной России, в испанском городе Барселона. Как-то в свободное время я пошел погулять в центр города. Остановился около церкви «Саграда фамилия», сооруженной в начале XX века по проекту знаменитого испанского архитектора Антонио Гауди, и начал рассматривать это потрясающее произведение искусства. Рядом стоял пожилой человек, опирающийся на трость. В какой-то момент наши взгляды встретились, и испанец, внимательно взглянувшись в мое лицо, по-русски сказал: «Вас зовут Яша? Мне кажется, это именно Вы». Это был Хуан Роблес. Мы крепко обнялись. Он познакомил меня с сопровождавшей его женщиной – это была его дочь. Хуан тут же пригласил меня в ресторан, где рассказал о прожитых годах. Хуан был освобожден после ХХ съезда КПСС, реабилитирован, и вернулся в город, в котором он жил до ареста. В середине 60-х годов он получил разрешение возвратиться в Испанию, там жила его сестра. Устроился на работу по специальности, вскоре женился. Теперь у него двое взрослых дочерей. Несколько лет назад ушел на пенсию. Живет на севере страны, в небольшом городе, где у него собственный дом. Он проявил живой интерес к событиям в России. Мы обменялись адресами и три-четыре года регулярно переписывались. Затем Хуан перестал отвечать на мои письма. До сих пор хорошо помню его и в лагере, и нашу встречу в Барселоне.

Узы дружбы связывали меня с журналистом Николаем Зиновьевичем Марковским, много лет проработавшим в газете «Известия». Военный корреспондент в годы войны, широко образованный человек, он работал в лагере дневальным при лечебном пункте.

Летом 1953 года, тяжело заболев и находясь на грани физического и нервного истощения, я попал в Центральную мужскую больницу Вятлага. Там я познакомился с москвичом, бывшим студентом механико-математического факультета Московского университета Ильей Шмайнем. Ему тогда было 23 года. Очень интеллигентный красивый молодой человек с чудесными, печальными глазами. Как выяснилось, мы учились в одной и той же школе № 63б в Москве. Его отец был известным кинорежиссером. Илья имел срок 8 лет. Какое-то время мы были вместе в больнице, а затем его увезли из больницы. Илью освободили в октябре 1954 года. Он возобновил учебу в университете, на этот раз на заочном отделении, так как стал работать на заводе. В 1961 году он закончил университет. В это время он работал уже во Всесоюзном институте научно-технической информации (ВИНТИ). Его дальнейший жизненный путь несколько необычен. Вскоре после освобождения он заинтересовался православной религией, в 1962 году крестился и решил уехать в Израиль, надеясь там со временем заняться миссионерской деятельностью. В 1975 году Илья с семьей покинул Советский Союз. Из Израиля в 1980 году он на время уехал во Францию, захочил там русский Свято-Сергиевский богословский институт и был рукоположен в сан священника. В Израиле он работал в институте Вейцмана в Реховоте, выполняя одновременно обязанности священника в греческой церкви в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Его религиозная деятельность, сан православного священника негативно воспринимались некоторыми израильскими кругами и создавали ему определенные трудности. В 1983 году он переехал во Францию, где вначале служил в русском православном приходе Аньера — в пригороде Парижа, а с 1991 года по 1997 год был настоятелем храма при русском кладбище, расположенному в тридцати километрах от столицы Франции в небольшом городке Сен-Женевьев-де-Буа. На этом кладбище, являющемся местом паломничества, похоронены многие, оказавшиеся в эмиграции, выдающиеся русские политические и военные деятели, писатели, художники, композиторы. Здесь же похоронены Александр Галич, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Рудольф Нуриев.

В 1997 году Илья Шмайн вернулся в Москву и стал священником храма апостолов Петра и Павла у Яузских ворот.

В лагере было несколько грузин. В основном они работали в мастерских — сапожных, по ремонту одежды, на территории самого лагеря. Но вскоре, разговорившись по какому-то вопросу с одним из них, я узнал, что в действительности это были грузинские евреи. Внешность, манера произношения русских слов была типично грузинская, но они, даже в лагерных условиях, умудрялись соблюдать еврейские религиозные обряды. Между собой они говорили на грузинском языке. Один из моих знакомых, Миша — фамилию не помню — пожилой, художник по образованию, писал в предоставленной ему рядом со столовой небольшой комнате портреты лагерного начальства и их жен. Конечно, ему за это труд ничего не платили; просто не выгоняли на общие работы. Миша, выходец из интеллигентной семьи — ведь почти все грузинские евреи испокон веков были заняты торговлей, кустарным произ-

водством и различными ремеслами — хорошо знал историю грузинского еврейства, которая насчитывает свыше двух с половиной тысячелетий. Он рассказывал мне, что в Грузии среди местных энтузиастов были люди, стремившиеся воссоздать историю появления и столы длительное, безмятежное существование грузинских евреев в стране — ведь в Грузии практически никогда не было антисемитизма. В 1933 году один из его близких родственников принимал участие в создании историко-этнографического музея грузинских евреев. По словам Миши, организатором музея был тбилисский еврей Аарон Кривели. Миша, тогда еще молодой человек, объездил всю Грузию, собирая материалы по истории грузинских евреев, их быта и образа жизни. Музей привлекал к себе внимание жителей Грузии. Его посещали не только евреи, но и грузины, русские, армяне, осетины, представители других национальностей, республик. Но спустя несколько лет музей был закрыт, а директора арестовали. Миша говорил, что в 1937 году был арестован и расстрелян Герцель Баазоза — известный писатель, усилиями которого грузинскую литературу вошла еврейская проблематика. Миша рассказывал, что начале 50-х грузинские евреи подверглись жестоким репрессиям. Были закрыты синагоги, — а грузинские евреи очень религиозны, — многие раввины арестованы. Миша высказывал среди своих знакомых возмущение этими арестами. Как водится, кто-то донос, и он, получив 10 лет, оказался в лагере.

В лагере было несколько человек, которые, несмотря на все пережитое в тюрьме, несмотря на допросы и избиения, считали себя по-прежнему «идейными коммунистами». Они рассуждали примерно так: «Товарищ Сталин ничего не знает. Орудуют враги советской власти, захватившие контроль над партией и МГБ и выполняющие задание зарубежных разведок по дискредитации Советского Союза». Разговаривать с этими людьми было совершенно бесполезно, убедить в чем-то невозможно, поэтому я старался удержаться подальше от этой публики. Они строчили каждый день письма на имя Сталина, доказывали ему свою невиновность и жаловались, что оказались в лагере «вместе с настоящими врагами народа», которые находятся там «совершенно заслуженно».

Разумеется, эта публика вызывала, мягко говоря, неприязнь у основной массы заключенных. Я был свидетелем, как одного из этих «идейных коммунистов» здорово избили в бараке, а другого, по слухам, в соседнем лагере, просто убили.

Но среди этих ура-коммунистов попадались лица, которые постепенно освобождали свою голову от марксистско-ленинских доктрин и начинали, хотя и с большим трудом, понимать, по чьей вине они оказались в лагере. К ним постепенно приходило осознание того, что виновником является не только Сталин, что уже было прогрессом, а созданная после 1917 года политическая система.

С одним из таких бывших коммунистов — человеком общительным, безусловно умным, я как-то разговорился в лагере, и потом мы поддерживали товарищеские отношения. Это был Александр Захарович Зусманович. Ему тогда было уже 50 лет. Он в юности участвовал в гражданской войне в рядах Красной Армии, в после войны был направлен на работу в систему Коминтерна, где занимался африканскими делами. Он довольно подробно рассказывал о том, как Коминтерн, действуя через Южно-Африканскую Коммунистическую партию (ЮАКП) пытался мутить воду в Южно-Африканском Союзе, — так тогда называлась нашняя Южно-Африканская Республика. Коминтерн вся-

чески инспирировал внутренние распри в рядах южноафриканских коммунистов, а именно: между уроженцем ЮАР Мозесе Катане и Лазарем Беханом, евреем из латвийского города Режица, состоявшим раньше в компартии Латвии, а потом эмигрировавшим в ЮАР. Внутренняя борьба в ЮАКП по вопросу о том, как быстрее установить советскую власть на юге Африки, закончилась тем, что находившиеся в 1937 году в Москве, Лазарь Бех, братья Пауль и Морис Бехер, были арестованы НКВД. И, по словам Зусмановича, их обвинили ни больше ни меньше, как в оказании помощи международной буржуазии, контрреволюционной пропаганде и агитации, участии в контрреволюционной организации. Двоих человек, этих непрошеных борцов за свободу ЮАР, расстреляли, а третий, как выяснилось уже потом, умер в заключении. Но в 1937 году Зусманович повезло, хотя его и вызывали на допросы по делу руководства ЮАКП.

В 1929—1939 годах он был сотрудником Профинтерна, являясь в то же время, в 1929—1932 годах, заместителем председателя Международного профсоюзного комитета по африканским организациям. Одновременно он преподавал в так называемом Коммунистическом Университете Народов Востока (КУНВ), в котором готовились кадры для подрывной деятельности в странах Азии и Африки, работал в Международной Ленинской школе, которая занималась тем же, и в Военно-политической академии. Все это было до 1941 года. Всю войну Александр Захарович провел на фронте, а после ее окончания работал во Львовском университете. Он занимался в основном научными исследованиями в области африкановедения. Но в конце 40-х годов он был арестован органами МГБ, обвинен в связях со многими зарубежными разведками и приговорен к длительному сроку заключения.

Помню, как он с юмором рассказывал мне, что следователь все время добивался от него перечисления всех зарубежных разведок, агентами которых, дескать, был Зусманович. «Устав от бесчисленных приставаний следователя, я возьми и ляпни, шутя, что был платным агентом папуасской разведки и систематически снабжал ее сведениями о военно-политическом потенциале СССР и расположении частей Красной Армии». Следователь не скрывал своего восторга, — его коллеги разоблачили агентов многих зарубежных разведок, но впервые попался папуасский агент. «Меня за это наградят орденом», — самодовольно сказал следователь и составил соответствующий протокол. Зусманович его подписал. Но через несколько дней следователь вызвал его на допрос и, осыпав матерной бранью, избил. Очевидно, начальник следователя, устроил ему головомойку, сказав, по-видимому, что он хватил через край. Следователь, в отместку, велел поместить Александра Захаровича в карцер.

Мы вновь встретились с Зусмановичем случайно во дворе моего дома на Университетском проспекте. Это было новое здание, и оно было в значительной степени заселено бывшими репрессированными. Помочь получить ей квартиру помог маршал Малиновский, хорошо знавший Зусмановича во время войны. Жили мы в соседних подъездах. С 1959 года Зусманович работал в Институте Африки Академии Наук, плодотворно занимаясь историей Африки в XIX веке. Александр Захарович стоял у истоков российского африковедения. Издал прекрасную книгу о борьбе западных государств за раздел бассейна реки Конго, защитил в 1963 году докторскую диссертацию, но, к сожалению, перенесенные страдания оказались на его здоровье, и в 1965 году он скончался. И кто знает,

может быть, именно увлекательные рассказы Зусмановича об Африке, его впечатления от пребывания в африканских странах, способствовали в какой-то степени тому, что и я усиленно занялся изучением африканских проблем.

История жизни Александра Захаровича Зусмановича — это трудная, мучительная переоценка ценностей, усвоенных в ранней молодости и постепенный путь к прозрению. Когда его арестовали, — это был убежденный коммунист, взгляды которого формировались передовицами газеты «Правды». Годы заключения были для него временем мучительных раздумий, острых споров с самим собой, и когда он вышел на свободу — это был совсем другой человек, на этот раз яркий антисталинист, в душе непримиримый противник коммунистического режима. И таких, как он, было немало. Впрочем, были и такие коммунисты, которые вырвались из лагеря, узнав о смерти Сталина, считая, что его уход приведет к катастрофе страны. Правда, таких были единицы. Жизнь брала свое, и даже твердолобые коммунисты постепенно, с немальным трудом стали в ином свете воспринимать советскую жизнь.

Запомнился и кореец, учитель истории Николай Ким. До 1937 года он жил с родителями на Дальнем Востоке, но, как известно, в 1937 году несколько сот тысяч корейцев были депортированы с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан. Условия, в которых находились депортированные корейцы, были относительно сносными; гораздо лучшими, чем те, в которых оказались высланные в конце войны жители ряда республик Северного Кавказа. Отец преподавал в школе историю, мать — географию, и Николай рошил пойти по их стопам. Я уже точно не помню, но в каком-то областном городе ему удалось до войны закончить исторический факультет местного педагогического института и устроиться на работу в школе. Боюсь категорически утверждать, по-моему, Николай говорил, что высланных корейцев в армию не брали. Во всяком случае, по этой ли причине или из-за сильной близорукости, он не был мобилизован и продолжал работать и после начала войны. В 1949 году кто-то из коллег по школе донес на него, что он участвует в «подпольной корейской молодежной националистической организации». Поводом явились вечера, которые устраивали молодые корейцы либо в общежитии педагогического института, либо у кого-либо дома. Николай рассказывал, что наряду с обсуждением положения на фронте, говорилось и о несправедливости, которая была допущена властями в отношении корейского населения в 1937 году. Все участники «организации» были арестованы. Николай Ким получил 10 лет. Он рассказывал много интересного из истории корейского народа. Это был удивительно интересный собеседник.

Хорошо помню молодого симпатичного венгра Миклоша Доби. Он был родственником Иштвана Доби, известного венгерского политического деятеля послевоенного периода, который ряд лет был Председателем Государственного собрания Венгерской Народной Республики. Одно время Иштван Доби был главой венгерского правительства. Несмотря на то, что И. Доби пользовался значительным влиянием в стране, его родственник Миклош был арестован за пропаганду против намечавшейся в Венгрии коллективизации. На сельских сходах он неоднократно заявлял, что все это делается по приказу из Москвы, марionетками которой являются Матиаш Ракоши и другие руководящие венгерские коммунисты. Он был вскоре арестован агентурой советских спецслужб в Венгрии, по-

лучил 10 лет и оказался в лагере. Это был очень милый, симпатичный человек.

В лагере было много литовцев, латышей, эстонцев. Часть из них в годы войны вступила в различные полицейские и военные формирования, созданные немецкими оккупационными властями; другие были участниками антисоветского партизанского движения в послевоенный период. – так называемыми «лесными братьями». Сотрудничество определенной части прибалтов с немецко-фашистскими оккупантами явилось прямым следствием политики репрессий и депортаций, проводившейся сталинским режимом в Литве, Латвии и Эстонии после насильственного включения этих государств в 1940 году в состав СССР. Многие жители были расстреляны в подвалах тюрем НКВД в Риге, Вильнюсе, Каунасе, Таллинне. Десятки тысяч высланы в течение одного лишь года до начала Великой Отечественной войны. Это были представители творческой интеллигенции, врачи, учителя, инженеры, государственные служащие, священники, торговцы и промышленники, офицеры, крестьяне-хуторяне. По словам находившихся в лагере латышей, первая депортация была 14 июля 1941 года – за неделю до начала войны. было выслано 15 тысяч человек. А всего до войны было депрессировано 35 тысяч человек. Депортации возобновились и после войны: 25 марта 1949 года было выселено 40 тысяч человек, в целом, по словам латышей, депрессировано в послевоенные годы 100 тысяч. Один мой знакомый патыш – профессор истории – после депортации оказался в лагере. Он рассказывал, что таких было тысячи. Всего, по его подсчетам, до войны и в послевоенные годы было депрессировано, включая депортацию, 135 тысяч жителей республики.

Среди депортированных было немало евреев. Мой хороший знакомый, рижский еврей Роберт Фейтельсон, выходец из относительно состоятельной семьи, был арестован и выслан за несколько недель до начала войны. Его это спасло от уничтожения – вся семья погибла в годы оккупации.

Коммунистический террор не мог не вызвать ненависти к нему в самых широких кругах населения. Неудивительно, что когда немецкие войска в конце июня – начале июля 1941 года захватили значительную часть Прибалтики, большинство ее жителей восторженно встречало немцев с цветами и свечами. В них видели освободителей от советского господства. А ведь на протяжении многих веков, сначала XIII века, немцы угнетали латышское население. Сначала в составе Ливонского ордена, а затем в Курляндском герцогстве, где немецкие бароны – крупные землевладельцы жестоко эксплуатировали латышских крестьян. Традиционно среди основной массы населения Латвии, да и Эстонии, существовали устойчивые антинемецкие настроения. Но Сталин своей праступной политической перечеркнул их, и десятки тысяч прибалтов по этой иронии судьбы оказались в одном военно-политическом лагере с немецкими оккупантами.

К несчастью, среди небольшой горстки местных коммунистов, на которых опирались советские власти, было некоторое число евреев. Партийные и советские функционеры еврейского происхождения бежали вместе с Красной Армией, а оставшейся массе еврейского населения пришлось кровью расплачиваться за преступления сталинского режима, который местными националистами ассоциировался с евреями, хотя, как хорошо известно, многие из самих литовцев, латышей и эстонцев активно

сотрудничали с этим режимом. В Прибалтике было уничтожено в общей сложности около 300 тысяч евреев, причем не только оккупантами, но и частично местными полицейскими формированиями, у участников которых многие родственники и знакомые были расстреляны или депортированы до войны.

После окончания войны в Прибалтике возобновилась политика террора. Сотни тысяч литовцев, латышей, эстонцев – по некоторым оценкам около 500 тысяч человек – были депортированы до войны и после нее. В этих условиях в Литве, Латвии, Эстонии развернулось движение «лесных братьев», продолжавшееся вплоть до середины 50-х годов. Стремясь избежать депортации, тысячи крестьян, студентов, служащих уходили в леса и начали вооруженную борьбу против сталинского режима. Один из таких «братьев» находился со мной в одном бараке. Это был крестьянин средних лет, бывший зажиточный хуторянин; он взял в руки оружие и несколько лет сражался с отрядами МГБ. В 1950 году он был схвачен в бою, осужден на 25 лет.

Хороша помню очень ложного латыша – Ивара Янсона. Его судьба весьма примечательна. Еще до революции он вступил в Латышскую социал-демократическую рабочую партию, был арестован царскими властями, несколько лет провел в ссылке в Сибири. Оттуда бежал за границу, встречался с Лениным. Когда немецкие войска в ходе первой мировой войны оккупировали Латвию, он был снова арестован. После провозглашения независимости Латвии 18 ноября 1918 года Ивар Янсон принимал самое активное участие в политической жизни страны. Одно время был депутатом сейма от социал-демократической партии. В мае 1934 года лидер «Крестьянского союза» Карл Ульманис совершил в стране государственный переворот, и Ивар Янсон вновь, в течение некоторого времени, оказался в заключении, а когда в 1940 году Латвия была включена в состав Советского Союза, был арестован как активный деятель социал-демократического движения. После оккупации нацистами Латвии был освобожден, но вскоре опять арестован, на этот раз, немецкими властями и опять как активный социал-демократ. Несколько лет провел в концлагере. Когда советская власть вернулась в Латвию, еще раз оказался в тюрьме; был приговорен к 10 годам заключения. Мы с ним работали в одной бригаде по окорке древесины. В 1952 году ему было примерно 80 лет.

В одной из пересыпных тюрем я познакомился с известным еврейским поэтом Моисеем Соломоновичем Тейфом, уроженцем Минска. Его родные и близкие погибли в минском гетто. Просидев в 30-е годы несколько лет в сталинской тюрьме по вымышленному обвинению, он с первых дней войны ушел на фронт. Прошел рядовым от Москвы до Берлина. Это был глубоко лирический поэт. В каждом его стихотворении, почти во всех поэмах и балладах присутствовал он сам, его судьба, судьба его поколения.

К сожалению, мы недолго пробыли вместе. В 1955 году, когда я уже возвращался в Москву, в квартиру, которую мы тогда временно занимали, кто-то постучал. На пороге стоял измученный небритый человек, одетый в потрепанную лагерную одежду. Это был М. С. Тейф, только что вернувшийся из заключения, и прямо с вокзала, узнав через адресный стол мой адрес, явился к нам. Мы привели его в порядок, накормили, дали одежду, помогли с деньгами... Я с ним потом часто виделся. Со временем он пришел в себя. Вновь зазвучал его поэтический голос,

были изданы его книги «Рукопожатие» и «Избранное». Одна из этих книг с дружеской надписью до сих пор хранится у меня. М. С. Тейф скоропостижно скончался в Москве в 1966 году. Его памяти «Литературная газета» посвятила статью.

В Ванино я познакомился с одним бывшим полковником Красной Армии, фамилию которого точно не помню. Звали его Николай Иванович. Во время войны он был тяжело ранен, потерял сознание и очнулся уже в немецком плену. Спустя некоторое время Николай Иванович оказался в окружении генерала А. А. Власова. Там он познакомился с журналистом Мелетием Зыковым, по словам полковника, видимо, евреем. Вскоре он таинственно исчез. Потом выяснилось, что он был схвачен гестапо и расстрелян. Через много лет я узнал, что действительно это был Цезарь Самойлович Вольпе, работавший в свое время с Н. И. Бухарином, в бытность последнего ответственным редактором газеты «Известий».

Общение с Николаем Ивановичем и некоторыми другими участниками власовского движения изменили мое представление о нем. Мне стало ясно, что его нельзя односторонне трактовать как исключительно пранемецкое. Среди его участников была немалая часть идеиных противников сталинского режима, стремившихся использовать немцев в своих политических целях.

Несколько лет назад я познакомился с известным Манифестом Комитета освобождения народов России (КОНР), принятом в Праге 14 ноября 1944 года. Кстати, никаких следов антисемитизма в нем нет, хотя гитлеровские власти, как говорил мне Николай Иванович, неоднократно требовали от генерала Власова, чтобы он сделал антисемитские заявления, но неизбежно получали решительный отпор. Основным ядром манифеста явились 14 пунктов, в которых говорилось о равенстве всех народов России, их права на самоопределение, необходимости ликвидации колхозного строя, установлении частной собственности, освобождении политических узников большевизма, введении свободы религии, совести, слова, сознаний, печати... В Манифесте содержались требования гарантированности личности, имущества и жилища. Провозглашалось равенство всех перед законом, независимость и гласность суда и т.д.

Что же касается участия сотен тысяч бывших советских военнопленных в различных военных формированиях, созданных немецкими властями, то главный виновник этой трагедии – сталинский режим,бросивший на произвол судьбы этих военнопленных и отказавшийся защищать их права и интересы, вопреки всем международным конвенциям. Сыграло свою роль и то, что еще свежи были в памяти и страшные последствия голода в 1932–1934 годах в результате насилийной коллективизации, стоявшей жизни миллионам крестьян, и массовые репрессии конца 30-х годов.

Со мной в одной бригаде на лесоповале работал молодой парень из Вологодчины. Его родители с малолетними детьми – ему тогда было лет 12 – были раскулачены и сосланы на Алтай, где вскоре скончались. Сам он, через несколько дней после начала войны был мобилизован, попал в плен под Смоленском в 1941 году, помещен в немецкий концлагерь. Не выдержав чудовищных условий концлагеря, он согласился вступить в одно вспомогательное военное формирование, созданное немцами. Так он стал «власовцем» и после войны получил 25 лет. Как это ни звучит парадоксально, истинным создателем власовс-

кого движения был не генерал А. А. Власов, а именно Сталин,бросивший на произвол судьбы миллионы советских военнопленных.

Трагически сложилась жизнь советского военнопленного Сергея Воробьева, молодого интеллигентного парня, работавшего до войны учителем. Он тяжело раненый попал в плен к немцам на Северном фронте, несколько лет содержался в концлагере в Норвегии. Накануне капитуляции Германии он с большой группой советских военнопленных бежал из концлагеря и оказался на территории Швеции. Шведские власти собирали всех бежавших и поместили их в лагерь недалеко от Стокгольма. Сергей рассказывал, что это был не лагерь в обычном смысле этого слова, а хороший пансионат, с комнатами на двоих. Их хорошо кормили, дали одежду и обувь, уговаривали остаться в Швеции. Однако вскоре в лагере появились сотрудники советского посольства в Швеции и представители НКВД, которые стали убеждать бывших советских военнопленных возвратиться на родину, обещая «полное прощение вины» за то, что попали в плен и помочь в устройстве жизни в Советском Союзе. Некоторые отказались вернуться и попросту сбежали из пансионата, опасаясь быть схваченными агентурой НКВД.

У Сергея Воробьева была в России молодая красивая жена, маленький ребенок, и он, поверив словам советских представителей, дал согласие возвратиться в Советский Союз. Но домой он не попал, а оказался в фильтрационном лагере; пробыл там 3 месяца, а затем был осужден «за измену Родине» на 25 лет. Ему удалось списаться с женой, которая все время его ждала. Мы с ним пробыли в одной бригаде на лесоповале примерно три месяца летом 1952 года. Но вскоре произошло несчастье. Во время рубки деревьев на Сергея свалился огромный ствол и раздавил его. К его ногам прикрепили бирку и через день похоронили на кладбище, которое было близко лагеря. Никаких крестов на могилах не было: стояли лишь палки с указанием номера барака. Я проводил его в последний путь до вахты, – труп везли на подводе. Дальше меня не пустили, несмотря на все мои просьбы. Подводу сопровождали два вооруженных охранника, – очевидно, боялись, что сбежит... Таких историй в лагере было немало. Хорошо помню пожилого человека по имени Блюменталь, логибшего от перitonита – никакой медицинской помощи ему оказано не было, – хотя врач, тоже лагерник, говорил начальнику подразделения, что больного можно спасти. Но начальник – я был свидетелем этого разговора – откровенно сказал: «Какая с Блюменталем польза – старый человек, на лесоповале плохо работает, одним живым будет меньше».

В лагере среди моих знакомых оказался человек средних лет, называвший себя Георгием Николаевым. Он говорил, что работал после войны в редакции одной из эмигрантских русских газет в Париже, а в 1947 году был похищен агентами МГБ, оглушен и доставлен в Лефортовскую тюрьму в Москве. Он был молчалив, держался особняком, опасаясь стукачей, но постепенно становился все более разговорчивым и однажды, когда мы были вдвое на лесоповале, несколько отстав от основной массы заключенных, рассказал мне свои истории. От него я впервые узнал о существовании за рубежом антисталинской эмигрантской организации «Народно-Трудовой Союз» (НТС). Георгий Николаев родился в Белграде, куда после революции эмигрировали его родители – типичные русские интеллигенты. Отец до 1918 года преподавал историю в

одной из киевских гимназий, мать принимала участие в благотворительной деятельности. Георгий закончил русскую гимназию в Белграде, затем и юридический факультет местного университета.

В начале 30-х годов он вступает в НТС, посещает его курсы, слушает лекции по истории России и истории борьбы с большевизмом, о советской действительности, западной демократии и различных вариантах фашизма, изучает русскую философию, западные политические теории, реформы Франклина Д. Рузвельта. Принимает активное участие в создании «Комитетов содействия» НТС в Белграде, Люблине, а также в Париже и Лондоне. Лозунгом НТС было: «За Россию без немцев и большевиков».

Когда началась война, основные кадры НТС устремились на оккупированные немцами территории Советского Союза. Многие из них, в том числе и Георгий Николаев, стремились проникнуть в созданную оккупантами гражданскую администрацию, занимаясь устройством беженцев. Стали создаваться группы НТС в оккупированных городах. Одна из таких групп была организована в Минске. Георгий Николаевич хорошо помнил минское гетто, старался помочь заключенным в нем евреям, вывезти их за пределы города. Во время одной из таких попыток он был арестован гестапо и несколько месяцев просидел в Минской тюрьме, откуда ему каким-то образом – точно не помню – удалось бежать. Но вскоре он был снова схвачен гестапо и отправлен в лагерь Гросс Розена, откуда был освобожден после разгрома нацистов. Возвращаясь в Югославию, где у власти оказались коммунисты, было исключено, и он, после многих мытарств, оказался в Париже, где и стал сотрудничать в одной русской газете, писал антисталинские статьи, всячески стремился доказать, что обвинения советской пропаганды в сотрудничестве НТС с немцами ни на чем реально не были основаны. И вот в 1947 году он был арестован агентурой МГБ в Париже (очевидно, это были местные коммунисты) и доставлен в Москву. Приговорен к 25 годам заключения. Я с ним много общался, узнавал весьма интересные для меня сведения об истории создания и деятельности НТС. Как известно, после падения коммунистического режима деятельность НТС была легализована в России. В Москве издается журнал «Посев», выходят книги по истории антибольшевистского сопротивления в России.

Моя мать, тоже репрессированная, долгое время сидела в тюрьме, в одиночке, и поэтому круг ее тюремных знакомых был довольно узок. Но один случай врезался в память.

В 1958 году летом в нашу квартиру кто-то робко постучал. Я открыл дверь. На пороге стояла пожилая женщина в каком-то синем халате. Бросилось в глаза, что на ногах были не туфли, а тапочки. Она спросила у меня, проживает ли здесь доктор Викторова? В этот момент в коридор вышла мать. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а затем бросились в объятия... Это была Нина Александровна Оболинская, с которой мать одновременно сидела в одной камере на Лубянке. Сотрудница одной русской газеты, вышедшей в Париже после войны, она в начале 1948 года приехала в качестве корреспондента в Прагу. Вскоре она, французская гражданка, была схвачена агентами МГБ на одной из улиц города, отпущена и доставлена в Москву. Несколько лет провела на Лубянке, а затем, получив большой срок, была отправлена в лагерь. После освобождения ей дали билет на поезд Москва-Париж и небольшую сумму денег. Никаких знакомых у нее в Москве не было и, узнав в адресном

столе адрес матери, она пришла к нам. Мы втроем отправились в ближайший магазин, купили ей приличное платье, туфли. Несколько часов она провела у нас – вечером она уезжала в Париж. Мы взяли такси и проводили ее на Белорусский вокзал. По дороге на вокзал она попросила нас остановиться в одном арбатском переулке, где в большом старинном доме она жила до 1918 года, когда еще молодой девушкой вместе с родителями вынуждена была покинуть Москву и бежать из России. Мы постояли несколько минут. Ниня Александровна прослезилась. Через несколько минут мы были на вокзале. Больше о ее судьбе мне ничего неизвестно.

В лагере было немало людей, которые во время оккупации работали врачами в больницах, инженерами и простых рабочих, трудившихся на предприятиях, занятых обслуживанием местного населения. Хорошо помню врача Владимира Давыдова, арестованного только за то, что в одном из оккупированных городов был заведующим отделением в больнице, где находились в числе прочих больных и гражданские лица, пострадавшие в ходе военных действий. Кроме того, он укрывал в больнице и раненых солдат Красной Армии, выдавая их за местных жителей.

В центральной мужской больнице Вятлага начальником был Владимир Яковлевич Унру, немец по национальности, сосланный вместе с семьей в годы войны в Кировскую область без права покидать место высылки. Жил он за пределами лагерной зоны. Это был исключительно благородный и мужественный человек, врач-гуманист в полном смысле этого слова. Вместо со своей женой Еленой Дмитриевной Луговой, заведующей лабораторией больницы, В. Я. Унру старался облегчить тяжелую участь заключенных, как можно дольше продержать их в больнице, где они могли намного прийти в себя и набраться сил. Владимиру Яковлевичу приходилось работать в трудных условиях, все время находясь под наблюдением лагерного начальства. Узнав, что я из врачебной семьи, он сделал все возможное, чтобы продлить мое пребывание в больнице. После смерти Сталина семья Унру покинула Кировскую область и переехала на Украину в городе Сумы. Мы нашли друг друга и на протяжении многих лет переписывались. В. Я. Унру продолжал работать врачом, одновременно занимаясь розыском следов декабристов на Сумщине. Это было его «хобби». В конце 80-х годов он скончался. Такие люди, как он олицетворяли собой лучшие гуманистические традиции русской медицины, идущие от знаменитого московского тюремного врача Федора Петровича Гааза. Памяти В. Я. Унру я посвятил статью, опубликованную в парижской «Русской мысли» в июне 1990 года.

Порой приходится слышать, что репрессиям подвергались лишь партийные и военные кадры, интеллигенция, в простого народа они не коснулись. Это глубочайшее заблуждение. В лагере, в котором я сидел, в массе своих заключенными были обычные советские граждане – рабочие, инженеры, крестьяне, служащие. Общение с ними имело для меня как историка важное познавательное значение. Я узнал много интересных людей, расширил свои представления по интересовавшим меня политическим вопросам, получил очень важную и разнообразную информацию, которая утвердила меня в мысли, что вся история коммунистического режима – это беспрерывная репрессивная борьба против собственного народа.

Москва

Лефортовская тюрьма – «университеты» Якова Этингера

Виктор СНИТКОВСКИЙ

Из статьи

«С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА»

С Яковом Яковлевичем Этингером я познакомился в 1988 году с первых дней создания «Мемориала». Высококвалифицированный ученый много сделал для выяснения и обнародования преступлений коммунистического режима. Но что, на мой взгляд, не менее важно – он привил высокую культуру серьезного отношения к изучению советской истории и проверке фактологического материала многим мемориальцам. Знакомство с ним в Москве было для меня б

ожым даром. Понятно, насколько радостной была для меня недавняя поездка в Нью-Йорк для встречи с Яковом Яковлевичем, гостившим у своих близких.

То, что выпало на долю этого человека, даже рассказывать трудно. Отец Я. Я. Этингера – профессор-кардиолог Лазарь Яковлевич Ситерман прожил недолго. В «Еврейской энциклопедии», выпущенной в 1997 году в Москве, указаны годы его жизни: 1894, Мозырь Минской губ. – 1941, Минск. Я бы несколько уточнил: не просто Минск, а еврейское гетто в Минске. Именно в гетто фашисты убили Л. Я. Ситермана и его жену. После смерти родителей Яша (по метрике Яков Лазаревич Ситерман) сумел бежать из гетто. Можно ли представить, что пришлось пережить мальчику в те годы, когда он скрывался от немцев и их прислужников?

После войны его усыновили известный профессор-кардиолог Яков Гиляриевич Этингер и его жена Ревекка Константиновна. Так Яков Лазаревич Ситерман стал Яковом Яковлевичем Этингером, приемным сыном «кремлевского» врача со всеми сопутствующими впоследствии несчастьями. Яшу Этингера арестовали чуть раньше приемного отца. Профессор Этингер был арестован первым из «кремлевских» врачей, еще до появления тассовского сообщения от 18 ноября 1950 года. Нужно отметить, что профессор Я. Г. Этингер был давно под колпаком НКВД – МГБ. Он лечил Кирова, Орджоники-

дзе, Вильгельма Пика, Георгия Димитрова и т. д. Как оказалось, в квартире стоял «жучок» для подслушивания. Поэтому Я. Г. Этингеру вполне «обоснованно» инкриминировали «клеветнические измышления» в адрес Сталина, сравнение сталинского режима с гитлеровским, осуждение «борьбы против космополитизма», критику академика Лысенко и утверждение, что процессы 30-х годов в СССР и 40-х в восточноевропейских странах были сфабрикованы. Ну как тут было не добавить «малость» – сотрудничество с «Джойнтом». Профессора, страдающего грудной жабой, зверски избивали, пытаясь добиться признаний в сотрудничестве с «Джойнтом» и т. п. В начале 1951 года его забили насмерть.

Так сталинская разновидность фашизма стала причиной очередного несчастья Яши Этингера – студента исторического факультета МГУ. В июле 1951 года арестовали его приемную мать. К счастью, Яша и его приемная мать выжили и в 1954 году вышли на волю, советскую «волю». Яков Яковлевич Этингер закончил МГУ и стал доктором исторических наук в области африканистики. В Африку, однако, как и в другие страны еврея Этингера, ведущего специалиста Советского Союза по проблемам Африки, автора многих книг не пускали. «Не внушил доверия».

Разобраться с истоками «дела врачей» стало для бывшего политзака настоятельной задачей. В 1970 году ему удалось встретиться несколько раз с бывшим главой советского правительства, членом Политбюро ЦК КПСС Н. Булганиным и высушивать его мнение о «деле врачей». Вот слова Булганина в первом кадре Я. Я. Этингера:

«В 1970 году я несколько раз беседовал с Николаем Булганиным. Он рассказал мне, что процесс над врачами, который намечался на середину марта 1953 года, должен был завершиться вынесением смертных приговоров. Профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Минске, Ленинграде, Киеве, Свердловске и в других городах. Причем была составлена «разногрядка», где было записано, в каком городе будет казнен тот или иной профессор. Булганин подтвердил, что действительно намечалась массовая депортация евреев в Сибирь и на Дальний Восток. Булганин, который тогда был министром обороны, получил устное указание от Сталина подогнать к Москве и другим крупнейшим центрам страны несколько сотен военных ж/д эшелонов для организации высылки евреев. Также планировалось организовать «крушения» части этих эшелонов и «стихийные» нападения на них «населения». Главными организаторами «дела врачей» были Сталин, Маленков, Суслов. Часть активных организаторов этого преступления Булганин отказался называть, но сказал, что они ныне (1970 г.) в числе руководителей страны».

Ясно, что «записка» Лидии Тимашук, кстати, долго пролежавшая у чекистов без движения, была лишь случайным эпизодом. Самых разнообразных доносов в ведомстве заплечных дел всегда хватало. А если было нужно, то их фабриковали «по потребности». Возникновение и проведение всей этой грязной «операции» лежит на совести Сталина и его ближайшего окружения. <...>

Журнал «Вестник» № 1, 1999 г.

Бостон

Иван ЧЕСНОКОВ

ПОБЕГ

Иван Федорович Чесноков родился 22 мая 1926 года в селе Куймань Рязанской (ныне Липецкой) области, в глубоко религиозной семье. Куйманская православная община, в числе многих себе подобных, не признавала просоветской политики патриарха Алексия I и потому с середины 20-х годов подвергалась непрерывным гонениям. (Подробнее об этом см. И. Блинушов «Мы были обречены на страдание...», «Карта» № 2, стр. 29-31). Впоследствии эту

сеть религиозного сопротивления режиму официальные идеологи называли «истинно-православная церковь» (ИПЦ).

Репрессиям подверглась и всяческичисленная семья Чесноковых, а также все их близкие и дальние родственники.

В 1946 году, в возрасте 17 лет, Иван Чесноков получил свой первый срок – 5 лет по статье 58-10. Отбывал в Воркуте. После освобождения в 48-м – ссылка в Новосибирскую область. В 49-м – новый срок (ст. 82, 5 лет), якобы за подготовку побега в... Турцию. Отбывал его в Озерлаг, недалеко от Тайшета.

Освободился в 54-м и уехал в Воркуту на поиски жены и сына, который родился в лагере, в январе 1948 года. В 1956 году семья Ивана Федоровича Чеснокова наконец воссоединилась. В 62-м Чесноковы переехали в Рязань.

Ныне Иван Федорович – единственный, инвалид первой группы, член Рязанской ассоциации жертв политических репрессий. Сын Игорь в 2000 году также признан жертвой политрепрессий, впрочем, ему, живущему на Украине, по украинскому законодательству никаких льгот не полагается...

Событие, свидетелем которого я был, произошло... в 1951 году, в может быть в 52-м. Я точно не помню. Но это не столь важно. Мы строили ПГС-овские дома, двухквартирные. (ПГС – промышленно-гражданское строительство, – ред.). Железнодорожникам. Я там одно время даже печником работал. Была у нас бригада человек 28-30. От лагеря это было недалеко, километра полтора. А лагерь – № 04, станция Чуна, на трассе Тайшет - Братск, 400 км, дальше была Шукша, а потом... но это неважно. Итак, строили мы дом. Конвой приводил, оцеплял с четырех сторон, они смотрят, а мы работаем. Продукты нам давали с собой, варили суп на месте, и когда подходило время, конвой кричит: «На обед!», мы собираемся в кучу с ложками, а они тоже в кучу, с автоматами и собаками, неподалеку, чтобы мы все были на виду. Им обед привозили с зоны. И вот однажды, сидим мы, едим. Конвой тоже. Кто им пищу привез – уехали. И вдруг среди наших поднимаются пять человек и на этот сидящий в куче конвой, жующий, – на прорыв! Бросают им туда одну гранату – взрыв! Вторую гранату – взрыв! Шум, замешательство, выстрелы! И эти пятеро идут

в побег. А тайга рядом, метров 50 всего, максимум – 100. Одного – литовца – они все-таки подстрелили, а четверо ушли...

Буквально через десять минут, как из-под земли, тут столько конвою набежало! С автоматами, с собаками, нас забили в кучу и стали загонять в дренажную трубу под насыпью. Кто чуть замешкался, того штыком угощают в мякое место (у меня на всю жизнь осталась отметина на ягодице), сдергивая конвой, шутка ли – ВООРУЖЕННЫЙ ПОБЕГ! Палят по тайге, орут, шум несусветный. Пряда, убить у них никого не убило, но несколько человек ранили. Видимо гранаты были самодельные. Потом нас стали из трубы выгонять и считать. Тут же всех сняли в зону, бегом, а там сразу почти всех в БУР запнули (БУР – барак усиленного режима, – ред.). И началось следствие. Начали таскать и трясти, как и что, и кто что знает.

Большинство у нас в бригаде имело срок 25 лет. Редко у кого – 15. У меня только 5 было. У меня статья 82-я (побег, вернее, подготовка к побегу), но она хуже всякой 58-й (тем более, что 58-я у меня тоже была, перед этим, значит еще и рецидив). Раз ты беглец, тебе никакой веры, чуть что – в БУР! Я чаще всех в БУРе сидел как ненадежней элемент, все праздники там. С кем только не сидел. БУР есть БУР, чего только не насмотрелся!

Вот вызывают меня, и на испуг сначала: «Ну, что в побег решил? Не удалось?!» – «Какой побег, – говорю, – срок не тот. У меня полтора года осталось». У меня, действительно, оставалось чуть-чуть побольше полутора лет. А они ссыпят вопросами, что, мол, знаю? кто еще собирается? в сми, между делом, проводят тайную линию; что никто, мол, никуда не убежал, всех постреляли, и все. И что интересно, когда мы потом меж собой обсуждали, оказывается – никто из бригады ничего даже и не подозревал! Так эти пятеро скрытно готовились. Бригаду, конечно, распустили. Несколько дней не ходили на работу. Потом заново сформировали, и жизнь дальше потекла. А эти четверо – скончались, потому как ни живых, ни трупов тоже нет.

Раненого литовца сразу забрали в больницу. Там, кстати, его сильно избили. А четверо, что ушли в побег, это были вот кто: один западный украинец, бандеровец, Стицив по фамилии, высокий такой ростом, имя его забыл; второй – Крючко, тоже украинец, но с восточной, с нашей Украины, имя тоже позабыл, про него говорили, что он Герой Советского Союза, насколько это правда, – не знаю, но про него так в лагере говорили; третий был Витя – высокий, красивый парень, и все время под бланного играл, полублатной такой, хотя, конечно, никакой он был не бланной, а так, по молодости лет вид поиметь, да в обиду себя не дать, а последний был китаец, или кореец, я сейчас точно не скажу, хотя вероятнее, все-таки, – китаец, но это не столь важно. И вот их нету, побег был в июле, в конце, время проходит, и все это событие начинает потихонечку забывать. Проходит месяцев восемь, и вдруг, как снег наголову, хотя зима уже прошла, март на дворе, привозят в лагерь Стицива и Крючко. Замученных – страшно! Двоих их привезли. И прямиком в БУР. А я как раз в БУРе сидел. Ну, туда-сюда, расспрашиваем их: как? что? в еще двое где? «Убежали, – говорят, – а нас, вот, взяли». А мы в шутку: «А может, вы съели их?» (Дело-то в лагерях вполне известное). Отвечают, навт, да что вы! А мы все подначиваем: «Ну как, мол,

вкусная человечинка-то?» А они: «Сбегай – узнаешь!» Тоже все шуткой. Шутка на шутку. Скучно в лагере. Вот так вот все. Потом, когда стали их гонять на работу, они говорят, давайте любую работу в зоне, мы за зону работать не пойдем, потому что конвой может убить. И действительно мог. Запросто! Как раз в это время, начиная с 50-го, очень много развелось в конвоях таких подлецов, что промысел из этого устроили. Идет строй, кто-нибудь, случайно, шаг вбок. Побег! Он его – щелк! И ему за такой «подвиг» часы и двухнедельный отпуск. И они так навострились, что только смотри, куда тебя посыпают. А то пошлют и тут же тебя же ишлепнут, за отпуск часы наручные «Победа», Стреляли, конечно, в первую очередь тех, кто чем-то не понравился. Малейший повод – ногу из окна свесил, по работе, – щелк! Так что конвой все очень боялись. И Стицив с Крючко тоже боялись правильно. Но скончавшимся вороде все обошлось благополучно.

Вскоре меня перевели с 04-го на ДОК (деревообделочный комбинат – ред.) и больше я о беглецах ничего не слышал. И в этом лагере я уже был до конца, до смерти Сталина. Про тот побег и думать забыл, другая обстановка, другие люди, другая жизнь. В 53-м умирает Сталин. Все обрадовались, кто даже плачет от радости, наконец-то! Умер сатана! Подох! Бригадир мой, Кузнецов, прямо при надзирателе: «Гад такой-сякой! Я 30 лет ждал, когда он подохнет!» Ну, думаем, пропал наш бригадир. Но нет, обошлось, совсем никак не тронули. А Кузнецов имел 25 лет по 58-В-й (теракт – ред.). Жена написала, что он хочет убить товарища Сталина, избавиться от него хотела.

27 марта 53-го – амнистия. И я попадаю. У меня статья В2-я, бытовая. Я освобождаюсь. Сначала в ссылку. Потом вернулся на Воркуту, где отбывал по 58-й, работал там вольнонаемным. Наконец возвратился в Рязань. Живу, и про лвгерь уж мало вспоминаю, а про тот случай и думать забыл.

И вот в году где-то 91-м, – я уже один жил, жена умерла, – слушаю я Би-Би-Си. И адрут идет передача именно о том самом побеге, свидетелем которого я был! Как все это случилось, я и так знал, автото, что произошло дальше, это меня повергло в шок. Я был так шокирован, что одно время просто не знал, что мне делать, скем поделиться. И правда, поделиться не с кем, жены нет, сын в другом городе, далеко. Недели две наверное я переживал то, что услышал, всего меня вот так всколыхнуло...

Что же у них произошло дальше по рассказу Би-Би-Си. Их было четверо. Первым якобы ослабел и заболел китаец и сказал: «Ребята, вы идите, а я уже старый, не послеваю, пойду сам, умру – умру, нет – нет». Но здесь что-то не то, потому что китаец умереть в тайге от голода очень затруднительно. Потому что китаец ест все! Никто из наших не станет, а китаец таких толстых, жирных белых личинок, червей всяких – будь здоровств. Ему летом в тайге проблем с продовольствием нет. Мне кажется, он и зимой сумеет найти что пожевать. Но Би-Би-Си рассказывает, что они дали ему три спички, иди, мол, своей дорогой, в мы своей пойдем. Отошли они недалеко, да и говорят промеж собой, мы такие все голодные, измученные, давайте съедим его. И вернулись. И когда они вернулись, китаец сразу все понял... Они его прикончили и съели. Съели китаяца, и осталось их трое. И стали они друг друга бояться. То есть, теперь каждого из них, возможно, ожидал такой же конец. А по силе они были разные. Витя – молодой. А те два – украинцы. Может быть, их это сближало, тут только предполагать можно. Двое, видимо, как-то дали друг другу понять, знаками или как там еще, давай, мол, Витю этого приберем. Ну и улучшили момент, без сна ведь тоже нельзя, тайга кого хочешь приморит. И они прикончили Витя и съели Витя.

Как сейчас, у меня в глазах этот Витя стоит, молодой, красивый... Да, съели Витя, – фамилии я его не знал, – дай Бог царствия ему небесного за его ужасную кончину, молодой был, моего возраста, лет 26. Стицив, кстати, тоже молодой был, лет 20, а Крючко – за 30. Но это я, конечно, ориентировочно.

Съели они Витя, и тутуже надвигается зима. Тогда они встали друг перед другом на колени и дали друг другу клятву, что, дескать, лучше мы умрем самой любой голодной смертью, но мы друг друга не тронем! Дали они друг клятву, отлегло у них от сердца, и вскоре нашли они охотничью избушку на зимке. По тайге такие попадаются. Они поселились, там были кой- какие припасы, они это ели. И вдруг приезжает на эту свою зимку женщина, по делам своим. Они ее поймали и начали запугивать – давай, корми нас. Если не станешь, убьем и тебя и семью, нас много, здесь два, там трое, короче, – запугали. И она возила им харчи чуть не целую зиму. Потом в деревне начали замечать, что больно уж часто она на зимку ездит. И взяли ее под наблюдение и местные власти и милиция. А на зимку забрал охотник местный, старик. Они его встретили, обезоружили, обшмонали, – курево там, продукты, – а он на них посмотрел и говорит: «О-о-о! Ребята, да вы – людоеды. Этот трех вам Бог не простит. Вы – людоеды! Ну, съедите вы меня, еще больше греха на вашу душу ляжет. Я уже человек пожилой, бояться мне смерти нечего, и я вам не буду ни помогать, ни чего другого. А вы о своей душе подумайте. Вы, прежде чем умереть, столько еще муки примете...» И вот пока он с ними так разговаривает – в это самое время – облава! И их взяли. Взяли и привезли в Тайшет, и началось следствие. Что да как, да где остальные. Они отвечают, что ничего знать не знают, сначала один отколовся, потом другой. Ушли в тайгу, и все. Врут, в общем, а как проверишь? Восемь месяцев прошло, зима прошла. Следствие было-было и отступило, и их привезли обратно на 04-й, откуда они бежали. Ну в здесь я уже рассказывал, каких в БУРе встретили, как шутки шутили, точно чуяли что. После БУРа к ним относились с настороженностью. Не то чтобы опасались, нет, в лагере народ обычно по кучкам гуртуется, по 3-6 человек, так что бояться их оснований не было ни у кого, а просто с некоторым отчуждением. А вообще-то, они были очень заморенные. Они даже парашу в БУРе таскали, и ничего. Может быть, кто из них и сейчас еще жив. А что? Отсидел свои 25 – им после побега добавили до 25 – и вышел, как говорится, с «чистой совестью»...

И вот когда я услышал, что было дальше, в тайге, у меня остался один вопрос:

Кто мог узнать, что у них на самом деле произошло? Кому они доверились и рассказали? Священнику показались или кому? И прямо в лагере открыли свою тайну или когда вышли? Откуда всю эту историю узнал автор передачи на Би-Би-Си? А может быть, автор все сочинил? Но этого я не думаю. Настолько начало истории совпадает с тем, что я видел собственными глазами, что, думается, и дальнейшее соответствует действительности. И так, знаете, мне хочется узнать, кому же они доверили свою тайну ...

От редакции «Карты»:

Получив этот материал, мы отправили соответствующий запрос на Би-Би-Си. В полученном редакцией ответе сообщалось, что упомянутая И. Чесноковым радиопередача действительно прозаучала в эфире радиостанции, но по техническим причинам не может быть предоставлена.

Литературная запись: С. РОМАНОВ

Сергей ПЛЮЩЕНКОВ

Затянувшийся поиск

С этой обаятельной интеллигентной женщины мне довелось познакомиться в августе 1988 года, когда она приехала в Заярск на поиски матери своего отчима – Анатолия Сондорса, латышского офицера, репрессированного буквально занесколько дней начиная с Великой Отечественной войны.

Долгие годы она писала в различные архивы и ей отвечали – из Риги, Норильска, Тайшета, Ангарска, – что место захоронения А. О. Сондорса неизвестно. Правда, в одном документе конца 50-х, за подпись К. Е. Ворошилова, указывался Заярск (Ангарлаг). Анита Лиепа решила поверить слову бывшего наркема и отправилась в Сибирь. Во второй раз...

Родилась Анита Эдуардсона в 1928 году, в Даугавпилсе. После окончания семилетки училась в латышской гуманитарной гимназии (1942–44 гг.). В 1944 году вместе с матерью была эвакуирована в Германию, где в 1945 году закончила латышскую гимназию Фленсбурга. После войны она вернулась в Латвию и поступила в Латвийский государственный университет. Три семестра училась на отделении журналистики, затем на отделении латышского языка и литературы. Закончив университет в 1952-м, год отработала в сельской школе. В 1953-м, после смерти Сталина, поехала в Сибирь на поиски отчима. Путь предстоял неблизкий, но молодость на боится преград.

От Красноярска до Дудинки добиралась на пароходе «Иосиф Сталин», дальше – на товарняке в Норильск, построенный в трехстах километрах к северу от Полярного круга по указанию «отца всех народов». Через Норильский горнометаллургический комбинат за десятилетия существования ГУЛАГа (1935–1955 гг.) прошло более 500 тысяч заключенных различных национальностей. И так случилось, что поездка Аниты в Заполярье совпала с восстанием в многочисленных норильских лагерях. Доведенные до отчаяния нечеловеческими условиями содержания, «араги народа» отказались выходить на работу, требуя смягчения режима.

В Управлении Норильлага на запрос Лиепы сообщили, что 8.07.1943 А. О. Сондорс был направлен в инвалидный лагерь в г. Заярске Иркутской области. (Там строилась новая железная дорога, связывавшая Транссиб с берегами Лены.) Свои дорожные наблюдения Анита заносила в дневник, ставший ее малчаливым собеседником с 12 лет. Ему она доверила и подробности событий «холодного лета» 1953 года в Норильске, где на подавления восстания были брошены регулярные войска.

Завершив благополучно свое первое путешествие в Сибирь Аните Лиепа не удалось. Ее арестовали в Тайшете, где она дождалась оказии в Заярск, по сигналу соседки по номеру в колхозной гостинице. Главным доказательством «винных» молодой латышки стали странички ее дневника с записью рассказов очевидцев норильских событий. Перевод дневника на русский осуществил профессор госуниверситета, латыш Кейзарс. В итоге, 3 марта 1954 года судебная коллегия Верховного суда Латвийской ССР приговорила А. Э. Лиепу к 7 годам лишения свободы по ст. 58-10 прим., с поражением в правах на 3 года. Срок отбывал в Архангельской и Молотовской (Пермской) областях. Освободилась досрочно в 1955 году со снятием судимости. Реабилитирована в 1991 году.

Вернувшись в Латвию, Лиепа работала завучем в Бебренской средней школе, преподавала английский и немецкий языки. В 1960 переехала в родной Даугавпилс и устроилась на работу старшиной поста водно-спасательной станции. Здесь долгими зимними вечерами, когда приходилось дежурить у телефона, к ней и пришло то, что вызревало подспудно все прожитые годы. Она начала писать. Главным, наверное, было стремление донести до соотечественников лично увиденное и парежитое в сталинских лагерях, запечатлеть горькую правду о трагедии своего народа. Но стремление без способностей к писательскому ремеслу подчас приводит лишь к грубым разочарованиям. К счастью, у Аниты они были. Органически пригодились и природная наблюдательность, и многолетняя привычка вести дневники, и хорошее гуманитарное образование. Первый ее рассказ увидел свет в 1961 году, но... за подпись матери. Такое тогда было время. А первая книга, уже под собственным именем, появилась в 1982 году.

В 1988 году, ровно через 35 лет после первой попытки, Анита Лиепа приехала в Заярск. В это время она работала над документальным романом «Эксгумация», посвященным памяти репрессированных офицеров Латвийской Республики. По ее просьбе я ознакомился в архиве УВД Иркутской области с личным делом Анатолия Осиповича Сондорса (ф. 10, оп. 10, д. 123). Из него явствовало, что он похоронен на бальничном кладбище лагпункта №22, на 25-м километре железнодорожной линии Тайшет-Братск. Интересно, что в этой же тонюсенькой папке с перыхевшими листами содержались и материалы, связанные с сибирской «одиссеей» его приемной дочери в 1953 году. Мы посетили кладбища и определили предположительно место захоронения. В 1991 году Анита Эдуардсона в третий раз посетила сибирскую глухомань и установила памятную гранитную плиту на могилу самого близкого ей родственника. Затянувшийся поиск был завершен.

Роман «Эксгумация» вышел в свет на латышском языке в 1990 году. А в 1998 году дополненный его вариант вышел на русском языке в издательстве «Даугава». Несмотря на несколько отлигивающее судебно-медицинское название – это добротная проза, повествующая об истории одной латышской семьи с конца 19-го века до середины 20-го. Все, кто даст себе труд прочитать его, получат несомненное удовольствие от встречи с настоящей литературой, перенесутся глубокой психологичностью и проницательностью автора, пронесшего душевную теплоту через годы испытаний и лишений.

Оба издания с автографами Аниты Эдуардсона хранятся в моей библиотеке. Для меня это воплощенный в книге символ женской верности и любви.

Заярск

Даугавпилс в 1960 г. Фото: Б. Тикнус

Памяти Владимира Биргера. 1951 – 2002

Умер Володя Биргер... Заместитель председателя Красноярского историко-просветительского, правозащитного и благотворительного Общества «Мемориал». Человек, который помог вернуть честное имя сотиям бывших политических заключенных, узников сталинского ГУЛАГа. Честный, искренне трудолюбивый, интеллигентный человек.

Алексей Бабий, коллега Володи Биргера по Красноярскому «Мемориалу», в 1992 году написал: «Если бы вводилась в системе СИ единица бескорыстности, я бы предложил называть ее «один биргер». Имея ввиду, что набралось бы много людей с бескорыстностью в «0,9 биргера». Если даже люди с «0,56 биргера» – и то редкость».

Вечная тебе память, Володя...

Владимир БИРГЕР

«Ты помнишь, как все начиналось...»

Со странным чувством сегодня вспоминается год 1988-й. А ведь это было так недавно, каких-то десять лет назад. Но попробуйте, расскажите нынешним подросткам, что 10 лет назад не было у нас не то что сникерсов или там авокадо, – обычного сыра годами не бывало в магазинах, за мяслом ставили многочасовые очереди, за растворимым кофе или французской помадой летали в Москву... Боюсь, не поверят!

А что было? О, много чего! СССР, он же Союз нерушимый. КГБ, он же Контора Глубокого Бурения, с ордами своих сексотов. Было Политбюро, ЦК, крайкомы, обкомы, райкомы. Было то ли 50, то ли 70 тысяч танков (точно не помню). Ну, еще был литературный власовец Солженицын. Конечно, не у нас, а в Вермонте. Но Сахарова уже освободили из ссылки. И за хранение «Архипелага» уже перестали сажать. Лед тронулся. Процесс пошел, пробил час огромной вымрежной империи. Она неудержимо покатилась под уклон. Только никто не знал, куда она закатится; не в ракетноядерную ли гражданскую войну?

Главлит, конечно, тоже был, но лед тронулся и тут. К январю 1988 года тронулся настолько основательно, что журналисту Юрию Щекочихину удалось протолкнуть в «Литгазете» ну совсем маленькую заметочку о сборе подписей за создание в Москве памятника жертвам сталинских репрессий. И даже не просто памятника – Мемориала. Мол, есть человек, который собирает эти подписи: Лев Александрович Пономарев.

Прочитал я это поздно вечером, а на следующий день потащился на переговорный пункт: дома-то телефона нет. Стал звонить в Москву, в редакцию «Литгазеты», и с которой-то попытки отыскал Юрия Щекочихина. А уж он дал телефон Льва Александровича. Если кто-то не знает или не помнит: Пономарев – физик, доктор наук, в 1989 году один из основателей движения «Демократическая Россия», позднее депутат Верховного Совета и Госдумы.

Дозвонился я к Пономареву, сказал ему свой адрес. Он обещал прислать образец подписного листа. Отправляя он

трижды. Письмо с образцом дошло с третьей попытки. Это было уже в самом конце февраля.

Проблему «множительной техники» решила раздрягальная машинка «Ортех» из ателье проката, в сочетании с пачкой копирки. Отпечатав десяток бланков, я принес их 5 марта (клянусь, это чисто случайное совпадение) на ВЦ, где трудился на жухлой ниве АСУ, и прошелся по отделам. Кажется, с десятком подписей я тогда собрал. Но некоторые сильно перепугались.

После этой «пробной серии» я вручил насколько бланков Ирине Кузнецовой. У нее сбор подписей тоже пошел. Я не помню как, но через несколько дней мы с ней «вышли» на Алексея Бабия (он был программистом, как и я) и встретились с ним в ГорДК, в литературной студии Русакова. Алексей сразу подключился к работе.

Кстати сказать, это были как раз дни так называемого «малого застоя» (авт вопрос для Знатоков: кто помнит, что это такое – письмо Нины Андреевой?). Но мы на это как-то не обращали внимания, потому что заняты были делом. В эти же дни мы отчетливо почувствовали, что с методологией у нас слабовато. А дело делаем серьезное, никак нельзя его завалить! Телефон Владимира Георгиевича Сиротинина у меня был. Когда появилась уверенность, что не по пустяку человека беспокоим, мы ему позвонили и договорились о встрече. Так и так, говорим, опыта у нас нет, боимся напортить, вся надежда – на Вас.

Опять же, если кто не знает: у Сиротинина за плечами больше двухсот часов допросов в КГБ, начиная с середины шестидесятых, почти до середины восемидесятых годов. Трижды его очень хотели посадить, но так и не сумели: работал настолько аккуратно, что у ГБ не было даже уверенности, а только подозрения. Работал он в Фонде Солженицына, то есть в фонде помощи политзаключенным и их семьям.

Как мы и надеялись, со стороны Владимира Георгиевича возражений не поступило. При встрече оказалось, что у него уже есть подписной лист (моего изготовления) – попутным

ветром принесло со Столбов. И он уже сам занялся его тиражированием.

До конца марта нам удалось отправить Пономареву, кажется, с полсотни подписей. Потом пошел сбор подписей на концертах Клуба самоиздательской песни, а весь май я по выходным стоял с листами («на соборе») в Живом углу на Столбах.

Стоя «на соборе», я постоянно жалел, что я не психолог и не социолог. Разнообразие человеческих реакций при виде подписных листов и плакатов-объявления (нарисованного с помощью пластиковых трафаретов) было поистине поразительно: от ненависти к плачачам и до... ненависти к жертвам, были и слезы, и злобная ругань (но это редко), было и неверие в возможность реальных перемен: «Товарищ, верь, пройдет она – так называемая гласность, и вот тогда безопасность припомнит наши имена...»

Лиха беда – начало

Простой вопрос – зачем мы собирали эти подписи? Простой ответ: мы «нутром чуяли», что это нужно и важно. Сами подписные листы московские мемориальцы сделали в ЦК КПСС, как обращение к партконференции. Там они и канули. Но главным был сам процесс сбора подписей – процесс преодоления людьми застарелого страха и тупого безразличия, – главных опою коммунистического режима с той поры, как прекратился массовый террор. Конечно же, сбор подписей был политической акцией. Может быть, точнее будет сказать, – политико-просветительской. Политпросвет, если угодно. Что любопытно, – серьезного противодействия со стороны властей при сборе подписей не наблюдалось. В других регионах бывало всякое.

Параллельно со сбором подписей мы приложили руку и к некоторым другим делам. Думаю, что не все позабыли демонстрацию 1 июня 1988 года: как-никак, первая свободная демонстрация в городе за 70 лет! Так вот, решение провести эту демонстрацию было принято представителями красноярских независимых организаций... на моем дне рождения, в моей квартире, за месяц до назначенной даты. Всех участников не помню, но были Виктор Салато, Ельчанинов, Бабий, Воронова, и, конечно Кузнецова. Всех тогда волновал один вопрос: а что будет, если на демонстрацию (напоминаю, что лозунги были экологические, – еще один «политпросвет») соберется всего 20-30 человек? Но меня волновал совсем другой вопрос: что нам делать, если соберется тысяча? Это же неуправляемая масса! Остальных мое беспокойство смущило.

На самом деле собралось несколько тысяч – демонстрация разрослась из маленького ядра, как снежный ком! Бог миловал, что не подстроили какой-нибудь провокации: последствия могли быть непредсказуемы. Наверно, власти тоже думали, что соберется 20 или 30 чудаков, и все.

Мы, мемориальцы, пришли на демонстрацию в полном составе и не с пустыми руками, в все с лозунгами (неделю мы их рисовали по вечерам). Активно участвовал в этой демонстрации и Комитет Содействия Перестройке, первая независимая красноярская организация, ныне почти забытая, но, на мой взгляд, оставившая в истории города заметный след.

Потом, когда перед СТИ возник митинг, мы свернули лозунги и перешли к своему основному занятию, то есть стали собирать подписи.

Позднее был еще один митинг. И он тоже готовился при нашем участии, но на самом митинге уже мы в основном занимались своим делом.

Сбор подписей продолжался до июля 1988 года. Сколько мы их собрали и переправили в Москву? Больше двухтысяч, где-то две с третьей. А потом мы постепенно перешли к делу, которое продолжаем и поныне. Мы изучаем историю коммунистического террора, – семидесятилетней войны ленинцев, сталинцев и т.д. против порабощенных ими народов, начиная с русского и кончая афганским.

Временами это была война на истребление, – как в 1918-1920, 1929-1933 или 1937-1938 годах; в другие периоды – война на исключение. Позднее, при Хрущеве, война в основном приняла форму «холодной», но войной быть не перестала, то и дело давая «горячие» вспышки: Новочеркасск и другие городки российского Юга, Тбилиси (в 1977 году, когда люди встали на защиту родного языка), интервенции в Венгрии и Чехословакии, а уже в «перестройку» Алма-Ата, Баку и снова Тбилиси, Вильнюс и Рига. И Москва: Три Дня в Августе. Но эти три дня стали для режима последними.

Не думал я, что та война еще даст рецидива: бойню на Кавказе в 1994-1996 годах. Издохшая империя сумела-таки ужалить «с того света».

Вопросы с ответами и без

А, собственно, кто такие – мы? Объясняю: мы – это Красноярское общество «Мемориал». И сегодня нам – 10 лет. Мы – местное отделение Российского Историко-Православительского Правозащитного и Благотворительного Общества «Мемориал». Разумеется, задача Красноярского «Мемориала» – это, в первую очередь, изучение событий, происходивших в Красноярском крае (мы говорим: «в нашем регионе»).

А, собственно, зачем? Ну, хотя бы затем, чтобы знать отечественную историю. К примеру, если спросить у любого случайного прохожего, что такое Бухенвальд, то он, наверно, что-то вразумительное сможет ответить. А если спросить его про Енисейстрой (или про СибУЛОН, или про Горлаг)? Конечно, про далекий заграничный Бухенвальд тоже знать надо, но про свое, родное и близкое, тем более. Это же и есть наша история! А что она приятна не во всех отношениях, тут ничего не поделаешь: другую историю нам взять неоткуда. «Да я и не желал бы для нас иной истории», как сказал со вздохом великий поэт. Правда, не знаю, что бы он сказал, доживи он до торжества ленинских идей...

Если же говорить серьезно, то достаточно процитировать другого классика: «Народ, забывший свое прошлое, рискует пережить его еще раз».

Пишу я, а сам думаю: это для нас ГУЛАГ – прошлое, а для кого-то другого? Например, для соседей наших за Туманаганом? Да и за Аргунью с Амуром, прямо скажем, много такого, что у нас видят уже только в дурных снах. И чем это у них кончится? Дай-то Бог (и им, и нам), чтоб кончилось хотя бы тек, как у нас, а не так, как в Югославии... При их-то ракетно-ядерном арсенале...

Хочу добавить еще пару забавных наблюдений из того, уже давнего 1988 года. Нам тогда часто задавали несколько типичных вопросов. Во-первых, почему мы решили заняться темой «сталинских» (по тогдашней официальной терминологии) репрессий – наверное, от них пострадал кто-то из наших близких?

Каждый раз приходилось довольно долго объяснять, что причина вовсе не обязательно в этом. Например, родителей Владимира Георгиевича террор не задел (хотя среди дальних родственников, конечно, были репрессированные). Моего отца оформила на червонец тюрьма (10 лет тюремного заключения) выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР (уф-ф! у нас принято рабочее сокращение – в/с ВК ВС). Но! Если исходить из фактов личной биографии, так я должен по гроб жизни благодарить обоих великих вождей (то есть Иосифа Виссарионовича и Адольфа Алоизовича), поскольку без их упорных и настойчивых стараний я бы просто не смог появиться на свет. Поэтому что

первую семью отца убили в Харькове нацисты. Ира Кузнецова тоже обязана появлением на свет «гению всех времен»: ее отец, Побиск Кузнецов, как и мой, оказался в Красноярске после Норильлага. Несколько ярких страниц посвящено ему в мемуарной книге Бориса Витмана «Шпион, которому изменяла родина».

Второй типичный вопрос: «Ну, год-два вы будете спрашивать репрессированных, всех опросите, а дальше-то что? Их же мало осталось...» Первое время мы и сами не представляли истинных масштабов проблемы, хотя уже тогда понимали, что работы явно не на год. Прошло десять лет, и теперь совершенно ясно, что работы хватит нескольким поколениям историков. То, что делаем мы, вообще кажется мне чем-то вроде нулевого цикла. Впрочем, почему удивляться? В истории Второй мировой войны еще немало белых пятен, а ведь ее уже полвека изучают тысячи историков! Причем это история длиной «всего» в шесть лет, а не в семьдесят.

Бывает и покыне, что кто-нибудь удивляется: «Как, неужели к вам до сих пор обращаются репрессированные?» В этом случае я объясняю очень просто: стабильный поток обращений нам гарантирован еще... двадцать лет. Дело в том, что в 2018 году уйдут на пенсию (если пенсионный возраст не изменят) родившиеся в 1958 году, в год массового освобождения из ссылки. Тем из них, кто « успел» родиться в ссылке, предстоит реабилитация. А поскольку до пенсии статус реабилитированного не дает практической пользы, то за реабилитацией многие начинают обращаться, только когда уже пришла пора оформляться в собесе.

Конечно, ссыльные были и после 1958 года; например, некоторых литовских и латвийских граждан (с первой депортации, с 1941 года) держали под комендатурой до 1960 года и даже позже (мы не знаем, почему), некоторых ссыльных украинцев с депортации 1951 года освободили только в 1963 году, а еще были бывшие узники-двадцатипятилетники, которым заменили лагерный срок ссылкой и освободили в 1963-1964 годах... Но это уже не были такие массовые случаи.

А последний массовый поток ссыльных пошел с 1961 года, по знаменитому хрущевскому «кузнуку о тунеядцах». Нынче он знаменует в основном благодаря великому Бродскому: как раз по этому указу его и засудили. Но зря некоторые считают, что тогда пострадали преимущественно «попты-изузыканты-художники»: сотнями ссылали в наш край гонимых за веру – истинно православных и пятидесятников. Это была ссылка «срочная», то есть со сроком. Как правило, по указу давали пять лет. Для сеединения: нам уже удавалось по таким случаям добиться реабилитации.

Мы и наши посетители

Прием посетителей в нашем «Мемориале» – это вообще особая тема. На приеме сижу как раз я. «Сижу» пять раз в неделю, то есть кроме выходных, когда Дом Техники заперт на замок.

За неделю бывает иногда 15-20 обращений (человек пришел с каким-то вопросом по нашей тематике – это называется обращением), иногда 40 и больше – это уже перегрузка. Но нигде не денешься. Ну, дело не только в этой цифре, обращение обращению рознь. Один человек пришел подписать запросы, которые я подготовил после его предыдущего прихода. Это дело минутное. Или принес ответы из УВД, ФСБ или еще откуда-нибудь – ответы на запросы, которые мы с ним ранее сделали по его проблеме. А другой – это новый посетитель, «первичное обращение». Пока я «посмотрю вопрос», то есть разберусь, какие были в его деле «факты применения репрессий» и какие практические воп-

росы по его делу нужно решить, и каким образом это нужно делать – на все это может уйти и полчаса, и даже больше. Конечно, бывают и простые дела, но ведь пока не посмотрю, неизвестно, простое дело или нет. Поэтому первичных посетителей оставляю на конец приема. Иногда бывает, что начнут возмущаться: а мы первые пришли! Приходится объяснять: Вы пришли только сегодня, а вот она месяц назад, а он – год назад. Еще бывает, что начинают доказывать: у меня, мол, дело минутное, только скопировать две бумажки! Ага, говорю я, все понятно, придется с Вашим делом разбираться минут сорок, не меньше. И редко ошибаюсь: доказано практикой.

Что мы даем людям

Работа с посетителями у нас основана на принципе итерации, то есть, начав решать вопрос, я стараюсь его дорешать до конца. Объяснять людям, куда и как запрашивать, часто бывает бесполезно: многие не очень грамотны. Ненадежно и слишком долго. Быстрее и несравненно надежнее – самому готовить нужные запросы и самому их отправлять.

Одна беда: официальные органы обязаны отвечать гражданам, то есть, в нашем случае, репрессированным или их родственникам, а вот «Мемориалу» отвечать не обязаны. И, как правило, не отвечают. Поэтому запросы должны быть от имени посетителей, из-за чего они вынуждены приходить еще раз, чтобы своей рукой эти запросы подписать.

Само решение конкретного вопроса может занимать несколько месяцев. Если вопрос заключается в том, что у человека посадили отца, скажем, в Омской области, в никаких документов об этом у него еще нет, то сначала надо запросить в Управление ФСБ по Омской области, и через два месяца придет ответ. Тогда можно уже запросить справку о реабилитации отца, скажем, из Омского облсуда. Это еще месяц-полтора. И, наконец, заявление в прокуратуру Омской области о признании пострадавшим. Еще месяц-полтора, и получен результат – справка о признании пострадавшим. Тогда я объясняю, с чем и к кому идти в собес, и какие в результате у человека появятся льготы. И еще – что когда пройдет через Госдуму проект изменений и дополнений к Закону о реабилитации, то спрашиваю «о признании пострадавшим» как бы сама собой превратится в справку о реабилитации, и у ее обладателя появятся еще и другие льготы, а также надбавка к пенсии.

То есть, выходит в сумме 4-5 месяцев, а ведь такой случай из самых простых. «С нуля» он решается в три итерации, шесть обращений.

Кто-то может спросить: почему эти люди идут в «Мемориал», а не в прокуратуру, или УВД? Объясняю: многие сначала идут в официальные учреждения, а уже оттуда их направляют к нам. По разным причинам: у одних вопрос не по нашему региону, у других недостаточно документов или какие-то другие сложности... И правильно делают: прокуратура не станет разбираться с проблемами ссыльных, это компетенция УВД; УВД не занимается вопросами компенсации за утраченное имущество, и т.п. А в «Мемориале» мы стараемся решить каждый вопрос в полном объеме. Посетители приходят и говорят: мне надо получить то-то. А я им отвечаю: вот когда я посмотрю Ваш вопрос, тогда и скажу, что Вам нужно. Часто приходят люди с целью получить справку о признании пострадавшим, а оказывается, что им и реабилитацию надо получать: были в ссылке. Бывает даже, что они сами об этом не знают (что были в ссылке), а мне это видно по документам, которые они сами же и привнесли.

Что это дает нам

Естественно, что помочь репрессированным и пострадавшим, прежде всего в восстановлении их прав, как это предусмотрено Законом о реабилитации, – для нас одна из уставных задач. Но когда на приеме меня спрашивают, главное ли это наше дело, я объясняю, что «Мемориал» – историко-просветительское общество, и только потом идет слово «правозащитное». Для нас прием посетителей – еще и незаменимый источник исторической информации. Ведь в архивных документах – только часть правды, тем более учитывая, чьими руками они писаны: зачастую руками палачей или их подручных. Любые архивные источники надо с чем-то сопоставить, чем-то надо измерить кривизну этих зеркал. По себе знаю: от долгих занятий в архиве мозги начинают сохнуть, и уже перестаешь чувствовать реальность событий, стоящих за казенными бумагами.

Вопрос ведь не в том, чему верить – документам или людям. Свидетели тоже иногда такого напутствуют. Но и в документах бывает полно самых несуразных ошибок, хотя бы перепутанных дат или фамилий. Очень просто: один источник – пол-источника, два уже надежнее, три – полная достоверность. Если эти источники взаимно независимы.

Это вообще основной принцип исследовательской деятельности «Мемориала»: сбор и сопоставление («стыковка») данных из всех доступных источников. Мы собираем историческую картину из осколков, из мозаики, но у нас есть преимущество: свидетели и их живая, пусть несовершенная, память.

В процессе приема посетителей, однако, у нас реализуются не только правозащитные и исследовательские, но отчасти также просветительские задачи. Часто человек приходит в убеждении, что его отца расстреляли «по доносу» такого-то. Или он хочет посмотреть архивное дело, именно чтобы узнать оттуда, кто написал донос. Приходится объяснять, что причина была совсем не в доносе, даже если донос действительно существовал. НКВД (а до него – ОГПУ, а после – МГБ) просто ВЫПОЛНЯЛ ПЛАН. Да, возможно, не будь того доноса, так расстреляли бы кого-то другого. А планы были – ПЛАНЫ ПАРТИИ. Партия сказала: НАДО. Вот и вся причина. Так же делалось и с «кулаками» в начале тридцатых, так же и с «изменниками родины» в сороковых. Настоящие-то пособники гитлеровцев почти все успели скрыться, а план по изменникам выполнять все равно надо! И НКВД-МГБ выполняло: они люди военные, приказ есть приказ.

Легенды и мифы, цифры и факты

Вообще в этой сфере существует много легенд. Есть такая, что следователь должен был во что бы то ни стало заставить арестованного подписать «признание» – мол, потому их и пытали. Но если это и так, то лишь отчасти: очень многие ничего не подписали («не признали вину») и тем не менее были осуждены. Более того, известны случаи, когда давали срок без единого допроса! Эти случаи известны нам от живых людей, получивших срок именно таким образом. Естественно, мы не знаем, были ли расстреляны без допросов; об этом спрашивать некого.

Есть такая легенда: каждый день на лагерном разводе все обязательно называли свою статью и срок. Не всегда и не везде: сотни тысяч, если не миллионы, узников годами сидели в лагерях и без статьи, и без срока. Это те, кому выписывало срок «особое совещание» в сороковых годах. Но и в 1938 году такое бывало, что этап выгружали в лагере и уже там, сразу или позднее, объявляли срок.

Есть легенда, будто во время войны 58-ю статью из лагерей не выпускали (даже если кончился срок), а держали «до особого». В некоторых лагерях – да, но, например, в

Краслаге и Норильлаге выпускали по концу срока и в войну. Более того, во многих лагерях 58-ю даже актировали, то есть освобождали досрочно по нетрудоспособности. Была такая директива НКВД в 1942 году.

Много недоразумений вызывает цифра: 60 миллионов. Такую цифру (и даже 100 миллионов) называют исследователи, изучающие убыль населения в СССР в результате массового террора. Но это не число погибших, а расчетная цифра, включающая неродившихся детей, то есть детей, которые родились бы, если бы их потенциальные родители остались живы. Надо учитывать и вот какое обстоятельство: погибших могло быть даже больше, чем репрессированных! Потому что жертвы «голодного террора» 1932-1933 годов (на Украине и Кубани, в Казахстане) формально не были репрессированы: их не арестовывали и не ссыпали, а просто отобрали все продукты питания. Типичный случай убийства «без пролития крови». Многие считают, что сюда же надо причислить и ленинградскую блокаду: не очень понятно, кто там блокировал, – вермахт или НКВД?

Это все к тому, что не следует путать два разных понятия: «репрессированные» и «жертвы режима». Второе намного шире первого.

Приходится иногда слышать дурацкий вопрос: а чево это в Казахстане казахов мало, меньше половины? А на севере и на востоке так совсем нету? А вот тово, что в 1933 году казахов в Казахстане осталась третья: треть погибла от голода, когда у них, кочевников-скотоводов, коммунисты уничтожили весь скот, чтобы «перевести на оседлый образ жизни» (держать кочевников под контролем труднее), а еще треть бежала со своими стадами за границу, в китайский Синьцзян.

Быгут в общественном сознании и цифры просто преувеличенные: например, что через норильские лагеря прошло больше миллиона узников. Это не так: не больше полумиллиона, в скорее, около 400 тысяч. Считая и с бытовиками (из которых очень многие тоже были ни в чем не повинны), и с настоящими уголовниками. А политзаключенных, видимо, не более 300 тысяч. Возможно, были среди них и пособники нацистов, действительно виновные в военных преступлениях, но наверняка немного.

Кстати, Норильлаг – это не только сам Норильск с Дудинкой и Кайвраном: это и Восьмое п/о (лаготделение) в Красноярске, и лагерь в Подтесово, и сельхозлагерь (подходы) в Курейке и южнее, до самого Шушенского.

Дело ведь не только в масштабах террора, но, главное, в том, что коммунисты уничтожали или бросали за колючую проволоку лучших: самых трудолюбивых и искусных землепашцев, самых умелых и развитых рабочих, самых честных и толковых юристов, экономистов, историков, самых талантливых и правдивых писателей и поэтов... И так далее, и так далее...

Еще одна легенда, тоже довольно живучая: что в Большой Террор, то есть в 1937-1938 годах, пострадали в основном члены ВКП(б). По нашему региону среди арестованных в период БТ было не больше 2-3 процентов коммунистов. Не исключаю, что в Москве процент мог быть и выше. Но не настолько же!

Да, среди тогдашних коммунистов были субъективно честные люди, искренне верившие в марксистские бредни. Когда такив наконец прозревали, они были обречены.

Нынешние коммунисты доказывают, что им незачем каяться, поскольку членов этой партии при Сталине тоже и сажали, и расстреливали. Они только забывают уточнить, кто их самих принимал в Ряды: расстрелянные? Или те, кто расстреливал?

Красноярск

Памяти Вениамина Иофе. 1938 – 2002

История не учит, а наказывает за незнание.
Вениамин Иофе

21 апреля я готовился к встрече с мелодежью – слушателями Рязанской Школы прав человека. Хотел говорить о миссии нашего историко-просветительского и правозащитного Общества «Мемориал». Трудная задача, – искал образы, сравнения... Как обычно, приемник у меня был настроен на волну Радио Свобода. Да, подумал, всев-таки точнее, чем Веня Иофе, наш петербургский мемориалец, пожалуй, и не сказал никто. Достал с полки журнал «Карта», в котором был опубликован Венин материал «К 10-летию Общества «Мемориал», принялся перечитывать. И тут – новости на «Свободе»:

«20 апреля 2002 года в Санкт-Петербурге на 64-м году жизни скончался известный российский правозащитник и историк Вениамин Иофе. Как сообщило петербургское отделение общества «Мемориал», Иофе умер на эскалаторе станции метро «Проспект большевиков». По предварительной версии правоохранительных органов, смерть наступила в результате сердечного приступа.

Вениамин Иофе с 1964 года активно сотрудничал в запрещенном советскими властями журнале «Колокол», за что в 1965 году был приговорен к трем годам лишения свободы. После освобождения занимался историей политической оппозиции в СССР. С 1989 года Иофе возглавлял санкт-петербургский научно-информационный центр «Мемориал».

Вениамин Викторович Иофе – историк, интеллектуал, вечно ироничный и сомневающийся... Теперь нам придется жить и работать без него. Естественный ход времени. И все-таки очень больно. Вечная память.

Андрей Блинушов

Вениамин ИОФЕ

XX век: мораль и право

Доклад на международной научной конференции
«Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа:
Следствие и выводы». Санкт-Петербург. 26-28 января 1998.

В основу нашего рассмотрения мы положим парадокс, связанный с тезисом о приоритете прав человека, тезисом, который стал одним из основных идеологических догматов политической философии современности. Как мы уже упоминали ранее, 1945 год можно считать кульминацией политической истории XX века. В 1945 году союзные войска на территориях, контролируемых Германией, обнаружили лагеря уничтожения врагов национального германского государства, в том же году в Италии на польском языке вышла книга Моры и Зверняка, описывающая систему лагерей ГУЛАГа в Советском Союзе (по свидетельствам массового опроса польских заключенных, вышедших из СССР в 1942 году с армией Андерса), лагерей, предназначенных для уничтожения врагов социалистического государства, и, наконец, в сентябре 1945 года атомная бомбардировка Хиросимы показала, что и для демократической Америки чужая человеческая жизнь ничего не стоит. Так был обозначен кризис всех трех основных направлений политической мысли XX века: государства социальной справедливости, государства национальной воли и государства разумной демократии. Все они оказались бесчеловечны по своей сути и все

пришли к одному и тому же – к массовому уничтожению случайных людей, оказавшихся на дороге устроителей политического идеала.

В 1948 году для успокоения устрашенного человечества на Генеральной Ассамблее ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, объявившая права и интересы человека фундаментальной ценностью мирового сообщества и ставшая основой нового политического языка. С тех пор нет, пожалуй, в мире ни одного политического документа, который не декларировал бы тезис о приоритете прав человека. Однако полувечовая историческая реальность показала, что массовые политические репрессии, просто убийства в политических целях остались нормой политической жизни XX века. Китай, Вьетнам, Камбоджа, Латинская Америка, Африка, европейские и арабские террористы, Афганистан, Югославия, Чечня – примеры можно множить и множить.

Очевидно, что в современном мире оказалось не обеспеченным основным право человека – право на жизнь, без которого разговор о гарантиях социальных и политических прав остается только ничем не подкрепленным заявлением о благих намерениях. Поэтому фундамен-

тальной проблемой современного мира оказывается вопрос – а может ли вообще быть доказано и подтверждено право человека на жизнь или это просто языковая химера, призванная замаскировать общую деградацию морали и сползание человечества в войну «всех против всех». В предыдущую эпоху право человека на жизнь было декларировано религиозными заповедями, как изначальное божественное установление. В новое время отношение к заповедям изменилось, их стали воспринимать не как запись опыта внутренней религиозной жизни, а как набор рецептов гарантированного спасения, и как всякий набор рецептов – доступными критике и требующими доказательств. Мощная пропагандистская машина работает, чтобы доказать право человека на жизнь. Она апеллирует к нашим чувствам и демонстрирует горы трупов и следы катастрофических злодейств, она апеллирует к праву, которое как бы способно ограничить действие злой воли, она апеллирует к разуму, доказывая конечную неэффективность зла. Все тщетно. Энтузиасты насилия торжествуют повсюду, и кажется, что человек проиграл свою жизнь полностью, причем самому себе.

Более внимательный взгляд на вещи, однако, показывает, что нравственная деградация не тотальна, и есть уровень, на котором мы все-таки находим позитивное понимание у людей самых разных жизненных установок. Право человека на жизнь действительно плохо доказуемо. Плохо доказуемы социальные и политические права, проистекающие из приоритета права на жизнь. Однако если мы обратимся к праву, которым располагают человека вне зависимости от того, жив он или мертв, мы оказываемся на более твердой почве общественного взаимопонимания. Мы имеем в виду право человека на имя. На фоне тотального нравственного релятивизма право человека на имя оказывается одним из немногих неоспоримых постулатов, убедительных для людей различных культур и различных жизненных ценностей. Двигаясь по следам политических катастроф, максимальное сочувствие мы обычно находим в отношении преодоления анонимности смерти. Восстановление имен жертв является задачей, понятной всем и не требующей объяснений. Это дает основание для оптимизма, поскольку защита имени может стать первой ступенью в деле защиты человека. Имя принадлежит человеку навсегда, может быть, это единственная его настоящая собственность, и это дает нам отправную точку для нашего дальнейшего дискурса.

Реализация политической философии в виде трех смертоносных политических доктрин не является случайной. Это явление принадлежит к тому же кругу событий, что и разделение наиболее развитых вероучений и культурно-исторических традиций на три исторических вероисповедания или на три направления. Православие, католицизм и протестантизм, в которых выражает себя историческое христианство; шииты, сунниты и суфий испама; легисты, конфуцианцы и даосы Китая; саддукви, фарисеи и ессеи древней Иудеи – трехчастно разделение идеологии всюду заявляет себя как постоянный мотив в истории человеческого самосознания.

Для всех культур характерна реализация первичного откровения или культурно-исторического мифа в виде

устойчивой триады разделенных идеологом, носителями которых становятся отдельные этносы или субэтносы. В категориях тенденций политической истории эти направления могут быть описаны как тяготеющие к государственной (цезарепапизм, шиитская модель), сверхгосударственной (лапоцезаризм, суннитская модель) или внегосударственной (протестантская, суфийская модель) реализации. Соответствующим образом эти направления генерируют предпочтительные для них политические доктрины, однако нормирование по отношению к государству не исчерпывает и не объясняет этого явления. Интересующие нас современные политические учения, разумеется, также коррелируют с соответствующими разделенными направлениями нашей средиземноморской культуры, однако чисто политологический подход не раскрывает ни истохов этого разделения, ни его последствий. Для выявления их смысла в контексте развития мировой истории необходимо выявление связей с ценностными установками, лежащими в основе политической картины мира.

Если считать, что в основе великих откровений человечества лежит сопряжение учения о высших мировых ценностях с учением о принципах человеческого жизнеустройства (Именно поэтому любое великое открытие в самом скатом виде не может быть сформулировано в виде одного тезиса, а только в виде двух. Так, например, в христианстве на вопрос: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?», Иисус ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всюю душою твою и всем разумением твоим; сия есть первая наибольшая заповедь: вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самою себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»), то разделенные идеологемы могут быть описаны в терминах трех возможных акцентуаций: как учение, акцентирующее высшие сверхценности откровения (в категориях личной истины), учения, акцентирующее ценности человеческого мироустройства (в категориях всемирности), и как учение, акцентирующее ценность и спасительность самой принадлежности к исповеданию как таковому (в категориях ортодоксальной верности). Здесь, по-видимому, мы подошли к самим основам наблюдаемого и достаточно устойчивого феномена, осталось только понять причинный механизм этого явления. Причины эти коренятся в самих основах человеческой связи с миром, – в человеческой психике.

Современная психология нам сообщает, что эволюция человека от первобытного состояния к современному сопровождалась дифференциацией ранее единого первобытного сознания, которое она называет прародительским, на эмоциональную, волевую и интеллектуальную сферы. Эти сферы, ранее составлявшие некое нерасчлененное единство, в процессе культурной эволюции породили многообразив психологических форм, ощущений, представлений, сделав человеческую жизнь богаче и многообразней. Наука, искусство, упорядоченная социальная жизнь стали возможны как следствие этой дифференциации. Мир расширил свои пределы, человек стал участником событий микро- и макромира и создал современную глобальную техническую цивилизацию. Платой за психологический прогресс стало прогрессирующее расхожде-

ние эмоциональной, волевой и интеллектуальной сфер, находящих со временем все меньше точек соприкосновения и горды своей самодостаточностью (их пароль — «профессионализм»). В рамках общественного самосознания эмоциональная компонента, помимо мира искусства, нашла свое выражение в создании систем социальной защиты (в политике — идеи государства социальной справедливости); волевая компонента, помимо мира права, нашла свое выражение в создании культа и культуры войны (в политике — идеи государства национальной воли), интеллектуальная компонента, помимо мира науки, нашла свое выражение в создании культа разума (в политике — идеи государства представительной демократии). Колыма, Освенцим и Хиросима явились логическим следствием этой исторической тенденции.

Вряд ли возможен возврат к некоей критической точке исторического прошлого человечества, где произошло искажение правильного пути, к чему нас призывают многие ненавистники настоящего. Да вряд ли такая точка существовала когда-то. Жизнь развивается по своим неизвестным законам, и сухое дерево назад не пялится. Невозможно и не нужно отказываться от того, что было

создано и накоплено веками. Изменяться вынуждены мы сами, здесь и сейчас. То, что психологи называют прологическим сознанием, которое создает достоверное ощущение сопричастности человека миру в его полноте, то ощущение неразделенности человека и мира, которое делало откровения очевидными и не требующими доказательств, может быть доступным для современного человека развитого интеллекта, чувства и воли не меньше, чем для его далекого предка, для которого право человека на жизнь было столь же естественным, сколько право на жизнь земли и неба. Это состояние сознания уподобляет микрокосм человека макрокосмосу Вселенной, оно придает смысл человеческому имени как главной связи человека и мира, оно не отмняет ни логики, ни науки, ни даже политики, оно просто тяготеет к Единому. Поэтому сегодня, если в каких-то событиях мы угадываем проявления того, что принято называть планетарным сознанием, или замечаем просто тенденцию к соединению ранее несоединенных сфер общественного бытия в едином взаимодействии, это означает, что сквозь руины XX века прорастает мир, каким он должен стать после Освенцима, ГУЛАГа и Хиросимы.

Вениамин ИОФЕ

Реабилитация как историческая проблема

Проблема осознания смысла ГУЛАГа (понимая под ГУЛАГом всю репрессивную систему советского периода истории России), помимо чисто исторического интереса, имеет еще один, крайне злободневный аспект, который требует от историков, политиков и юристов незамедлительных ответов, не оставляя им времени на академическую неспешность, — необходимость реабилитации жертв советского политического режима. Многие из этих людей и из их ближайших родственников живы, сегодня они требуют восстановления исторической справедливости (и соответствующей моральной и материальной компенсации). Вопрос относительно легкорешается в отношении лояльных советских граждан, невинных жертв полицейского произвола — их реабилитируют по факту применения к ним необоснованной репрессии. Однако решения проблемы реабилитации в отношении противников коммунистического режима, а также репрессированных организаторов репрессий требует идеологических и правовых обоснований. Реабилитация — не просто юридический акт, отменяющий осуждение, это результат понимания государством своей собственной истории, а потому она служит поводом для осмыслиения коммунистического прошлого России, и здесь просматриваются две последовательные позиции.

Существует точка зрения, что власть в стране стала нелегитимной с момента отречения Николая II в пользу брата, когда был нарушен закон о престолонаследии, или

же с разгона Учредительного Собрания, когда была проигнорирована свободно выраженная воля народа, и нынешнему государству следует объявить себя прямым наследником дореволюционной России. Устроить государственное перезакоронение царской семьи, признать свою ответственность по царским долгам, вернуться к нормам дореволюционного права и собрать Земский Собор или Учредительное Собрание. В этом случае многолетнее сопротивление (в том числе вооруженное) советскому режиму нужно считать обоснованным, а строительство и укрепление его — противоправным. Стало быть, не может быть и речи об юридической реабилитации Троцкого, Бухарина, Зиновьева (ныне реабилитированы), Ягоды, Ежова, Берии (не реабилитированы) или исторической реабилитации Ленина, Сталина, Дзержинского (до сих пор почитаются недостаточно высоком официальном уровне) и др. И напротив, должны быть немедленно реабилитированы все участники Сопротивления: участники кронштадтского и тамбовского восстаний, Петроградской боевой организации 1921 года, подпольных политических кружков 1920-1980-х годов (ныне разрешили), участники крестьянских восстаний 1930-х годов, эмигранты Савинкова, Российского Общевоинского Союза (РОВС) 1920-1930-х, Народно-трудового союза нового поколения (НТСНП, позже НТС) 1930-1950-х, бойцы Русской Освободительной Армии (РОА), руководители Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) 1960-х

годов (не реабилитированы), и исторически почтены А.В. Колчак, А. И. Деникин, Н.Н. Юденич (отвергаются во многих влиятельных кругах). Как видим, никакой последовательности подхода в реальности нет.

Возможна и другая политическая, а следовательно, и юридическая позиция — признать советскую власть в России исторически состоявшейся и тем самым легитимной *de facto*, по крайней мере с момента принятия советской Конституции 1936 года, которая отменила сегрегацию по социальным мотивам и уравняла всех граждан страны в их правах и обязанностях и тем самым хотя бы формально соответствовала общеевропейским понятиям государственного права своего времени. Состояние страны в предшествующий период, с 1917 по 1936 годы, признать правовым нет никакой возможности, и любая деятельность, направленная на восстановление Российской Империи или власти Учредительного Собрания, или просто противодействующая usurпации власти большевиками должна считаться юридически оправданной. Однако при таком подходе все исторические события последующего периода, начиная с 1937 года, следует оценивать с точки зрения соблюдения конституционных и юридических норм, действовавших в Советском Союзе в то время (уж какие бы они ни были), и тем самым считать неправовой практику применения езеконституционных актов революционного самосознания, решений неконституционных органов управления, партийных установок и телефонных звонков. Такое понимание отвечает популярному тезису диссидентов 1960—1970-х годов: «Соблюдайте ваши собственные законы», юридически оно закреплено решениями Конституционного Суда РФ 1992 года по проверке Указов Президента РФ о запрете КПСС и КП РСФСР. Эти решения признали нарушение Конституции СССР руководящими органами ВКП(б)-КПСС, подменявшими законные органы власти, преступной противоправной практикой, требующей осуждения. При таком подходе деятельность всех без исключения чинов партийного руководства страной (Сталина, Молотова, Хрущева, Брежнева, Ежова, Берия и др.) была противоправной в той степени, в какой она вела к разрушению существовавшего конституционного порядка в стране, и только во вторую очередь из-за большего или меньшего объема личных злодейств. Обычно деятели советского режима после вынесения им приговоров в предсмертных обращениях в ЦК писали о том, что вся их жизнь и работа были посвящены делу укрепления власти Центрального Комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина, то есть, разрушению существовавшего конституционного строя, что в понятиях права означало их признание в акте государственной измены. Такой формально-правовой подход дает нам основание считать любое посягательство на суверенитет страны и ее законный конституционный строй со стороны внешних сил криминальным, что отвечает распространенному представлению о легитимизации советского режима победой в Великой Отечественной войне. Но внутреннее сопротивление установлению и усилению коммунистической тоталитарной диктатуры, нарушающей собственную Конституцию, мы должны считать обоснованным, и все участники такого сопротивления (не совершившие общеуголовных преступлений) заслуживают реабилитации потому что они были правы по существу, а не из-за формальных недостатков их следственных дел.

Тем не менее сегодня сложилась парадоксальная ситуация, отражающая всю неосновательность современ-

ного государственного устройства России. Осужденных советской властью по политическим мотивам легко реабилитируют, по возможности, не входя в рассмотрение существа обвинения, из-за отмененной ныне статьи обвинения, из-за осуждения «тройкой», или по недостаточной доказанности факта покушения на устои советской власти. Так при рассмотрении проблемы реабилитации участника Петроградской боевой организации Н.С. Гумилева главным оказывается не вопрос о том, был ли он прав или не прав, борясь с коммунистическим режимом, а то, что его враждебность к советской власти оказалась неубедительно документирована. Если же в реабилитации отказывают, то в основном по причинам личной причастности осужденного к злодействиям, совершенным на пользу советской власти, вызывающим отвращение общества (Ежов, Берия), или, напротив, из-за действительного намерения свергнуть существовавший в стране коммунистический режим, признаваемый и ныне законным (руководители ВСХСОН, осужденные в Ленинграде в 1967 году).

Сегодня правоприменители РФ готовы отменять квартальные акты советской юстиции, потому что те были вынесены на основании плохих законов и в рамках плохой процедуры и в тех случаях, когда можно посчитать, что «антисоветская деятельность» была неубедительно доказана. Однако их не отменяют в отношении реальных противников коммунистической диктатуры, угрожавших «государственному и общественному строю СССР» (признанному Конституционным Судом в 1992 году антиконституционным). Но главное противоречие состоит в том, что все судебные решения советского периода по политическим делам, в том числе и последних десятилетий его существования, так и не признаны неправосудными и подлежащими отмене из-за того, что их вынесли с нарушением законов своего времени, которые и тогда требовали от обвинителя доказательства наличия субъективного умысла на нанесение вреда своей стране в делах по обвинению в антисоветской деятельности или доказательств заведомой ложности утверждений в делах об антисоветской клевете. Никто этого никогда не доказывал, тем самым судебные процессы были беззаконны, а правоприменители очевидным образом были повинны в преступлениях против правосудия. Произвол реабилитации, ныне сменивший производство репрессий предшествующего периода, превращает российскую историю XX века в бессмысленную череду событий и погружает российское общество в морально-политический хаос, в котором состоявшаяся реабилитация Трецкого, как и несостоявшаяся реабилитация Берии, не значат практически ничего.

Этот хаос юридических, политических и моральных оценок является едва ли не сознательной дымовой завесой, которая вводит общество (и, кажется, не только российское) в долгие и бесплодные дискуссии по частным вопросам осуждений или неосуждений того или иного исторического персонажа, и тем самым маскирует проблему необходимости нахождения формулировок по исторической оценке советского периода истории России в столь же бесспорных формах, какие были найдены в отношении национал-социалистической Германии. Эта оценка необходима не только для внесения в школьные учебники по истории XX века, но и для учета ее в современной юридической практике.

История в документах

Письма советских граждан в Кремль

«1930-го Октября 25 дня.

Михаилу Ивановичу Калинину с просьбой к вам и прошу вашего пояснения, как у вас дано в распоряжении вами для детского питанья малого возраста... Последнее время детского питанья ничего не видим, кроме нормы арханой муки 6,5 килограмм и сахару 400 грамм и песку 400 грамм, и больше ничего: крупы, макарон. Уже муки белой на детей не видим, и ребенка воспитывать совершенно нечем. У нас макароны и крупа... уходят по столовым взрослого питанья, а дети остаются не при чем, и я предполагаю, что райпо делает неправильное распределение, они все говорят, на детей ничего не высыпают. И прошу вас, пожалуйста, дайте ответ.

Член лавашной комиссии. 2-е пояснение.

По заявлению гражданина Григория Павловича Филипова, бывшего красноармейца, добровольца, прослужа до 21-го августа месяца, застужа похвальное достоверене за свою службу, и его признают, как кулака, и хотят раскулачить. Они имеет хозяйство: две лошади, две коровы, два теленка листники, две овцы, одного ягненка и одного борова, и семья с 7 человек. Отцу 74 года, матери 71 год, дети 7, 10, 12 лет, и всего считать, двое работников – сам и жена.

Обложенья наложено, что он столько и не получил, урожая ему не хватает уплатить [налог], и он просил разрешенья продать одну корову, которая уже два года яловая, и борова. Ему не дают разрешенья, чтобы закупить те семена, которые он не сеял, как лен, овес, жыта, горох, семя. И все... с него требуют в короткий срок, если не выполнит в срок, то будет обложен пять раз, а если не выполнит опять же к сроку, то в десять раз и распродадут имущество.

Заявитель деревни Ильтитина Ильтитикова сельсовета Болаговского района Григорий Павлович Филипов, а по его заявлению писал сроственник пожене, член партии Болаговской мастерской Егор Иванович Иванов.

Адрес: город Болагос, Кооперативная улица, д. №7, кв. №3.

Извиняюсь, что плохо написал или не по службе. Я ходил во всюду, и нигде не нахожу концов, а меня заставило писать скомбное положение».

«Тов. Калинин М.И.

Я краснофлотец с эсминца «Карл Либкнехта» хочу поделиться и спросить у Вас совета, которого я не мог получить от местных властей, к которым я обращался, как в консультацию. Которая мне определенно ничего не сказала, а посему я решил обратиться за советом, то есть за решением к Вам.

Тов. Калинин, дело было так. Как известно, дело было твк. Как известно для Вас, что мы краснофлотцы за 4 года службы имеем 2 отпуска (кратковременных). И вот, будучи в отпуске по 3 году службы, мне пришлось встретиться со своей знакомой, скоторой я раньше гулял и думал на ней жениться.

Но по случаю весенней службы, мне пришлось отставить мою женитьбу. По приезду в отпуск выяснилось, что моя близкая знакомая, а вернее вся семья лишина права голоса 1930 году. Спрашивается, могу ли я жениться на такой лицонике или нет?

Консультация мне ответила, что жениться я не имею прав на ней. При чем мой отец и вся остальная семья находится в сельскохозяйственной артели. Причем отец пишет мне в письме, что ему говорят, если ты женишь сына на таковой, то и тебя выбросим из артели. Я же считаю себя достаточно выдержаным и стойким краснофлотцом и под влияние не думаю попасть своей жены, а наоборот хочу и ее поставить на социалистические рельсы нашего строительства.

Прошу дать подробное объяснение, будучи моей женой, будет ли [она] восстановлена в правах голоса.

Командир по 3 году службы Иван Васильевич Серяков.

Адрес: г. Кронштадт, з/м «Карл Либкнехт».
13/III 30 года».

По материалам программы
«Документы прошлого»
Радио Свобода.
Редактор и ведущий —
писатель Анатолий Стреляный.

«Дорогой товарищ Сталин!»

Под твоим гениальным руководством, Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков и рабочий класс претворяют в жизнь великие идеи Маркса-Энгельса-Ленина, строят великолепнейшее, еще невиданное в мире, здание социализма, творя незабываемую историю, историю колоссальных побед пролетариата.

Каждый сознательный трудящийся, увлеченный целями и задачами стройки, в социалистическом соревновании, стремится сегодня стать еще большим, чем вчера, а завтра большим, чем был сегодня, и таким образом создает неподражаемый общий подъем, такую большую работу, с такими поразительными результатами, которых даже этакие наши враги отрицают не могут.

И я, несчастный с самой минуты своего рождения (ноябрь 1907 г.), не сумевший до пред назначенного мне места среди житейского искателя и с горькой неудачей борющийся за свое существование, — я не хочу быть балластом, никемным человеком, путающимся в ногах, захваченного стройкой соревнующегося для скорейшего достижения намеченной цели, пролетариата, — я не хочу жить среди общественных отбросов и хлама. Я тоже хочу соревноваться и стать неотъемлемой частью воспитавшего меня пролетариата!

Но, как это ни странно сознавать, я этой возможности лишен и у меня не является сил ее добиться, воротить хотя бы то, что у меня отняли люди, своим же товарищи.

Я погибаю из-за неудач, связанных с непреодолимым желанием и стремлением учиться.

В детстве мою мечту об учебе мне не удалось осуществить из-за матери, бывшей до фундаментализма религиозной (сейчас она безбожница), от которой я по этой причине был вынужден убежать в 1918 г. и воспитываться в детдоме, в батраках, и, таким путем, начать свое самостоятельное существование. Отец в это время был на гражданской войне.

Образование мое (низшее) позволяло мне поступить только на рабфак, путеписку в который я не мог получить до отъезда на службу в Красную армию, в 1929 году, т.к. я в это время по соц. положению был служащим, а жил исключительно в рабочем районе.

Потом, эту же мечту я пытался осуществить в Красной армии, куда меня не брали по болезни, но я добился приема, надеясь на возможность подготовки в техникум, хотя для меня это было и тяжело. И тут меня постигла решительная неудача, не хватило времени для подготовки (работал я машинистом на пишущей машинке в штабе 3-го Стрелкового полка московской пролетарской дивизии). Эта неудача вынудила меня до такой степени захандрить, впасть в такой пессимизм, что я попал в исправ.-труд. лагерь быв. ОГПУ, получив по ст. 58-10 УК 5 лет.

Обстоятельства дела всех не перепишишь, одно лишь можно сказать, что на мое «считься» в это время Союз ССР кишел такими гибниками, как промпартия, меньшевики и прочая сволочь. Оправдываться сейчас бессмысленно, но я считал раньше и допускал и допускаю, что государству, в целях обеспечения своей безопасности, лучше пожертвовать пятком-десятком невиновных, чем оставить на свободе одного виновника, а поэтому, хотя истинное положение вещей и должно говорить, что для длительного моего заключения не было достаточных причин, что ко мне подошли не в меру жестко, я все же, пробыв в заключении около 3 лет 2 мес., за это не обижуюсь. Обижен лишь человеком, дававшим обо мне сведения и до глупого стушавшим краски, скажая этим до неузнаваемости истину.

В лагерях (Вишлаге, Дальлаге и Бамлаге) я вел себя хорошо, работал также, за что пользовался правом проживания на частной квартире. ИТРовским питанием, получал благодарности, премии и удирные зачеты. Работал я 6 месяцев на общих разных работах, месяцев 9-10 машинистом на пишущей машинке и остальное время — старшим делопроизводителем замчасти крупных отделений. Порученное мне дело выполнял добросовестно, не считаясь с временем, а руководился всегда только интересами дела. Пользовался большим доверием и авторитетом. Такая работа, я работал я везде, также и до службы в армии, в прокуратуре и в профорганизациях, и в комсомоле, и в армии: взяла у меня процентов 25-30 злоровья; я чувствую большую утомляемость, чего раньше не знал, усталость.

О нахождении из вас забытых Ставки в Кремле

СТАВКА ИНТЕРВЕНТОВ БЫЛА!

По приезде домой, в марте месяце 1934 года, два месяца я был вынужден быть без работы и тянуть из родителей жилы, поэтому что несмотря на отличную характеристику, я всюду встречал преибражение, недоверие и прочее в этом роде. После долгих мытарств я получил место совершенно бесполезного и ненужного работника – «делопроизводителя по технике безопасности» на фабрике им. Ногина (хлопчато-бумажная), с зарплатой 85 руб. в месяц (в лагерях я получал от 35 до 100 руб.). До этого на этом месте был «инструктор» с окладом в 130 руб. После вышедшего в свет постановления ЦИК и СНК о привавке зарплаты в связи с повышением цен на хлеб, мне полагающейся надбавки не дали, прибавили только после специального ходатайства моего непосредственного начальника – зав. техникой безопасности.

Такое положение невольно ставит вопрос: можно ли нормально мыслящему человеку, душей и телом стоящему на платформе руководительницы – ВКП(б) и убежденному до самого мозга костей в победе социалистических элементов во всем Союзе ССР вплоть до построения социализма, жить в таких условиях, когда везде и всюду – при поступлении на работу, по линии профсоюза, обороны страны, учебы и проч., несмотря на хорошую характеристику от перевоспитавших его органов пролетарской диктатуры, он натыкается на рогатки, препятствия, игнорирование, недоверие и т.п., когда каждый, подчас хуже его, если только как следует разобраться, указывает на него пальцем, когда он, виду всего этого, лишен возможности использовать свои человеческие права на жизнь, на ту жизнь, которую мы, все, повседневной, кропотливой и упорной работой, под знаменем Ленина, под твоим мудреющим руководством – создаем.

Один поэт (Жаров или Уткин, не помню) сказал, что «кроме права на жизнь есть право умереть».

Умирать, дорогой Иосиф Виссарионович, мне так не хочется, потому что я глубоко убежден в том, что... я могу быть в несколько раз полезнее для своего родного отечества, чем сейчас, чем многие другие, кажущиеся чище меня. Несмотря ни на что, я не оставляю мысли об учебе. Учеба – прежде всего, но встречающиеся на моем пути грозные и роковые преграды, вынуждают меня на попытку оторвать у тебя кусочек внимания столь нужного и дорогого для всех, и просить твоего совета и наставления – как достичь необходимого и как стать равноправным существом в рядах побеждающих, меня воспитавших?

Еще раз я прошу, умоляю тебя, дорогой учитель и вождь. Иосиф Виссарионович, ответить мне, дать мне вехи, по которым я буду идти до смерти, никак не сворачивая и не отступая, памятую, что это мне дал величайший в мире человек – Стальной Сталин!

Желаю тебе крепчайшего здоровья и долголетней жизни! Мир – корабль. Живи на благо пролетариата всего мира, и до конца будь гениальным капитаном!

С чувством искреннего уважения и преданностью к тебе Александр Борисов.

31/VII-34 г.

Адрес: гор. Вичуга, Ивановской промышленной обл., казарма №8 кв.1, при фабрике им. Ногина, А.С. Борисову.

«Депутату Верховного Совета тов. Михаилу Ивановичу Калинину.

От избирательницы Шапиро Софы Павловны, проживающей в Ленинграде, в Петроградском районе, по Пермской ул. д. 6, кв. 6.

Товарищ депутат, Вы – последнее прибежище, куда я обращаюсь с надеждой, что мое заявление не останется без ответа. Вот уже 10 длинных месяцев я пишу в различные государственные инстанции, добиваясь восстановления моих прав, и хоть бы откуда-нибудь был какой-либо отклик. 10 мес. назад, 29 октября, арестовали моего мужа, Шапиро Макса Ильича, начальника Сви. Отд. МВД. Я в то время находилась в родильном доме, где пролежала 3 месяца с тяжелым послеродовым заболеванием, в результате которого я осталась полупаралипом.

Так как в квартире в момент ареста моего мужа никого не было, то опечатали все имущество, а облигации и 750 р. денег из квартиры изъяли. Выйдя из род. дома 4 января, я оказалась без всяких средств и совсем чужие люди приносили мне еду. На мои неоднократные заявления в НКВД об отпечатании квартиры, последовало распоряжение 27 января «наложить арест на имущество ЛИЧНО принадлежавшее моему мужу» (так было указано в предписании работников НКВД) и выдать мне мое.

При распечатании же мне выдали самое минимальное и снова все запечатали. Такие же вещи, как буфет, стулья, пианино, из которых я обучалась еще в детстве, получены мною от родителей и ПРИНАДЛЕЖАТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МНЕ. Кроме того, я всю жизнь сама работала, сама подписывалась на займы и приобретала их на свои свободные деньги, а меня лишили моих сбережений.

В довершении всех моих горестей меня выселили из занимаемой мною комнаты буквально на улицу, не посчитаясь ни тем, что я еще еле ходила после моего тяжелого заболевания, ни тем, что у меня 5-ти месячный ребенок. Из Москвы мне пришлось уехать к брату.

Из-за тяжелых материальных условий мне до сих пор не удалось оправиться от своей болезни и до сих пор я нетрудоспособный человек.

У меня двое детей, из которых один 10-месячный. Средств у меня абсолютно никаких нет. Ужас голода для моих детей заставляет меня обратиться к Вам и просить Вашего содействия в восстановлении моих прав на мое имущество и облигации.

Только уверенность, что следствие разберется в деле моего мужа и реабилитирует его поддерживает во мне жизненные силы. Я знаю своего мужа 20 лет. Это честный, порядочный, преданный своему делу – делу укрепления моей Красной Армии человек. Я убеждена, что он мог стать только жертвой клеветы. И тем ужаснее от сознания, что в течение страшных 10 мес. я ничего не могу добиться. Человек сгинул, а на мои заявления хоть бы кто ответил. Очевидно их и не читают.

Где взять слова, которые бы дошли до ушей тех, к кому обращаешься? Укажите мне путь, по которому я должна идти.

С. Шапиро
27/VIII-1939 г.»

СТАЛИНИЦЫ! ШИРЕ ФРОНТ
СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ!

С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ РАДОСТНЕЕ ЖИТЬ!

«Дорогой Михаил Иванович!

Прошу обратить Ваше внимание на мою просьбу и дать мне помочь. Я в 1932 г. вышла замуж за иностранца – немца К.М. Бега, работающего на заводе «Электросвет» в термическом цеху. В 1933 г. родился у меня сын и в 1936 г. мы с ним разошлись по семейной неувязке, но через три месяца мы вновь сошлись и жили без регистрации. Родился второй сын.

В 1937 г. органами ИКВД был взят мой муж, и через шесть месяцев я получила от него письмо с города Франкфурт/Майне, с Германией, где он живет в данное время с родителями. Муж стал хлопотать о моем выезде к нему с детьми, но я категорически отказалась туда ехать, т.к. не представляю и не мыслю там жить. Теперь он хочет и не отказывается помочь мне воспитать детей, т.к. он любит их и является отцом.

В данное время им послана первая посылка детям, которая находится на почтамте, на улице Кирова, и которую я не могу взять, т.к. пошлину в 1000 р. я не в силах оплатить, когда я зарабатываю 250 р., я и двое детей, могу ли я оплатить?

Очень прошу Вас снять с меня пошлину и дать разрешение выдать мне посылку, в также разрешение на получение в дальнейшем посылок без пошлины.

В чем убедительно прошу Вас.

Мой адрес: Москва, Пушкинская площадь, д.1, кв.23 В.М. Шанидзе».

Из приемной Калинина запрос был поставлен в Главное Таможенное управление, откуда поступил следующий ответ:

«Главное Таможенное управление. 25 февраля 1939 г.

Заведующему приемной председателя президиума Верховного Совета Союза ССР тов. Савельеву.

На № К б-М от 16/II-39.

Возвращая при этом заявление гр-ки Шанидзе В.М., сообщаем, что в поступившей в ее адрес из Германии почтовой посылке находятся следующие предметы: трико дамское бумажное – 4 пары, костюмы детские бум. – 2, обувь детская – 4 пары, сорочки дет. Шелк. – 2, комбезоны дет. – 2, ... печенье – 180 гр., шоколад – 200 гр., игрушки – 2 шт., книги. Все вещи новые, пошлина за них начислена в сумме – 3845 р. 60 к.

Вопрос о сложении пошлины представляется на усмотрение Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Начальник Пассажирско-почтowego отдела Ставрополя.

Ответ из приемной Калинина:

«14 марта 1939 Гр. Шанидзе В.М.

В ответ на Ваше заявление о сложении пошлины с полученной из Германии посылки Приемная сообщает, что к поддержке Вашего ходатайства нет оснований.

Заведующий Приемной П. Савельев

Референт Свечников».

«Товарищ Калинин, до вас просьба я крестьянин Иваново-Вознесенской области Рыбинского округа, Молосского РИКа Бор-Дорковского сельсовета деревни Дубец Иван Баскаков. Хозяйство мое бедняцкое, семья моя 5 человек, из них трое детей малолетних: 2 года, 4 года и 6 лет. Хлеба каждый год не хватает, приходится покупать пудов до пятнадцати по дорогой [цене]... И вот харчи только что хлеб да картошка, корова не доит, масла нет никакого, из кооперации ничего не выдают, детишки голодные, осунулись, как береста белые. Глядя на них сердце болит, уж сам на себя и внимания не обращаешь, хотя и работаешь. И вот у меня есть свинья 2 года, и я хотел заколоть, но мне не разрешают, а я уже половину картошки скормил и кормить дальше не в силах – всей картошки не хватит до половины энзы, если ее кормить, и вот прошу вас, товарищ Калинин, разрешить этот вопрос зарезать свинью, жалеючи не меня и не мое хозяйство, а моих малых детей».

«23/XI- 30.

Гр-ну Баскакову И.А.

Сообщаем, что по вопросу об убое скота следует обращаться в местные органы власти, сельсовет и райисполком.

Секретарь ПредВЦИК Смирнов

Член ВЦИК Елисеев».

ЧАСТУШКИ 20-30-Х ГОДОВ

«Дорога моя подруга,
Чего не веселая?
Чего песен не поешь?»
«Голосу лишена я».

Брюхо голо, ляпти в клетку.
Выполнляем пятилетку.
Кто за грибушку, кто за хвост,
Расташит весь колхоз.

Сидит Ленин на березе,
Ну, а Троцкий — на ели.
До чего же вы, товарищи,
Коммуну довели?

В колхоз пошла —
Юбка новая.
Из колхоза выхожу —
Жопка голая.

В том краю собаки лают,
В этом лают кобели.
У меня миленка Ваня
По этапу провели.

Все ребята как ребята,
А мой милый — депутат.
Все ребята при работе,
А мой милый ходят так.

Все ходила, любовалась
Я на этот домичек;
Дом стоит, как сиротинка, —
Выселен миленочек.

Выселяете миленка, —
Выселяйте и меня,
Будем оба выселянцы —
Ягодиничка и я.

Дядя Паша на гармони,
На гармони заиграл,
Запягдал в запретной зоне —
Застрелили наполовину.

Задушевная подружка,
Хорошо в колхозе нам.
У нас каждая горошинка
И та по трудодням.

Как в колхозе «Новый путь»
Зарезали мерина.
Три недели книшки ели —
Вспоминали Ленина.

Как Советская власть
Заморила с голода,
С одного-то колобу
Хрен повесил голову.

Шла старуха из колхоза
Трудоднем обижена:
Юбка рваная, худая
И сама остижена.

Ох, уж эта наша власть —
Никому пожить не дать:
На клопов, на мух, на блох
Накладает продналог.

Я пойду и посажу
К сельсовету елочку.
Председателю скажу:
Не выселяйте дролечку.

Калина-малина,
Нет штанов у Сталина,
Есть штаны у Рыкова
И те — Петра Великого.

Я работала в колхозе,
Заработала пятак.
Пятаком прикрыла перед.
Ну а зад остался так.

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Много хлеба не давай,
Мяса не показывай.

Ох, огурчики мон,
Помидорчики.
Сталин Кирова пришил
В коридорчике.

Мы с килсанком расставались
В это воскресеньице.
Меня приняли в колхоз,
Его — на выселеньице.

Мы с товарочкой ходили
Выселенцев провещать.
Наши милые ревелки —
Не хотели уезжать.

Машина с красными вагонами
Пошла на Соловки.
Зарыдали наши матери, —
Посхали сыники.

Сине море, сине море.
Северно сияние.
Не придет, не прибежит
Залетка на свидание.

Колымы ты, Колымы,
Новая планета.
Двенадцать месяцев зигма,
Остальное — лето.

Скоро, скоро нас угонят,
По баракам развезут.
Вместо дролечек хорошенъных
Топорики дадут.

Мы с подружкой лес рубили,
На бревно уселися.
Про любовь заговорили —
Обе нареклися.

Нвдошли нам бараки,
Надошли коечки;
Еще пуще надоели
Лесозаготовочки.

Публикуются по: «Частушки. (Библиотека русского фольклора)», М. Сов. Россия, 1990 г.

«Мы хотим жить в правовом государстве...»

Правам человека Сибири, Урала и Центральной России.

Конкурсы для учащихся по правам человека были объявлены через региональные СМИ и «Учителскую газету» в сентябре 2001 года. Их проведение стало возможным в рамках проекта ООН «Содействие развитию образования в области прав человека в Российской Федерации», подписанного в июле 1999 года Управлением Верховной Комиссии ООН по правам человека и Министерством иностранных дел Российской Федерации, при организационной и финансовой помощи Благотворительного фонда поддержки инициатив гражданского общества «Точка опоры».

Конкурсы проводились на территории Среднего Урала и Западной Сибири, Поволжья, Центрального Черноземья и Юга России, Красноярского края, Хакасии, Новосибирска, Рубцовска, Барнаула и Новокузнецка (более 40 городов России).

Более полутора тысяч человек представили работы на конкурс. Это были письма-размышления и рефераты, эссе и тематические исследования, доклады и проекты, стихи и рисунки... Члены жюри Конкурса признаются, что круг вопросов, волнующих молодых людей, делающих в общественной жизни первые самостоятельные шаги, удивил, обрадовал и... насторожил. Удивил разнообразием. Обрадовал глубиной и основательностью подхода к осмыслению процессов, происходящих в нашем обществе. Обрадовал желанием вникнуть в суть проблем, оптимизмом и уверенностью в завтрашнем дне.

А насторожил тем, что «обнажил» такие проблемы, которые пока трудно решить и взрослому человеку, и даже государству, которые так хочется «спрятать» от настойчивых детских глаз...

В Рязани вышел в свет уникальный сборник творческих работ учащихся нескольких регионов России на тему «Правачеловека», подготовленный Школой прав человека Рязанского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

В нем представлены работы лауреатов региональных конкурсов по

В своих работах многие писали: «Я хочу жить в правовом государстве... Я сделаю все для того, чтобы мои дети были счастливы...» Ради таких слов стоило проводить конкурс!

В сборнике представлены разные по характеру и объему работы. Составители старались сохранить уникальные точки зрения авторов. Лишь иногда немного сокращали тексты. Коожалению, в сборнике попали даже не все лауреатские работы: объем книги ограничен.

По итогам конкурса во всех регионах были проведены семинары для педагогов, чьи ученики наиболее ярко проявили себя в ходе конкурсов. В семинарах приняли участие известные российские специалисты в области преподавания прав человека. А это значит – тема прав человека начинает звучать в российских регионах. А это значит, что будут новые конкурсы, будут новые сборники!

Один из участников, молодой человек, которому довелось лично быть свидетелем трагических событий в Грозном, написал так:

«Свобода в моем понимании – это то, ради чего стоит жить... Это когда ты можешь создать такой мир, в котором не было бы жестокости, насилия, ненависти, злобы, лицемерия, склонности и лжи. Этот мир должен быть правдивым, добрым, веселым, настоящим.... Он не должен быть черно-белым. В нем должно быть много красок, цветов и счастливых детей. В нем тебя будут окружать только по-настоящему добрые, искренние люди. Проходя мимо, они будут друг другу улыбаться, желать только хороших... Будут тверпимее относиться друг к другу. Засыпая, они будут уверены в завтрашнем дне, а проснувшись, чувствовать, что этот мир нуждается в них... В этом мире каждый человек будет обладать правами... и безграничными возможностями получить все это. Именно таким будет мое государство и всевобущее право в нем...»

Составители назвали сборник – «Мир цвета радуги!»

Все желающие получить это уникальное издание могут обращаться в Благотворительный фонд поддержки инициатив гражданского общества «Точка опоры»:

Москва, 125315, а/я 28. Телефон/факс: (095) 928-40-36. E-mail: tochkaopory@mtu-net.ru , к координатору проекта Лавлычевой Алена,

или в Рязанскую Школу прав человека историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»:

Рязань, 390011. Халтуринская, 7, РСП. Школа прав человека. Телефон: (0912) 24-02-67. E-mail: sofiva@ruazan.net , к руководителю Школы Ивановой Софии Юрьевне.

Нас поддерживали

Правительство Королевства
Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф»
(Рязань)

Фонд Форда
(Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва).
Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-
просветительское и правозащитное
общество «Мемориал»

Агентство США
по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной
Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов
Российско-Американской
Проектной Группы по правам
человека (Москва)

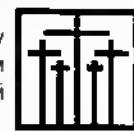

АО «Рокс»
(Рязань)

Фирма орттехники
Антониуса Гуттермана
(Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу
за могилами жертв войны и
репрессий

Общественный Центр
(Варшава) Karta

Полиграфическая фирма
Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой
Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За
гражданское общество»
(Москва)

Права человека в России

http://www.hro.org

Права человека в России (Human Rights Online)

Портал открывает окно в правозащитное сообщество миллионам пользователей российского Интернета. Это самый крупный правозащитный ресурс на русском языке – тысячи документов, почти 2000 посетителей ежедневно. Читатели портала знакомятся с новостями, принимают участие в правозащитных акциях, обсуждают общие проблемы на форуме «Наши права», изучают документы и практические пособия.

В 2001 году пользователи Сети обращались к страничкам разделов и подразделов портала около трех с половиной миллионов раз. Строгий дизайн, информативность, ежедневное обновление – все это привлекает к ресурсу новых посетителей.

<http://www.hro.org>